

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ IV

Г О Д Ъ В Т О Р О Й

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія С. Н. Худекова. Владиміревій пр., № 12.

1892

Печатано съ разрѣшеніи Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Оглавленіе.

СТРАН.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очеркъ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе. *А. И. Соболевскаго* 3— 61
2. Путевыя письма *И. И. Срезневскаго* къ матери его *Еленѣ Ивановнѣ Срезневской* (1839—1842). 62— 96

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

- О вліяніи корельскаго языка на рускій въ предѣлахъ Олонецкой губерніи. *Н. Лыскова* 97—103

Отдѣлъ III.

1. Кавказскій обычай, какъ источникъ изученія первобытнаго права: Замѣтки по поводу сочиненія проф. *М. М. Ковалевскаго*: «Законъ и обычай на Кавказѣ», Москва, 1890 г., т. I и II. *С. Гальперина* 104—120
2. Семья по возрѣніямъ русскаго народа, выраженнымъ въ пословицахъ и другихъ произведеніяхъ народно-поэтическаго творчества. Историко-литературный очеркъ *А. Желобовскаго*.
3. *Kobieta w pieśni ludowej*. Napisala *Kazimira Skrzyńska*. 12° 100 стр. Warszawa. («Biblioteka Wisły» t. VIII).
4. Современный великорусъ въ его свадебныхъ обычаяхъ и семейной жизни. *Л. Весина* («Русская Мысль», 1891. Сент. и окт.). *Вл. Пертца* 120—124

Отдѣлъ V.

Сиѣсь.

1. Бытовыя черты Русяней Холмскаго края. *К. Яроцкаго* . . 125—134
 2. Отчетъ кандидата И. Спб. Университета г. Батанова, отправленнаго въ экспедицію для этнографическаго изслѣдованія тюркскихъ племенъ въ Восточную Сибирь, Монголію и Сѣв. Китай. 134—137
- Объявленія объ изданіи Живой Старины и др. журналовъ въ 1893 г.
Оглавленіе 8 выпусковъ Живой Старины за первые два года. . I—XIV
-

Оглавление 8 выпусковъ „Живой Старины“ за первые
два года.

Годъ первый.

Выпускъ I-й.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	СТРАН.
1. Предложеніе нѣсколькихъ членовъ въ Отдѣл. Этнограф. И. Р. Г. О. объ изданіи журнала «Живая Старина»	III
2. Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина»	V
3. Объявленіе о подпискѣ на журналъ «Живая Старина»	IX
4. Отъ Редактора	XI
5. Программа И. Р. Г. О. для собиранія свѣдѣній по Этнографіи	XLVII
6. Памяти Проф. И. П. Минаева (1840—1890). Лекція въ И. Сиб. Универс. Доц. С. Ѳ. Ольденбурга	LIII

Отдѣлъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Пѣсни о князѣ Михаилѣ. <i>И. Н. Жданова.</i>	I
2. Полувѣрцы Псково-Печерскаго края. <i>Ю. Трусмана.</i>	31
3. Три года въ Якутской области (Этнографическіе очерки). <i>В. Л. Приклонскаго.</i>	63
4. Путевыя письма и замѣтки Срезневскаго о Сербо-Лужи-чанахъ.	84
5. Старое и новое. <i>И. Савченкова</i>	103
6. Повѣрья крестьянъ Тамбовской губ. (очеркъ). <i>Б. Бон-даренко</i>	115

	СТРАИ.
7. Замѣтки о литовской свадьбѣ. <i>Я. Рисова</i>	122
8. Къ видѣнiю Амфилога. <i>А. Н. Веселовскаго</i>	124
9. Груша и Дуна. <i>А. И. Соболевскаго</i>	126
10. Декамеронъ Х. З. <i>А. Н. Веселовскаго</i>	128
11. Къ исторiи народныхъ праздниковъ въ Велiвой Руси	130

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Три былинны изъ стариннаго рукописнаго сборника. <i>Л. Майкова</i>	1
2. Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гродненской губ., Кобринскаго уѣзда. Г-жи <i>Саковичъ</i>	5
3. Катрушанскiй лемезень (условный языкъ шерстобитовъ М. Дрибина). <i>Е. Романова</i>	9
4. Лопарскiя сказки, легенды и сказанiя, записанныя въ Парзѣвскомъ погостѣ, пограничномъ съ Норвегiей. Свящ. <i>Щеколдина</i>	17
5. Явутскiя загадки (Прилож. въ этнограф. очерку «Три года въ Явутской области»).	26
6. Явутская пѣсня о водкѣ.	30
7. О народныхъ забавахъ въ Москвѣ, въ другихъ городахъ и мѣстахъ въ Духовъ день	34

Отдѣлъ III.

Критика и библиографiя.

1. Пешель О. Народовѣденiе.—2. Пыпинъ А. Исторiя русской этнографiи.—3. O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte.—4. P. v. Braadke. Ueber Methode und Ergebnisse der arischen Altertumwissenschaft.—5. Веcke, М. П. Славяно-финскiя культурныя отношенiя по даннымъ языка.—6. Труды 7-го Археологическаго конгресса.

- логическаго сѣзда въ Ярославлѣ 1887 г.—7. Этнографическое обозрѣніе.—8. Смирновъ. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ.—9. Историческая записка о дѣятельности И. М. Арх. Общ. за первыя 25 л.—10. Латкинъ. Красноярскій округъ Енис. губ. очеркъ.—11. Майковъ. Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ.—12. Чтенія въ историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца.—13. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края.—14. А. Сапуновъ. Двинскіе или Борисовы камни.—15. В. Науменко. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи.—16. Ждановъ. Пѣсни о князѣ Романѣ.—17. Луньякъ, И. И. О происхожденіи именъ Чехъ, Лехъ, Русь и Славяне.—18. Goršević. Makedonien und Alt-Serbien.—19. Viestnik Hrvatsko-Arkeologičkoga Društva.—20. Свадебные обычаи у Бѣлыхъ Краинцевъ.—21. Словаки въ Бачской и Сръмской столицахъ.—22. Wista. T. IV.—23. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1890). Чл. С. Э. А. Вольтера 1—42

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Дѣтскія игры. К. М. Петрова и Т. Е. Рѣпникова.—Taulen-Korpa, или Вихорь Н. Кузнецова.—3. Ловля снятка тагасомъ въ Бѣломъ озерѣ. Я. Лейцингера.—4. Описаніе игры Литовскихъ пастуховъ подъ названіемъ «Калуте». Арминайтиса. 5. Литовскія повѣрья. М. Гилиса.—6. Некрологи: М. П. Веске.—7. О. Кольбергъ.—8. Д-ръ Пфуль.—9. С. П. Микуцкій 1—24

Выпускъ II-й.

1. Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина» 1—IV

Отдѣлъ I.

Ислѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1 Пѣсни о князѣ Михаилѣ <i>И. Н. Жданова</i>	1
2. Три года въ Якутской области (Этнографическіе очерки). <i>В. Л. Приклонскаго</i>	24
3. Сербо-Лужицкій народный календарь. (Изъ бумагъ <i>И. И. Срезневскаго</i>)	55
4. Сербо-Лужицкія народныя повѣрья. (Изъ бумагъ <i>И. И. Срезневскаго</i>)	57
5. Умиренье крови въ Грблѣ, въ южно-Адриатическомъ Приморьѣ 27-го августа 1890 г. (Наблюденія и разсужденія очевидца). <i>П. А. Ровинскаго</i>	63
6. Мариупольскіе Греки. <i>Ө. А. Брауна</i>	78
7. Замѣтки о собственныхъ именахъ въ Великорусскихъ былинахъ <i>А. И. Соболевскаго</i>	93
8. Письма <i>И. И. Прейса</i> къ <i>М. С. Куторгѣ</i> , <i>И. И. Срезневскому</i> , <i>П. О. Шафарыку</i> , <i>Куршату</i> и др. (1836 — 1846). Съ предисловіемъ <i>В. И. Ламанскаго</i>	108
9. Отчего кануны Иванова дня (23 іюня) называется купальницею и считается днемъ урочнымъ? <i>М. И. Соколова</i>	137
10. Огонь на Свадьбѣ	138

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Великорусскія народныя легенды. Сообщ. <i>Ив. Мамакинымъ</i>	139
2. Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гродненской губ., Кобринскаго уѣзда. Сообщ. г-жею <i>М. А. Саковичъ</i>	141
3. Болгарскія народныя пѣсни (Изъ Прилѣпа)	147

	СТРАН.
4. Болгарскія народныя сказки (Изъ Прилѣпа)	154
5. Лопарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Пазрѣцкомъ погостѣ, пограничномъ съ Норвегіей. Свящ. <i>Щеколдина</i>	158
6. Якутскія народныя повѣрья и сказки. Сообщ. <i>В. Л. Приклонскимъ</i>	169

Отдѣль III.

Критика и библиографія.

1. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1889). Чл. сотр. Э. А. Вольтера.—2. Этнографическое обозрѣніе. Н. В.—3. А. Павловъ. Неизданный памятникъ русскаго церковнаго права XII вѣка. Н. Волкова.—4. Максимовъ, С. В. Крылатыя слова. Не спроста, не спуста слово молвится и до вѣку не сломится. А. С—скаго.—5. Miklosich, Franz. Die Darstellung im slavischen Volksepos. А. С—скаго.—6. «Мелюзина» (Mélusine), періодическій сборникъ мифологіи, народной литературы, преданій и обычаевъ. О. Б.—7. Bibliografia litewska od roku 1547 до 1701 г., przedstawił Mauryku Stankiewicz (Литовская библиографія съ 1547 по 1701 г., представилъ Маврикій Станкевичъ) Б—са.—8. Darmestetter., James. Chants populaires des Afghans recueillis par С. О.—9. Geiger. W. Das Yatkari Zariran und sein Verhältniss zum Šah-name. С. О.—10.—Das Ausland Wochenschrift für Erd- und Völkerkunde Д. К—скаго.—11. Tr. Krauss, dr. Volksglaube und religioſer Brauch der Südslaven. А. Л.—12. Легенда о св. Алексѣѣ въ сврійской и славяно-русской редакціяхъ его житія. А. Пономарева—13. Narodne pesni koroških Slovencev. Zbral in na svetlo dal I. Scheinigg. С. К, Gumn. prof. v. Celovei Ю. Поливки.—14. В. Томашекъ. Разборъ древнѣйшихъ извѣстій о скифскомъ сѣверѣ. А. К. Васильева.—15. Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О., подъ редакціею Правителя дѣлъ. Ир. П—на.—16. Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла. И. Р. Г. О. Томъ второй, вып. 2 и 3 (подъ редакціею правителя дѣлъ) Ир. П—на.—17. Пыпинъ, А. Н. Исторія Русской этнографіи. Т. II. Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская. *В. Ламанскаго*

Отдѣлъ IV.

1. Вопросы и отвѣты	234

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 12 октября 1890 г. Объявленія.	1—2

Выпускъ III-й.

Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъ-
явившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина».	I—II

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія наблюденія, разсужденія.

1. Письма П. И. Прейса М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафаряку, Куршату и др. (1836—1846)	3
2. Три года въ Якутской области (Этнографическіе очерки). <i>В. Л. Приклонскаго</i>	48
3. Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ С. К. Патканова	85
4. Этимологическія замѣтки: <i>А. А. Потебни</i>	117
5. Отрывокъ быliny изъ Сибирской лѣтописи <i>Л. Н. Майкова</i>	129

Отдѣлъ II.

Памятникомъ языка и народной словесности.

1. Ермакъ взялъ Сибирь	133
2. Заговоры Донскихъ казаковъ. Сообщ. <i>Л. Н. Майковомъ</i>	135
3. Свадебный обрядъ въ Угорской Руси	137
4. Болгарскія народныя пѣсни (Изъ Прилѣпа)	157
5. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палійскаго ка-
нона. (Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева)	161
6. Якутскія народныя сказки. Сообщ. <i>В. Л. Приклонскимъ</i>	165

Отдѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Н. М. Лопатинъ и В. П. Прокунинъ. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ. С. К. Булича.—2. Шемякинъ судъ. С. Ольденбурга.—3. Библиографическій указатель изслѣдованій и наблюденій по польской діалектологіи. И. Лоса.—4. Narodne pripovjesti u Varaždinu i okolici.—Ю. Поливки.—5. Сумповъ, Н. Θ. Культурныя переживанія. А. С—каго.—6. Этнографическое обозрѣніе. Н. В.—7. А. С. Лаппо-Данилевскій. Поверстная и указная книги Ямского приказа.—8. Матеріалы для исторіи Воронежской и соседнихъ губерній.—9. Воронежскія писцовыя книги.—10 Гласникъ земальског. музеја у Босни и Херцеговины и проч.

180

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Письмо изъ Кадникова (Вологодск. губ.). А. Иванецкаго.—2. О музеѣ въ Тобольскѣ. Газенвинкеля.—3. Изъ Подольской губ.—4. Изъ Тульской губ., свящ. П. Сахарова.—5. О Псковскомъ говорѣ. И. Евсѣева.—6. Говоръ крестьянъ Моричельскаго прихода, Великолуцкаго уѣзда, Псковской губерніи. М. Успенскаго

193

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Урочные посты. М. И. Соколова.—2. Русская гигиена XVI вѣка. М. И. Соколова.—3. Примѣты по днямъ луны (Лунникъ). М. И. Соколова.—4. Народныя дѣтскія игры. И. Мамакина.—5. Слѣды древнихъ вѣрованій въ народномъ иконопочитаіи. А. Балова.—6. Праздникъ «Риней».—7. Способъ лѣченія отъ сглазу. С. Брайловскаго.—8. Похоронный обрядъ у Латышей въ 40-хъ годахъ. И. Спрогиса.—9. Загѣтки

о Русскихъ и Калмыкахъ Соснина.—10. Извѣстія о Болгаріи 1835 г. (Изъ бумагъ П. И. Прейса).—11. Монгольскія легенды о монастырѣ Эрдени-Цау. Г. Н. Потанина. — 12. Прусскіе Нѣмцы и Суданскіе Габерн «на дубахъ». В. И. Ламанскаго.—13. «Бѣлая Русь». В. И. Ламанскаго.—14. Францъ Миклошичъ. В. И. Ламанскаго.—15. Слово проф. И. В. Ягича о Миклошичѣ съ замѣчаніемъ проф. И. В. Ламанскаго. — 16. Въ Нео-филологическомъ обществѣ. — 17. Журналъ засѣданія Отдѣленія Этнографіи 28 ноября 1890 г. — 18. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 21 декабря 1890 г.—19. Записки по Отдѣленію Этнографіи Имп. Русск. Геогр. Общества. — 20. Содержаніе первыхъ трехъ выпусковъ «Живой Старины»	213—268
Объявленія.	

Выпускъ IV-й.

Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина»

Отдѣлъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Письма П. И. Прейса М. С. Буторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарыку, Куршату и др. (1836—1846)	3— 42
2. Три года въ Якутской области (Этнографическіе очерки) В. Л. Приклонскаго	43— 66
3. Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ. С. К. Патканова	67—108
4. Мусульманство Рустема Достановича В. А. Жуковскаго	109—117

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палійскаго канона. (Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева) . . .	118—121
---	---------

2. Угро-русскіе заговоры и заклинанія начала XVIII в. Сообщ. <i>А. Л. Петрова</i> съ замѣчаніемъ <i>О. А. Петрушевича</i>	122—130
3. Свадебный обрядъ въ Угорской Руси. (Окончаніе)	131—138
4. Якутскія народныя сказки. Сообщ. <i>В. Л. Приклонскимъ</i>	139—148
5. Лиса и волкъ въ западѣ (изъ армянской книжной сказочной литературы). <i>Н. Н. Марра</i>	149—155
6. Отрывки изъ Киргизскаго сказанія о Идыге, изъ записей <i>Ч. Валиханова</i> , сообщ. <i>Г. Н. Потанина</i>	156—163

Отдѣлъ II.

Критика и библиографія.

1. Отъ редактора (съ нѣсколькими письмами <i>П. О. Шафарика И. И. Срезневскому</i>)	164—174
2. Рецензія <i>И. И. Срезневскаго</i> на книгу <i>Шафарика Slovanský Národopis</i>	174—187
3. <i>Шапкаревъ</i> . Сборникъ отъ болгарски народни умотворенія. Часть прва. <i>К. Я. Г.</i>	187—191
4. <i>Zibrť, C. Dr. Listy z českých dějin kulturních</i> . Прага. 1891. <i>Иос. Караська</i>	191—195
5. <i>Комаревъ</i> . Новая збирка малорусскихъ прыказокъ. Одесса 1890, <i>Арх. Л—на</i>	195—196
6. Замѣтки <i>В. И. Григоровича</i> о нарѣчіяхъ и говорахъ болгарскихъ	196—197
7. <i>Vrčević. Narodne pripovjesti iz života po Boki Kotorskoj, Hercegovinii Crnoi Gori</i> . <i>А. Л.</i>	198

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Праздники Рязанск. губ. Даньк. уѣзда. <i>О. П. Семеновой</i> . 199—202	
2. Ладвинскій или Масовскій языкъ	202—203
3. Крестьянскія игры въ Минской губ. <i>М. Довнара-Запольскаго</i>	203—208
4. Сонъ и сновидѣнія въ народныхъ вѣрованіяхъ. <i>А. Балова</i> . 208—213	

	СТРАН.
5. Народная дѣтская игра «въ сѣно». <i>Ив. Мамакина</i>	214
6. Игры и пѣсенки деревенскихъ ребятъ Лаишевскаго уѣзда, Казанской губ. <i>И. Нечаева</i>	214—226
7. Минусинскій Публичный Мѣстный Музей. <i>Н. В.</i>	226—227
8. Филологическая замѣтка. <i>Я. Грота</i>	228—229
9. Изъ вновь открытаго древне-русскаго поученія до-монгольской эпохи. Сообщ. <i>А. И. Соболевскаго</i>	229
10. <i>И. Коперницкій. Некрологъ</i>	229—230
Объявленія.	

Годъ второй

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очеркъ Русской діалектологіи. <i>И. А. Южно-великорусскіе говоры, проф. А. И. Соболевскаго</i>	1— 24
2. Балтійскіе Готы и Гута-Сага. Ст. перв. <i>С. Н. Сыромѣтникова</i>	25— 40
3. Сага-Гутовъ. Переводъ <i>С. Н. Сыромѣтникова</i>	41— 48
4. Путевыя письма <i>И. И. Срезневскаго</i> къ матери его <i>Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842 г.)</i> . Съ предисловіемъ Редактора и примѣчаніями <i>Вс. И. Срезневскаго</i>	49— 77

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Малорусскіе разсказы и повѣрья (Екатеринославской губ.). Зап. <i>Ив. Манжурыю</i>	78 — 80
2. Болгарскія народныя сказки (изъ Прилѣпа)	81— 82
3. Болгарскія народныя пѣсни (изъ Прилѣпа)	83— 88

Отдѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej. *Ир. Полов—на.* 89— 98
2. Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтіе (1880—90). *Ю. И. Поливки* 99—104
3. Dr. W. Junker. Reisen in Afrika. Проф. *Э. Н. Петри.* 105—107
4. Ядринцевъ, Н. М. Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. *Н. В—аго* 107—109
5. А. Н. Лисовскій. Опытъ изученія малорусскихъ думъ. *Арк. Л—ико* 109
6. *Český lid. I. А. Липовскаго* 110

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Отчеты канд. С.-Петербургскаго Унив. г. Катанова, отправленнаго для этнографическаго изслѣдованія тюрскихъ племенъ въ Вост. Сибирь, Монголію и Сѣв. Китай 111—122
2. Бурятская легенда объ озерѣ Бальдзи. *Г. Н. Потанина.* 122—126
3. Некрологъ А. А. Потебни. *В. И. Ламанскаго* 126—136
4. Памяти А. А. Потебни. *Б. М. Ляпунова* 136—149
5. Памяти А. А. Потебни. *М. Халанскаго* 150
6. Замятка (изъ Ярославской Губ. Вѣд. № 6). *Е. И. Якушкина.* 151
7. Записки И. Р. Г. О. по отдѣленію Этнографіи. 151—152

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очеркъ Русской діалектологіи. I. Б. Сѣверо-великорусское, или окающее поднарѣчіе. Проф. *А. И. Соболевскаго* 1— 26
2. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842 г.). съ примѣчаніями *Вс. И. Срезневскаго* 27— 70
3. Троячина. (Бытовой очеркъ). *А. Шустикова.* 71— 91

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Остяцкая былина про богатырей города Эндера. *С. Патканова.* 92—97
2. Мордовская свадьба. *Е. М. Евсева* 98—117

Отдѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. О типѣ Илья Муромца. *А. Соболевскаго* 118—122
2. Словарь русскаго языка. *А. С—скаго* 122—125
3. Памятная книжка. *А. С—скаго* 125
4. Харьковский сборникъ. *А. С—скаго* 126
5. Календарь Вятской губ. на 1892 г. *А. С—скаго* — —
6. Zbiór wiadomości do antropologii krajowej т., XIII. *Ир. П.* 127—137
7. Listy z českých dějin kulturních. *Е. Пятухова* 137—139
8. Изъ старыхъ книгъ. *В. Каллаша* 139—142
9. Библиографическіе этюды по литературѣ сказочныхъ схемъ и мотивовъ. I. Ленора (женихъ или братъ-мертвецъ). II. Шемакинъ судъ. *В. Каллаша* 142—145
10. Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтіе (1880—90). *Ю. Полюки* 146—152

Отдѣлъ IV.

- Вопросы и отвѣты. *А. Соболевскаго* 153

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Расколъ въ Баргопольскомъ краѣ. *К. А. Докучаева-Баскова.* 154—162
2. Игра со вѣдномъ 162—167
3. О. О. Первольфъ (Некрологъ). *Ө. И.* 168

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очерки русской діалектологіи. II. Бѣлорусское нарѣчіе. *А. И. Соболевскаго* 3— 30
2. О побратимствѣ и посестримствѣ. Очеркъ изъ обычнаго права Болгарь. *С. Бобчева* 31— 42
3. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842) 43—105
4. Троищина Кадняковскаго уѣзда (бытовой очеркъ). Окончаніе. *А. Шустикова* 106—138

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. О причитаніяхъ и плачахъ, записанныхъ въ Олонецкой и Архангельской губ. *Ө. Истомина* 139—145
2. Заговоръ отъ ружья (Тоб. губ.). Сообщ. *С. А. Паткановымъ*. 146—147
3. Купля, продажа скота; заговоръ отъ лихорадки; какъ окуриваютъ новотельхъ коровъ. Побасенка—(Нижегор. губ.).
Сообщ. *Ив. Мамакинымъ* 148—149
4. Заговоръ отъ присухи (Перм. губ.). Сообщ. *П. А. Шилковымъ*. 149—151
5. Проводки и проводочныя пѣсни въ Ростовскомъ уѣздѣ. *Н. Б.* 151—156
6. О говорѣ жителей Каргопольскаго края. *Ян. Светлова*. 156—164

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Игра въ тура. *В. Мошкова* 164—170

Выпускъ IV.

Отдѣлъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очерки Русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе. Д. Чл. *А. И. Соболевскаго* 1— 61

2. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842) 62—96

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

- О вліяніи корельскаго языка на русскій въ предѣлахъ Олонецкой губерніи. *Н. Ляскова* 97—103

Отдѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Кавказскій обычай, какъ источникъ изученія первобытнаго права: Замѣтки по поводу сочиненія Проф. М. М. Ковалевскаго «Законъ и обычай на Кавказѣ». Москва 1890. т. I и II 104—120
2. Семья по воззрѣніямъ Русскаго народа, выраженнымъ въ пословицахъ и другихъ произведеніяхъ народно-поэтическаго творчества. Историко-литературный очеркъ. А. Желобовскаго 16° 63 стр. Воронежъ. 1892 (Отд. отд. изъ Фил. Зап.)
3. Kbieta w pieśni ludowej Napisał Kazimira Skrzyńska. 12° 100 стр. Warszawa. («Biblioteka Wisty» t. VIII)
4. Современный великорусъ въ его свадебныхъ обычаяхъ и семейной жизни. Л. Весина («Русская Мысль». 1891. Сент. и окт.). *Вл. Пертца* 120—124

Отдѣлъ IV.

Вопросы и Ответы.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Бытовыя черты Русинъ Холмскаго края. *К. Яроцкаго* . . 125—134
 2. Отчетъ кандидата И. Спб. Университета г. Катанова, отправленнаго въ экспедицію для этнографическаго изслѣдованія тюркскихъ племенъ въ Восточную Сибирь, Монголію и Сѣв. Битай. 134—137
- Объявленія объ изданіи Живой Старины и др. журналовъ въ 1893 г.
Оглавленіе 8 выпусковъ Живой Старины за первые два года.

Очеркъ русской діалектологіи.

Ш. Малорусское нарѣчіе.

Въ нашу задачу не входитъ опредѣленіе границъ малорусскаго нарѣчія съ языками польскимъ, словацкимъ, мадьярскимъ и румынскимъ. Мы можемъ ограничиться указаніемъ, что сѣверо-западная граница его идетъ въ царствѣ Польскомъ по губерніямъ Сѣдлецкой и Люблинской, такимъ образомъ, что города Бѣлая (по-польски *Biała*) въ первой и Холмъ (по-польски *Chełm*) во второй окружены малорусскими поселеніями¹⁾; что далѣе оно слышится въ значительной части австрійской Галиціи²⁾; что наконецъ ему принадлежитъ прилегающая къ Галиціи узкая полоса Угріи (здѣсь малорусское нарѣчіе постепенно сливается съ словацкими говорами и точное опредѣленіе границы едва ли возможно)³⁾ и сѣверо-западная часть Буковины.

Малорусское нарѣчіе сравнительно съ нарѣчіями великорусскимъ и бѣлорусскимъ имѣетъ рядъ особенностей.

¹⁾ Границы русскаго Забужья въ царствѣ Польскомъ см. на специальной картѣ Щобальскаго («Карта русскаго Забужья», 1880 г.); о нихъ см. также въ статьѣ Коляловича: «Объ этнографической границѣ между западною Русью и Польшею» (перепечатанной у Шолковича, «Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ зап. Россіи», вып. I, Вильна, 1885), и въ изданіи Батюшкова: «Холмская Русь», Спб. 1887 (глава I). Поляки отрицаютъ существованіе русскаго населенія въ Забужьѣ; см. статью: «Fantazje geograficzne na temat ziemi Lubelskiej i Podlaskiej» (*A t o p e c i t* 1882 г. № 11). Должно замѣтить, что русское Забужье входило въ составъ владѣній Данила Галицкаго и его преемниковъ.

²⁾ Границы въ книжкѣ Зубрицкаго: «Gränzen zwischen der russischen und polnischen Nation im Galizien», Lemberg, 1849 (русскій переводъ въ Вѣстникѣ юго-зап. и западной Россіи 1863 г.), и въ статьѣ: «Границы русскаго и польскаго народа по языку въ Завислоцкой Руси» (Прикарпатская Русь, Площанскаго, часть 3-я, Львовъ, 1885).

³⁾ Послѣдній трудъ, говорящій о границахъ между Русскими и Словаками въ Угріи,—статья А. Л. Петрова: «Замѣтки по угорской Руси» (*Ж. М. Н. Пр.* 1892 г. № 2). Здѣсь указана литература вопроса.—Границы русскаго населенія въ Австро-Венгріи см. еще на картѣ Головацкаго (при его «Пѣсняхъ»).

Древнее (=ореографическое) *o* въ известнѣхъ случаяхъ (въ слогахъ, за которыми когда-то слѣдовали *z*, или *ь*, или *и*, въ историческое время, какъ гласные звуки, исчезнушіе изъ произношенія) болѣе или менѣе значительно измѣнилось и звучитъ или какъ какой-либо дифтонгъ, или какъ *y*, или какъ *i*, или какъ другой совершенно отличный отъ *o* звукъ. Напримѣръ, древне-русское конь въ малорусскомъ нарѣчїи звучитъ кунь, или кунь, или кинь, или еще какъ-нибудь иначе.

Древнее (=ореографическое) *e* въ тѣхъ же случаяхъ также болѣе или менѣе значительно измѣнилось и звучитъ или 1) какъ тѣ звуки, въ которые перешло *o*; напримѣръ, тетъка (=наше тѣтка) превратилось въ тютка, тютка, тїтка и проч.; или 2) какъ тѣ звуки, въ которые перешелъ древній *ъ*; напримѣръ, древне-русское шесть звучитъ шїсть (съ дифтонгомъ *їе*), шестъ, шїсть ¹⁾.

Древній (=ореографическій) *ъ* звучитъ или какъ дифтонгъ *їе*, или какъ *e* (=мягкое *e*), или какъ *i* (=мягкое, «острое» *и*); такъ, древне-русское лѣто звучитъ лїето, лето, літо; древне-русская форма род. ед. *ель* (=наше *еѳ*) звучитъ *еїе*, *ее*, *еї*, *її*.

Древнія (=ореографическія) *и* и *ы* послѣ согласныхъ, кромѣ *ј*, въ большинствѣ малорусскихъ говоровъ звучатъ одинаково: или мягче, чѣмъ наше *ы*, и тверже, чѣмъ наше *и* (мы передаемъ этотъ звукъ черезъ букву *и* ²⁾, или вполнѣ какъ наше *ы* (мы передаемъ черезъ *ы*); такъ, древне-русское *мыти* звучитъ *мити* или *мыты*, съ однимъ и тѣмъ же гласнымъ въ обоихъ слогахъ. При этомъ древнее мягкое *л* звучитъ или близко къ западно-европейскому среднему *л*: *лихо* ³⁾, или какъ великорусское твердое *л*: *лыхо*.

¹⁾ Объ исключенїяхъ, вызванныхъ аналогіей (волось, волохъ, ворогъ, голодь, голод-ний, годно и т. п. съ одной стороны и голївонька, ворїженьки, слїзднїки, кїлдькъ, снїпдькъ, вїкѳндє и т. п. съ другой), мы считаемъ излишнимъ распространяться (см. наши «Лекціи по исторїи русскаго языка», изд. 2-е, стр. 54); замѣтимъ лишь, что въ разныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчїя эти исключенїя до нѣкоторой степени различны; напримѣръ, отъ *отець* форма родит. ед. звучитъ по-украински *отця*, а по-галицки *вїтця*.

²⁾ «До сихъ поръ въ малороссїйской грамотѣ глазъ непривычнаго читателя неспрїятно поражала буква *ы*, которою литераторы наши выражали мягкое южное *и* (напримѣръ, въ словахъ при ишли, минули). Но она до такой степени несвойственна южно-русской рѣчи, что полтавецъ или чигиринецъ не можетъ даже въ великорусской книгѣ произнести звуковъ *вы*, *мы* и т. п. Онъ будетъ произносить нѣчто подобное словамъ *ми*, *ви*, но никогда не скажетъ *вы* или *мы* такъ твердо, какъ выговариваетъ его сѣверный уроженецъ. Въ малороссїйскомъ языкѣ, котораго образцомъ служить для меня наиболѣе общее Малороссїянамъ нарѣчїе, именно полтавско-чигиринское,—вовсе нѣтъ звука *ы*... Напримѣръ, слово *воли* произносится Малороссїянами похоже на то, какъ если бы написать это слово французскими буквами (*volu*). Кулишъ, Записки о южной Руси, I, стр. VII—VIII; рѣчь здѣсь идетъ объ украинскомъ *и*.

³⁾ Поляки обыкновенно пишутъ: *łycho*.

Древніе мягкіе согласные передъ *e* звучать болѣе твердо, чѣмъ у насъ, такимъ образомъ, что слогъ *не* или произносится ближе къ нашему *нэ*, чѣмъ къ нашему *не*¹⁾, или даже какъ наше *нэ*; при этомъ древнее мягкое *л* звучитъ или близко къ западно-европейскому среднему *л*²⁾, или какъ наше твердое *л*. Тѣ же согласные передъ *e* звучать какъ наши мягкіе.

Древніе (=ореографическіе) звонкіе согласные въ концѣ словъ и въ срединѣ словъ передъ глухими согласными въ большей части малорусскихъ говоровъ сохраняются: *лобъ* (а не *лопъ*, какъ у насъ), *бигъ* (=богъ), *дідъ* (=дѣдъ), *ніжъ* (=ножъ), *візь* (=возъ), *ніжка* (=ножка).

Древніе мягкіе губные *б*, *в*, *м*, *н* передъ *а* (т. е. въ слогахъ *ба*, *ва* и т. д.) звучать какъ *бј*, *вј*, *мј*, *нј* (причемъ *б* и проч. часто тверды): *взяну* (=вѣяну, наше вяну), *пѣмѣять*, *нзѣять* (но: *святій*), причемъ вмѣсто *бј* и проч. въ формахъ 3 л. мн. ч. можетъ являться *ба* (*л* мягкое), а вмѣсто *мј*—*мн* (*н* мягкое): *любѣять*, *мясо* (мясо).

Кромѣ этихъ главныхъ особенностей малорусскаго нарѣчія, отмѣтимъ въ области звуковъ слѣдующія.

Звукъ *о* послѣ мягкихъ согласныхъ, образовавшійся изъ *e*, въ малорусскомъ нарѣчій слышится въ несравненно меньшемъ количествѣ словъ, чѣмъ въ варѣчіяхъ великорусскомъ и бѣлорусскомъ, и не находится въ какой-либо зависимости отъ ударенія. Мы его находимъ наиболѣе часто послѣ шипящихъ согласныхъ и *ј*, въ слогахъ, имѣющихъ послѣ себя твердые согласные: украинск. *жонѣ*, *чоловікъ*, *чотѣри*, *жѣтѣй*, *шостѣй*, *щѣвѣ* (но: *черевѣкъ*, *шерсть*, *чесѣти*, *чепурний*, *шептѣти*, *ещѣ* и т. п.), *ѣго*, *ѣму* (но: *моѣ*—*моѣ* и др.), *лѣнѣ*, *слѣза*, *трѣхъ*, *сѣгѣ*, *сѣмѣ*; при этомъ въ однихъ говорахъ *о* изъ *e* чаще, въ другихъ рѣже: украинск. *ѣго*—галицѣ. *его*, украинск. *ѣсе* (=всѣ)—галицѣ. *ѣсѣ*.

На мѣстѣ звука *о*, не ударяемаго, спорадически, въ однихъ говорахъ чаще, въ другихъ рѣже, можетъ слышаться *у*: украинск. *упѣять* (опять). Но въ формахъ неопредѣленнаго наклоненія *у* слышится во многихъ говорахъ постоянно: *купувѣти*, *торгувѣти*, *танцювѣти* и т. п.

На мѣстѣ того же звука *о* послѣ согласныхъ спорадически можетъ слы-

¹⁾ Буква *e* въ малороссійскомъ языкѣ (точнѣе: въ украинскомъ говорѣ) произносится послѣ согласныхъ не такъ, какъ, напримѣръ, въ великорусскомъ словѣ *дерѣво*, а близко къ тому, какъ во французскомъ словѣ *délecter*; и потому слово *дерѣво* по-малороссійски надобно произносить такъ или почти такъ, какъ если бы оно было напечатано французскими буквами (*dégévo*). Но есть въ малороссійскомъ языкѣ и острое *e* послѣ согласныхъ, точно такое, какъ въ великорусскомъ словѣ *донегъ*. Это *e* я выражаю буквою *є* (напримѣръ, въ словѣ *зіллє*). Булишъ, Записки о южной Руси, I. стр. VIII.—Украинское *e* «твердіше одъ московского *e* и ніби м'якше одъ московського же *e*». Понісь въ «Чернигівському Листкѣ» 1862 г., № 2.

²⁾ Поляки пишутъ: *łeczni*—лечу.

паться также *a*, въ тѣхъ случаяхъ, когда за слогомъ съ *o* слѣдуетъ слогъ съ *a* (*я*): укр. багатий, гараздъ, гарячий, хазяинъ. Одни говоры имѣютъ это *a* въ бѣльшемъ (но вообще небольшомъ) количествѣ словъ, другіе въ меньшемъ.

На мѣстѣ звука *e* въ концѣ формъ имен.-вин. ед. средн. р. на *е*, въ значительной части малорусскихъ говоровъ слышится *a* (т. е. *я*): укр. життѣ, весілля (= житье, веселье). Оно можетъ переходить изъ этихъ формъ въ формы творит. ед.: весіллямъ, и въ уменьшительныя: весіллячко.

На мѣстѣ *y* послѣ согласныхъ въ разныхъ говорахъ въ отдѣльныхъ, очень немногихъ словахъ слышится *i*: укр. заміжъ (= замужь), огірокъ (= огу-рець), дѣрова, галиць. фѣрманъ (= фурманъ), клічъ (= ключъ).

Древнее (= орографическое) *y*, будучи безъ ударенія, можетъ, какъ въ бѣлорусскихъ говорахъ, не составлять слога или даже переходить въ *e*: ѣмію (умѣю), ѣмивѣю, ѣ мене и емію, емиваю, еъ мене, еъ жіхъ (у нихъ)

Древнее *e*, въ свою очередь, передъ согласными (въ ихъ числѣ и *j*-мъ) и въ концѣ словъ ¹⁾, подобно *e* бѣлорусскихъ говоровъ, часто звучитъ какъ не составляющее слога *y*: укр. праѣда, моѣляти, діѣчина (= дѣвчина), слоѣ или сліѣ (= словъ, род. мн.); это *y* вмѣстѣ съ предъидущими гласными, образуетъ одинъ звукъ-дифтонгъ. Предлогъ-префиксъ *еъ* можетъ переходить какъ въ *y* не составляющее слога, такъ и въ *y* составляющее слогъ, даже въ *уе*, *уео*: укр. ѣ полі и *y* полі, *уеъ* огнѣ, *уео* сні.

Древнее твердое *л* въ серединѣ словъ передъ согласными ²⁾ и въ концѣ формъ прошедшаго времени, какъ въ бѣлорусскихъ говорахъ, обыкновенно звучитъ какъ *ѣ*, образующее съ предъидущими гласными одинъ звукъ-дифтонгъ: укр. воѣкъ, ішоѣ (= шелъ), буѣ (= былъ), но можетъ звучать (передъ гласными) также какъ *e*: укр. *я* буеъ одинъ.

Гортанное *г* звучитъ всегда какъ лат. *h*. Звукъ *g*—только въ полонизмахъ и германизмахъ, да въ предлогѣ *кз*, если слѣдующее за нимъ слово начинается съ *b*, *d*, *z*: *g* дому (= кз дому).

Шипящія *ж*, *ч*, *ш* въ большей части говоровъ обыкновенно звучатъ твердо; но они мягки передъ *i* и *e* (на мѣстѣ *е*). Двойное *жж* также твердо.

На мѣстѣ нашего *ж* изъ *д* можетъ слышаться твердое *дж*: ходжѣ, виджѣ, звучащее въ бѣльшемъ или меньшемъ числѣ говоровъ какъ дифтонгъ ³⁾.

¹⁾ Гатцукъ въ своей малорусской азбукѣ («Українська абетка», М. 1861) пишетъ голоуа, чоловікоуі, попоуе, шаятѣа и т. п., но едва ли не по какому-нибудь недоразумѣнію.

²⁾ Не мало исключеній (подъ вліяніемъ аналогій): укр. горілка и т. п.

³⁾ «Зайшла річъ про наші (українскіе) приголосн дз и дж (дзвінъ, дзіндзіворъ, бджола, джого, джуръ и др.). Балакали, що приголосн сі у насъ не те, що московські дз и дж, а отъ-якъ грецьке двета и тальянське, *g* (передъ *e* и *i*). Черниговскій Листокъ 1862 г. № 2, стр. 13.

Шипящее сочетание *ш* звучитъ какъ твердое *шч*: *шчокѣ* (=щека), *вшчѣ* (=еще)¹⁾.

Свистящее *ш* въ большей части говоровъ звучитъ твердо въ срединѣ словъ и мягко въ исходѣ ихъ: *царѣицѣ*, *двандѣцѣять*, *любитѣцѣ* (3 л. ед.), *царѣицѣю* (вин.), *хлѣпѣицѣю* (дат.), *Грѣицѣю* (зват.), *хлѣпецѣ*, *Грѣицѣ*. Впрочемъ передъ *е* въ исходѣ словъ оно звучитъ твердо: *лицѣ* (при *лицѣ*, *лицѣю*).

Древнее мягкое *р*, въ однихъ говорахъ чаще, въ другихъ рѣже, звучитъ твердо: укр. *матѣрь* (=мать).

Древніе мягкіе губные въ концѣ словъ обыкновенно звучатъ твердо: укр. *ѣмѣ* (=семь), *спѣ* (=сыпь, повел.).

Звукъ *ф* въ значительномъ большинствѣ малорусскихъ говоровъ нѣтъ; его мѣсто занято или *х*, *хв*, или (рѣже) *н*: *Хома*, *хвортка*, *Илициѣ*, *Опанацѣ*.

Древніе мягкіе согласные передъ суффиксомъ *ск* обыкновенно не только сохраняются, но и сообщаютъ мягкость согласному *с* суффикса: укр. *цѣрьскѣи*.

На мѣстѣ нашихъ сочетаній мягкихъ согласныхъ съ *ј* въ большей части говоровъ слышатся или двойные мягкіе согласные: укр. *вѣсѣля*, *камѣня* (=камень), *суддѣя*, *житѣя*, *шѣдѣя* (=подъ печью) и т. п., или образовавшіеся изъ нихъ простые мягкіе согласные: *вѣсѣля*, *камѣня*, укр. *щастѣя* (=счастье) и т. п. Но: *бѣю*, *пѣю*, при *люю* и т. п.

На мѣстѣ орфографическихъ сочетаній *стк*, *стл*, *стн* всегда слышится *ск*, *сл*, *см*: укр. *невѣска* (=невѣстка), *щасливѣи* (=счастливый), *звѣсно* (=известно).

На мѣстѣ нашихъ сочетаній *ро*, *ло*, *ле* (*о* изъ *з*, *е* изъ *ь*) могутъ слышаться сочетанія *ри*, *ли*: укр. *кривѣи*, *чорнобрѣи* (=кровавый, червобровый), гал. *дрѣвѣ*, *слизѣ* (=слѣзъ, род.).

На мѣстѣ орфографическаго сочетанія *нѣ* въ формахъ сравнительной степени можетъ слышаться одно *і*: *скорѣше* (=скорѣйше).

Передъ каждымъ дифтонгомъ, *у* и *і* изъ древняго *о* въ началѣ словъ является *в*: *вѣуонѣ*, *вѣунѣ*, *вѣинѣ* (=онѣ).

Передъ начальнымъ *о* нѣкоторыхъ словъ почти во всѣхъ говорахъ можетъ являться *г*: укр. *гострѣи* (=острый). Число этихъ словъ въ однихъ говорахъ больше, въ другихъ меньше.

Между формами заслуживаютъ вниманія слѣдующія.

Формы дат. ед. именъ муж. р. существительныхъ могутъ оканчиваться не только на *у*, но и на *ови*, *єви* или *ові*, *єві*: *богєви*, *богєві*.

Формы им. (и вин.) мн. муж. р. могутъ оканчиваться на *овє*: *богєвє*.

¹⁾ Шейковский въ своемъ словарѣ вмѣсто *ш* пишетъ всегда *шч*.

Формы им.-вин. мн. муж. р. на *а*, въ родѣ великорусской *городѣ*, въ малорусскомъ нарѣчїи не существуетъ.

Формы мѣстн. ед. муж.-ср. р. и дат.-мѣстн. ед. женск. р. обыкновенно съ древними свистящими: укр. на *порѣзі*, *нозі*, *ручі*, *сосі* (= *сохѣ*), *доччі* или *доцчі*, *свасчі* (= *свашкѣ*).

Формы мѣстн. ед. муж. р. чаще имѣютъ окончаніе *у*, чѣмъ въ великорусскомъ нарѣчїи; они могутъ оканчиваться также на *оши*, *ові*.

Формы род. ед., им.-вин. мн. именъ существительныхъ женск. р. и формы им.-вин. именъ существительныхъ муж. р. такъ называемаго мягкаго склоненія оканчиваются на тѣ гласные, которые въ малорусскихъ говорахъ соответствуютъ древнему *ъ*: укр.-гал. *душі*, сѣв.-малорусск. род. *душіе*, им. *дѣше*; укр.-гал. *коні*, сѣв.-мал. *кѣне*; укр. *кості*, *гості* (при *костѣ*, *гостѣ*).

Формы твор. ед. именъ существительныхъ женск. р. всегда оканчиваются на *ою* (откуда галицк. *оу*), безъ опущенія конечнаго гласнаго.

Формы зват. п. ед. ч. именъ муж. и женск. р. вполнѣ обычны во всѣхъ малорусскихъ говорахъ: укр. *пѣпе*, *козаче*, *сѣнку*, *місяцю*, *Грицю*, *жінко*, *доню* (дочка), *Галю* (Галья).

Формы вин. мн. отъ именъ означающихъ одушевленные предметы могутъ быть сходны не съ формою род. мн., а съ формою именит. мн.: укр. *багатоу чортѣ діти* *коляше*, галицк. *пасу коні*.

Нѣкоторые говоры сохранили древнія формы двойств. ч. женск. р.: гал. *дві нозі* (обыкновенно: *дві ноги*); почти всѣ говоры утратили древнія именныя формы двойств. ч. муж. р.: два *воўки*. Формы род.-мѣстн. п. отъ *два* и *оба*—*двоухъ* и *двуухъ*, *обоухъ*.

Формы им.-вин. ед. муж. р. членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій оканчиваются въ однихъ говорахъ только на *ий* (*ый*), въ другихъ—или на *ий*, или на *и*: *добрый*, *добрѣи*, *спійий*, *спііі*, въ третьихъ—только на *и*. Рядомъ: *той* (= *тотъ*), *сей*, *цей* (= *сей*). Но форма род. мн. именъ существительныхъ въ большинствѣ говоровъ—на *ей*: *гостей*.

Формы им. ед. женск. р. тѣхъ же словъ оканчиваются не только на *а*, но и на *а*: *добра горілка* (= *добрая*), а формы вин. ед. не только на *ю*, *ю* и на *у*: *добрѣу горілку* (= *добрѣю*).

Формы им.-вин. средн. р. тѣхъ же словъ оканчиваются не только на *е*, но и на *е*, *е*: *дѣбре*, *дѣбрее*, *спііе*, *спііе* (= *дѣброе*, *спіірое*), *те*, *тее* (= *то*).

Формы род. ед. муж. и ср. р. тѣхъ же словъ оканчиваются на *ою* или *ю* (*ю*): *дѣброго*, *спіію* (*спіію*). Изъ нихъ формы мѣстоименій *мой* и *твой* имѣютъ стяженіе гласныхъ: *моід*, *твоід*, также какъ и формы дат.: *момі*, *твомі*.

Формы род. ед. женск. р. тѣхъ же словъ оканчиваются на тѣ сочета-

ніа звуковъ, которыя происходятъ въ малорусскихъ говорахъ изъ древне-русскихъ *оу, еу*: укр.-гал. *доброї, тої*, сѣв.-малор. *дѣброе* и т. д., въ большинствѣ говоровъ съ сохраненіемъ конечнаго гласнаго. Тѣ же окончанія въ формахъ род. ед. ж. р. мѣстоименій нечленныхъ: укр.-гал. *тої, моєї, еї* или *її*. Последняя форма—также форма вин. ед.

Формы мѣстн. ед. муж.-ср. р. тѣхъ же словъ могутъ оканчиваться не только на *імз* (= великорусск. *омз*): *дѣбрімз*, но и на *ому*, какъ формы дат.: укр. у *паньському селі*.

Формы им.-вин. мн. тѣхъ же словъ оканчиваются на *иі* (*иі, ие*): *дѣбрииі*, или на *і, іі*: *дѣбриі, дѣбрії* (= добрые).

Формы род.-мѣстн., дат. и твор. мн. тѣхъ же словъ въ разныхъ говорахъ могутъ оканчиваться не только на *ихз* (*ыхз*), *имз, ими*: *дѣбрихз* и т. д., но въ нѣкоторыхъ говорахъ также на *ихъ, імъ, іми*: *дѣбрихъ* и т. д.

Формы вин. (род.) ед. мѣстоименій личныхъ и возвратнаго звучатъ: мене, тебе, себе или мя, мъя, мня, ты, ся; формы дат.: мені, мині, міні, тобі, собі (съ *і* или съ другимъ звукомъ въ концѣ, соответствующимъ древнему *ъ*) или ми (м і), ти (т і), си (с і). Краткія формы въ нѣкоторыхъ говорахъ могутъ имѣть на себѣ логическое удареніе.

Мѣстоименіе тотъ можетъ имѣть формы им. и вин. ед. женск. р. *тата, тоту*; форма твор. ед. муж. звучитъ *тымъ*, род., дат., твор., мѣстн. мн.—*тыхъ, тымъ, тыми, тыхъ*.

Формы 1 л. ед. обыкновенно имѣютъ не гортанные, а шипяцію согласные: *можу, печу* (= могу, пеку); съ тѣми же согласными могутъ быть и формы 3 л. мн. изъявит. накл. и формы повелит. накл. (*поможі* и т. п.).

Формы 3 л. ед. дѣйствительнаго залога оканчиваются или на *е*: *ведѣ*, или на *ить* (*иитъ*): *любить*; рядомъ *есть* и *е* (= есть). Формы возвратн. залога, если *ся* находится послѣ глагольной формы, всегда оканчиваются на *етця, ситця, сця*: *ведетця*, или *итця, иитця, иця*: *любитця*.

Формы 3 л. на *ие* могутъ въ большей части говоровъ имѣть сокращенное окончаніе *а*: *дѣума* (= дѣумаетъ), *питѣ* (рядомъ: *думаетъ, питаетъ*).

Формы 1 л. мн., рядомъ съ окончаніемъ *мз*, могутъ имѣть окончаніе *мо*: *будемо, дамѣ* (= дадимъ), *підьмо* (повел. н., = пойдѣмъ).

Формы 2 л. мн. повелит. н., рядомъ съ окончаніемъ *те*, могутъ имѣть окончаніе *тъ* (*итъ*): *ведіть, пустіть* (= ведите, пустите).

Формы 1 и 2 л. мн. повелит. накл. глаголовъ 2-го спряженія обыкновенно имѣютъ передъ личнымъ окончаніемъ *і*, а не *и*: *пустімо, пустіте*.

Формы возвратн. зал. обыкновенно оканчиваются или на *ся* (*ця*), или на *сь*: укр. *накрилась, криюсь, накриўсь*.

Формы повелит. накл. въ однихъ говорахъ оканчиваются одинаково на

ть и *ти*, въ другихъ чаще или постоянно на *ти*; между ними можно отмѣтить формы *пекти* (=печь) и т. п., *пекчи* и т. п.

Формы будущ. вр. въ большей части говоровъ могутъ состоять не только изъ *буду* съ формою неопредѣл. накл., но и изъ *му* (=иму) съ формою неопредѣл. накл.: *му* знати, знатиму, кохатимуся и т. п.

Глаголы *рѣю*, *мѣю* и т. п. (=великорусск. *рою*, *мою*) во всѣхъ формахъ имѣютъ *и* (*ы*), такъ что, напримѣръ, формы повелит. накл. звучатъ *рѣи*, *мѣи*; отъ глаголовъ *бзю*, *пзю* и т. п. формы повелит. н. имѣютъ *и* (*ы*): *бии*, *пий* и т. п.

Глаголь существительный въ формахъ прошедш. врем. и неопредѣл. наклон. имѣетъ въ корнѣ *у*: *буу*, *була*, *було*, *були*, *бути* (=быль и пр.).

Глаголы *дамъ* и *пмъ* сохраняютъ формы настоящаго (=будущаго) врем. древнія: *даси*, *дамò*, *дасте* и т. п.

Еще нѣсколько мелкихъ особенностей.

На мѣстѣ нашего гласнаго *и* въ началѣ однихъ словъ, неударяемаго, можетъ слышаться *и* не составляющее слога: *Йивасъ*; въ началѣ другихъ словъ— можетъ отсутствовать гласный: *грати* (=играть), *не наче* (не иначе); союзъ *и* послѣ гласнаго можетъ переходить въ *і*: *мати й синѣ*.

Начальное *і* изъ *ь* обыкновенно имѣетъ передъ собою *ј*: *јісти*, а начальное *і* изъ *и* не имѣетъ *ј*-та, кромѣ мѣстоименныхъ формъ *јимъ*, *јихъ*, *јими*.

Предлоги-префиксы *сз* и *изз* могутъ звучать какъ *зз* (*зо*, *зі*) передъ гласными и передъ всѣми тѣми согласными, передъ которыми можетъ быть произносимъ звукъ *з*: *зз* мене, *зо* мною, *зяти*, *зрубити*, а *сз* можетъ звучать, сверхъ того, какъ *ізз*, *изз* или *ісз*, *исз*: укр. *ізяти*, *ісз* тобою. Но не мало случаевъ, гдѣ префиксъ *сз* сохраняется: укр. *смутний*, не *змутний*, *смерть* и т. п.

Предлогъ-префиксъ *отъ* можетъ звучать какъ *одъ* или *відъ* (укр.-гал.) передъ гласными и всѣми тѣми согласными, передъ которыми можетъ стоять звукъ *д*.

Мѣстоименіе и прошедшій изъ него союзъ звучатъ *шо*, *шо*: обыкновенно и та и другая форма рядомъ.

Словарный матеріалъ въ говорахъ западной половины малорусской территоріи (начиная отъ западныхъ частей Подолья и Волыни и отъ Гродненской губ.) изобилуетъ полонизмами, а въ говорахъ карпатскихъ и угорскихъ, кромѣ полонизмовъ,—и словацизмами¹⁾.

¹⁾ Мы не имѣемъ ни одной удовлетворительной грамматики малорусскаго нарѣчія. Большая часть трудовъ по грамматикѣ этого нарѣчія принадлежитъ Галичанамъ (лучшіе учебники—Головацкаго, 1849 г., и Огоновскаго, 1889 г.; главные труды по малорусской діалектологіи—Росправа о азмѣ южно-русскомъ и его нарѣчіяхъ, Голо-

Малорусское нарѣчіе дѣлится на два поднарѣчія: сѣверно-малорусское и южно-малорусское, или украинско-галицкое. Сѣверно-малорусское поднарѣчіе занимаетъ сѣверную и сѣверо-западную часть малорусской территоріи и слышится въ значительной части малорусскихъ уѣздовъ Черниговской губ. ¹⁾, въ частяхъ Переяславскаго и Пирятинскаго уѣздовъ Полтавской губ. ²⁾, въ сѣверной части Кіевской губ., въ сѣверной части Волынской губ. (въ Полѣсьи), въ юго-западной Минской губ., въ малорусскихъ уѣздахъ Гродненской и Сѣдлецкой губ. ³⁾. Южно-малорусскому поднарѣчію принадлежитъ вся остальная часть малорусской территоріи въ Россіи (между прочимъ малорусская часть Люблинской губ.), Галиція и Буковина. Говоры карпатскіе принадлежатъ ко второму, а угорскіе отчасти къ первому, но по большей части ко второму изъ малорусскихъ поднарѣчій.

вацкаго, Львовъ, 1849, и «Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache», Огоновскаго, Львовъ, 1880 (дополненіе въ изданіи Кравовской Академіи Наукъ: «Rozprawy i wyprawozdania wydziału filologicznego», т. X, 1884). У насъ, кромя старой и плохой грамматики Павловскаго, имѣются лишь «Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи», Науменка, Кіевъ, 1839, крайне слабый, да статья «Нарѣчія, поднарѣчія и говоры южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины», Михальчука (въ «Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край», Чубинскаго, т. VII, вып. 2, Спб. 1877); сверхъ того, замѣчанія по малорусской грамматикѣ и діалектологіи—въ изслѣдованіяхъ Потебни и Жятецкаго. Единственный окончанный малорусскій словарь—«Малорусско-німецкій словарь» Галичанина Желеховскаго, Львовъ, 1886; отрывки словарей наданы Аванасевымъ-Чужбинскимъ и Шейковскимъ.

Мы пользуемся для изображенія звуковъ малорусскаго нарѣчія правописаніемъ Булиша, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями.

¹⁾ Въ отношеніи говора, Черниговскую губ. можно раздѣлить на три части: сѣверную (бѣлорусскую), среднюю (переходную) и южную (чисто малороссійскую)... Въ средней части переходное нарѣчіе (такъ авторъ называетъ сѣверно-малорусскіе говоры). Уѣзды, говорящіе этимъ нарѣчіемъ—Новгородсѣверскій, Сосницкій, Городиенскій, Черниговскій и Остерскій. Естественную границу этому нарѣчію можно опредѣлить р. Десну, потому что во всѣхъ уѣздахъ, лежащихъ за Десною, можно сразу замѣтить большое склоненіе говора на сторону чисто малороссійскаго языка, и хотя еще въ сѣверныхъ частяхъ вадомскихъ уѣздовъ слышно колебаніе говора то на сторону переходнаго говора, то на сторону чисто малороссійскаго, за то въ южныхъ частяхъ этихъ уѣздовъ говоръ уже чисто малороссійскій». Черниг. губ. Вѣдом. 1860 г. № 4, стр. 25—26. Авторъ несомнѣнно уменьшаетъ территорію сѣверно-малорусскихъ говоровъ въ Черниговской губ.

²⁾ Тотъ-же авторъ приводитъ слова Карпенка: «Вліяніе черниговскаго нарѣчія опутительно, даже до Переяслава,—и въ Полтавской губ. Мѣстечко Борись-Поле и въ Пирятинскомъ уѣздѣ, но тамъ еще говорятъ: *пуемпъ, куемпъ* и т. п.». Онъ считаетъ невѣрнымъ показаніе Карпенка, но, какъ увидимъ, безъ основанія.

³⁾ Въ Сѣдлецкой губ., «на границѣ Люблинской губ. и дальше по-надъ рѣкою Бугомъ, народъ... говорятъ обыкновеннымъ волыноско-галицкимъ говоромъ.» Р. Филологич. Вѣстн. 1884 г. № 2, стр. 255.

ть и *ти*, въ другихъ чаще или постоянно на *ти*; между ними можно отмѣтить формы *пектѣи* (=почъ) и т. п., *пекчѣи* и т. п.

Формы *будущ.* вр. въ большей части говоровъ могутъ состоять не только изъ *буду* съ формою неопредѣл. накл., но и изъ *му* (=яму) съ формою неопредѣл. накл.: *му* знати, *знатиму*, *кохатнмуса* и т. п.

Глаголы *рѣю*, *мѣю* и т. п. (=великорусск. *рою*, *мою*) во всѣхъ формахъ имѣютъ *и* (*ы*), такъ что, напримѣръ, формы повелит. накл. звучатъ *рѣи*, *мѣи*; отъ глаголовъ *бѣю*, *пзю* и т. п. формы повелит. н. имѣютъ *и* (*ы*): *бѣи*, *пѣи* и т. п.

Глаголь существительный въ формахъ прошедш. врем. и неопредѣл. наклон. имѣетъ въ корнѣ *у*: *буѣ*, *булѣ*, *було*, *булѣ*, *бути* (=былъ и пр.).

Глаголы *дамъ* и *ъмъ* сохраняютъ формы настоящаго (=будущаго) врем. древнѣи: *дасѣ*, *дамѣ*, *дастѣ* и т. п.

Еще нѣсколько мелкихъ особенностей.

На мѣстѣ нашего гласнаго *и* въ началѣ однихъ словъ, неудараемаго можетъ слышаться *и* не составляющее слога: *Йвась*; въ началѣ другихъ словъ можетъ отсутствовать гласный: *грати* (=играть), *не наче* (не иначе); союзъ послѣ гласнаго можетъ переходить въ *ј*: *мати ѣ синѣ*.

Начальное *і* изъ *ь* обыкновенно имѣетъ передъ собою *ј*: *јѣсти*, а начальное *і* изъ *ы* не имѣетъ *ј*-та, кромѣ мѣстоименныхъ формъ *јѣмъ*, *јѣтъ*, *јѣ*.

Предлоги-префиксы *съ* и *изъ* могутъ звучать какъ *зъ* (*зо*, *зі*) передъ гласными и передъ всѣми тѣми согласными, передъ которыми можетъ бѣ произносимъ звукъ *з*: *зъ мене*, *зо мною*, *зяти*, *зрубити*, а *съ* можетъ звучать, сверхъ того, какъ *іъ*, *изъ* или *ісъ*, *исъ*: укр. *ізяти*, *ісъ тобою*. Но мало случаевъ, гдѣ префиксъ *съ* сохраняется: укр. *смутний*, не *змутний*, *си* и т. п.

Предлогъ-префиксъ *отъ* можетъ звучать какъ *одъ* или *відъ* (укр.-г. передъ гласными и всѣми тѣми согласными, передъ которыми можетъ стѣ звукъ *д*).

Мѣстоименіе и происшедшій изъ него союзъ звучатъ *шо*, *шо*: обыкн. *венно* и та и другая форма *радемъ*.

Словарный матеріалъ въ говорахъ западной половины малорусской территоріи (начиная отъ западныхъ частей Подолья и Волыни и отъ Гродненск. губ.) изобилуетъ полонизмами, а въ говорахъ карпатскихъ и угорскихъ, крѣ полонизмовъ,—и словацизмами¹⁾.

¹⁾ Мы не имѣемъ ни одной удовлетворительной грамматики малорусскаго нарѣчія. Большая часть трудовъ по грамматикѣ этого нарѣчія принадлежитъ Галицкаму (лучш. учебника—Головацкаго, 1849 г., и Огоновскаго, 1889 г.; главные труды по малорусской диалектологіи—Россира о *жидѣ* *кожю-русскій* и его *нарѣчіяхъ*, Голд

А. Сѣверно-малорусское поднарѣчіе.

Сѣверно-малорусскіе говоры, за немногими исключеніями, принадлежать къ числу или переходныхъ, или смѣшанныхъ, или—вмѣстѣ—и переходныхъ, и смѣшанныхъ. Они обыкновенно или составляютъ переходную ступень отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому и отъ сѣверно-малорусскаго поднарѣчія къ южно-малорусскому, или заключаютъ въ себѣ, рядомъ съ бѣлорусскими чертами, примѣсь чертъ южно-малорусскихъ.

Главные особенности разнообразныхъ сѣверно-малорусскихъ говоровъ — дифтонги *уэ, уэ, уи* и т. п. или *у, ю, и* на мѣстѣ древнихъ и великорусскихъ *о* и *е*, южно-малорусскаго *і*, дифтонгъ *іе* или *е* (рядомъ съ *і*) на мѣстѣ древняго *ъ*, южно-малорусскаго *і*, болѣе или менѣе частое твердое *р* на мѣстѣ древняго мягкаго *р*, постоянно твердые шипящія. Сверхъ того, эти говоры, повидимому (наши свѣдѣнія, къ сожалѣнію, крайне скудны), отличаются болѣею твердостью всѣхъ вообще согласныхъ, чѣмъ говоры южно-малорусскіе.

Изъ мелкихъ особенностей большей части сѣверно-малорусскихъ говоровъ можно отмѣтить отсутствіе *я* изъ *е* въ формахъ им. - вин. ед. средн. рода, которыя звучатъ: *весілье, весіле* и т. п. (не: *весіля, весіля*), отсутствіе *о* въ *куповати* (если нѣтъ *у* изъ *о* неударяемаго: *угонь = огонь*) и отсутствіе стяженія *ае* въ *а*: *думае* (не: *дума*).

Говоры значительной части малорусской территоріи Черниговской губ.—говоры переходные.

Говоръ Городненскаго уѣзда ¹⁾ акаетъ, по-бѣлорусски: *маія, дарога, кавдль*. Онъ имѣетъ еще: *і* на мѣстѣ южно-малорусскаго *и*, спорадически: *свіня*, *везалі* (= *визали*), *е* вмѣсто *я*, тоже спорадически: *екъ* (= *укр. якъ*), *єй* (= *якій*), *єрина* (= *ярина*), особенно въ исходѣ словъ: *доле* (им. ед.), *байос* (1 л. ед.), *байтыце* (3 л. мн.), также *щасте, читанне* (им. ед.), формы им. ед. муж. р. прилагательныхъ на *и* (не на *ий*): *добрі*, формы неопредѣленнаго склоненія только на *ть* (но на *ти*). Что именно слышится въ немъ на мѣстѣ великорусскихъ *о* и *е*, южно-малорусскаго *і*, мы не знаемъ; записано: *вунь* (= *онъ*), *кунь* (= *конь*), *старуначка, галувачка, тютка* (тетка), *утюкъ* (= *утекъ*), *серпунъ, канювъ* (род.), *серпумъ, канюмъ* (дат. мн.), но во всѣхъ этихъ словахъ и вообще вездѣ подъ удареніемъ должно слышаться

¹⁾ Черниговск. Губернск. Вѣдомости 1860 г. № 4; Основа 1862 г. № 10, ст. «Изъ Городненскаго уѣзда».

не *y*, а какой-либо дифтонгъ (простыя *y*, *ю* только въ слогахъ безъ ударенія), вѣроятно, дифтонгъ *yэ*¹⁾. Точно также намъ остается неизвѣстнымъ, что слышится на мѣстѣ *ъ*; материалы изъ Городненскаго *y*. на мѣстѣ *ъ* имѣются только *і* и *е*. Еще въ этомъ говорѣ отмѣчены: формы мѣстн. ед. *y* некрѣцкamu наборі, род. мн. женск. р. жѣбаў, птїцаў, неопредѣленнаго накл. *бутъ*; мѣстоименіе *шо*; формъ дат. ед. на *ови* или *ові* и дат. мн. муж. ср. р. на *амъ*, въ родѣ *серцѣмъ*, въ немъ нѣтъ (формы дат. мн. только на *умъ*).

Говоры уѣздовъ Черниговскаго, Сосницкаго, Новгородсѣверскаго и Остерскаго²⁾—говоры также болѣе или менѣе акаціе. Которые изъ нихъ имѣютъ дифтонги, которые не имѣютъ, мы не знаемъ.

Одинъ говоръ Сосницкаго уѣзда, повидимому, очень богатъ дифтонгами. Въ немъ отмѣчены дифтонгъ *yэ*, *юэ* на мѣстѣ ударяемыхъ великорусскихъ *о*, *е*, южно-малорусскаго *і*, и дифтонгъ *іе* (съ преобладаніемъ второй части звука)³⁾ на мѣстѣ ударяемаго *ъ*: *біесъ* (*бѣсъ*), *діедъ*, *діело* (*дѣло*), а иногда и неударяемаго: на *дорозіе*, *дліе*, *діеучата*, *ліескъ*⁴⁾, хотя обыкновенно при отсутствіи ударенія *ъ* = *е*: *бѣжшъ*, *сепѣ*, *бедѣ*. Тотъ же дифтонгъ является также на мѣстѣ великорусскаго *е*, южно-малорусскаго *і* въ словахъ въ родѣ *сіемъ* (*семь*). Въ другомъ говорѣ того же уѣзда отмѣчено *y* на мѣстѣ ударяемаго *о*, *е*: *вунъ*, *жидуў*, *жунка*, но едва ли вѣрно (вѣроятно, черезъ *y* переданъ дифтонгъ), и сочетаніе *ji* на мѣстѣ ударяемаго *ъ* (или какой-нибудь дифтонгъ съ преобладаніемъ второй части звука): *вїтеръ*, *vjje*⁵⁾, замѣняемое нерѣдко простымъ *і*: *дѣти* (им. мн.), *собі*; сверхъ того, въ этомъ говорѣ *і* и *е* на мѣстѣ неударяемаго *ъ*: *дѣтѣй* (род.), *дѣброі* (род. ед.), *дѣбрне* (им. мн.); также *зілье*. О другихъ особенностяхъ говоромъ Сосницкаго *y*. мы почти ничего не знаемъ; но въ нихъ нерѣдко твердое *p*

1) «Второй дифтонгъ нашего (черниговскаго) говора—*yэ*. Его произносятъ протяжное обыкновеннаго, сильно относя нижнюю челюсть въ сторону; въ немъ какъ-бы смѣшаны *y* и *о* склоняющесея то къ *э*, то къ *ы*: въ Сосницкомъ, Черниговскомъ, Городненскомъ уѣздахъ—болѣе къ *э*, въ Козелецкомъ, Борзенскомъ—болѣе къ *ы*. Дифтонгъ возможенъ только подъ удареніемъ: *кубълъ*, но *колѣкъ*, *конѣць*, *кубѣзка*, *поруѣгъ*, *гуѣлле* (укр. гілле), *тѣѣтка*, *нобѣсь* (*несь*), *юѣй* (*ей*). Изъ записки Н. Н. Бордоноса.

2) Черниговскія Губернскія Вѣдом. 1860 г. № 4; Основа 1862 г. № 10 (статья: «Изъ Городненскаго уѣзда»). Авторъ этихъ статей (если не ошибаемся, она принадлежать одному лицу) видитъ въ говорахъ Городненскаго и этихъ четырехъ уѣздовъ одно цѣлое.

3) По словамъ Бордоноса, этотъ дифтонгъ «произносится рѣзко и на слухъ представляеть какъ бы сліяніе *э* и *ъ* или *и* и мягкаго *с*».

4) По словамъ того же лица, «въ концѣ словъ неударяемый дифтонгъ терять долготу и переходить въ мягкое *е* съ легкой примѣсью *і*».

5) Этнографич. Сборникъ, I; Потѣбня, Забѣта о малорусскомъ нарѣчїи (Филологич. Зап., 1870, г.), стр. 108. Оба автора пишутъ *ѣи*. Бордоносъ заявляютъ, что подобнаго дифтонга въ Сосницкомъ уѣздѣ онъ не слышалъ.

вмѣсто мягкаго: царз, царз (повидимому, непостоянно: ударяе), встрѣчается е вм. я и употребительны формы имен. ед. на и: добри, даже дубри.

Говоръ Остерскаго уѣзда имѣеть дифтонгъ *yi* (или *yi*) на мѣстѣ ударяемыхъ великорусскихъ *о, е*: старуника, жуника ¹⁾, иногда переходящій въ простое *и*: вичъ (онъ, южно-малор. вичъ), и дифтонгъ *ie* на мѣстѣ *ъ*: мѣша (мѣшаетъ), иногда переходящій въ *і*: віра. Еще отмѣчено (кромѣ аканья, повидимому, спорадическаго): хлопця, лме (= льетъ), вязжу (= вяжу), озваться (= озваться), наочу (= научу), ф. неопредѣл. накл. на *ть* (но: тягтѣ). Повидимому, въ этомъ говорѣ есть заимствованія изъ южно-малорусскаго поднарѣчія: тѣлько.

Говоры уѣздовъ Глуховскаго и Кролевецкаго также болѣе или менѣе акаютъ.

Говоръ с. Локотковъ, Глуховскаго у. ²⁾,—«смѣсь литовскаго (т. е. бѣлорусскаго) съ малорусскимъ». Аканья—спорадическое: вадз, чаловекъ, снопокъ ³⁾; рядомъ съ *е* малорусскимъ—*е* и (безъ ударенія) *і*: послушайте, земліа, прілітела; рядомъ съ *и* малорусскимъ—*і*: водити, трубити (неопред. н.); мѣсто *ъ* занято то *і*, то *е, е*: слідъ, вікъ, місяць, неделя, гневѣтъ, послѣ *р*—даже *и*: грюю (= грюю); *р* обыкновенно твердо: трасца (но: господарь). На дифтонги нѣтъ указаній; отмѣчено: мий (мой), жинка, пудъ заметомъ, пудъ Михайлоўку. Еще: Іаля, плеттю (твор. ед.), волоссе (им. ед.), смелы хлопецъ (им. ед.), покойни дідъ, носе, ходе (3 л. ед.), зъ усимъ родомъ (бѣлорусскимъ).

Говоръ мѣстечка Понорницъ, Кролевецкаго у.,—также съ спорадическимъ аканьемъ: ванѣ (= оно), данесу, пастѣй (повел. н.), аттудя, чалавекъ (но: позненька, распитѣмось и т. п.); даже: на двурѣ = на дворѣ; онъ имѣеть на мѣстѣ ударяемыхъ великорусскихъ *о, е*, южно-малорусскаго *і* дифтонгъ *ыу*, съ преобладаніемъ второй части звука: выунъ (онъ, южно-малор. вичъ), рыўня (ровня), выузь (возь), стмуль (столь), парыуъгъ, пыууначъ (полночь), паныуу (род. мн.), у пустыуи хати ⁴⁾ (рядомъ съ *о*: пастѣй, по-

¹⁾ Черниг. Губ. Вѣд. 1854 г., № 8. Авторъ передаетъ этотъ дифтонгъ черезъ *уй*. У Рудченка, Народныя южно-русскія сказки, II (Кіевъ, 1870), одна сказка, № 18, записана въ Остерскомъ уѣздѣ, но не на мѣстномъ говорѣ.

²⁾ Въ 38 верстахъ отъ Глухова, въ 28—отъ Новгородсѣверска. Записки Черниг. Губ. Стат. Комит., кн. I, 1866. Матеріалы очень плохо записаны.

³⁾ Даже, будто бы: попровляю, устовать.

⁴⁾ Черниг. Губ. В. 1854 г. № 17. Авторъ передаетъ этотъ дифтонгъ черезъ *уу* (ошибкою, вмѣсто *уу*?). Матеріалы, заданные здѣсь и перепечатанные у Рудченка, Народныя южно-русскія сказки, I, № 41 (Кіевъ, 1869), и отсюда, съ замѣчаніями, у Петерб. и Забѣткы, стр. 110,—записаны дурно. Текстъ изъ мѣстечка Воронежъ, Кролевецкаго у., заданный Драгомановымъ въ «Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ», Кіевъ, 1876, стр. 52, какъ и большая часть текстовъ этого сборника, записаны еще хуже (можно отмѣтить лишь: крузь полу, пудійме).

вел.), а на мѣстѣ неударяемыхъ великорусскихъ *о, е*, южно-малорусскаго *і*— иногда простое *у*: *путь* *плотомъ*; мѣсто *ъ* въ немъ чаще всего занято *і*: *світъ*, *дѣло*, на щепі, *вѣстимо*, также: *весілля* (рядомъ: *чалавекъ*, *ведьма*, *земле*). Сверхъ того: *е* (= *еу*) вмѣсто *я*: *даветь* (3 л. мн.), *пуднели* (подняли), въ екыѣ кунпани, *згадаецце*; *м* вм. *ьм*: *волно*. Еще: *ѣго*, *ѣму*, *сѣго*, *ѣсѣго*, *весілля* (им. ед.), *ѹгалле* (им. ед.), *паходжае*, *дзвонокъ*; формы: им. ед. муж. *дѣбри*, *тей*, род. ед. *смерти*, *добраі*, им. мн. *усяке* (= *всякіе*), 1 л. мн. на *мо*, 3 л. ед. *адвѣча* (= *отвѣчаетъ*), *дума*, неопред. наклон. на *тъ*: *договарувать*; префиксъ *си* = *вы*: *вѣтти* (= *выйти*).

Говоръ мѣстечка Мрина, Нѣжинскаго у., почти на границѣ Нѣжинскаго и Козелецкаго уѣздовъ, имѣеть спорадическое аканье («въ немногихъ словахъ»): *гарілка*, *зараді* (= *зароди*, *повелит.*), *благодарить*, и дифтонгъ *ѹм*, являющійся какъ подъ удареніемъ, такъ и безъ ударенія: *вѹньн*, *мѹйи*, *воѹкѹмѹ* (= *волковъ*, род. мн.), *пѹмдѣ* *городомъ*, *жѹмнка*, по *буыльшувый* *часті*, *нѹисъ* (= *нѣсъ*), *тѹмтка* (*тетка*), *ѹмй* (*ей*), даже: *ночѹвать*, рядомъ съ *весілля*, *пѣчь* (= *веселье*, *печь*), *і* на мѣстѣ *ъ*, рядомъ съ болѣе рѣдкимъ *е*: *бежѣшь*, *петѹхъ*, *бедѣ*, *стречае*, спорадическое *е* на мѣстѣ *я*: *сѣцѣ*, *деветі* (род. = *девяти*), твердое *р*: *радъ* (= *рядъ*), *вечерѣти*, *теперѣ* (рядомъ съ *вечеряти*, *теперя*), *сѣя* вмѣсто *сѣя* и т. п.: *сѣяну*, *імя*, даже *мясо*, *імя* (= *мя*), двойные мягкіе гласные: *насімне*, *весілле* (съ *е* въ формѣ им. ед.), *аж* вмѣсто *ж* изрѣдка: *ходжѹ*, *и* вмѣсто *ти*, *иц*: *остаеця* (3 ед.), *моляця* (3 мн.) и т. п. Формы: им. ед. муж. р. на *ий*, род. ед. *мого*. Сверхъ того: на *юлиці*, *ю* *лесі*, *юсі* (= *въ лѣсѣ*, *всѣ*), *ѣнъ* (= *онъ*) и т. п., род. мн. *людѣи* и т. п., тв. мн. *плечѣма* и *курма* (рядомъ: *плечѣми*, *курми* = *курами*), буд. *ходитиму*, неопр. н. на *ти* (рядомъ на *тъ*). Наконецъ, въ нѣсколькихъ словахъ, заимствованныхъ изъ южно-малорусскаго поднарѣчія,—*і*: *віконце*, *голівонька* ¹⁾).

Говоръ мѣстечка Олишевки, Козелецкаго у., «отличень отъ чисто малороссійскаго, но нисколько не похожъ и на литовскій» (т. е. бѣлорусскій). Въ немъ нѣтъ аканья, а дифтонгъ на мѣстѣ ударяемыхъ великорусскихъ *о, е*, южно-малорусскаго *і* звучитъ какъ *ѹ*: *быгѹ*, *мыѹи*, *выѹльни*, замѣняясь иногда черезъ *у*: *утѹкъ*, *лебедѹѹ* (род. мн.); но: *пѣчь* (= *печь*). Мѣсто *ъ* «почти всегда» занято *і*; *я* «въ нѣкоторыхъ случаяхъ» замѣняется черезъ *е*: *сѣкъ*, *сѣй*; формы им. ед. муж. на *и*: *выѹльни*. Еще: формы буд. вр. *писатимемо*, *ходитимемо*, неопред. накл. на *ти* (рядомъ на *тъ*) ²⁾).

Говоръ села Красиловки, того же уѣзда, повидимому, одинаковъ съ оли-

¹⁾ Вѣстникъ славянства, Качановскаго, кн. VII, 1892.

²⁾ Черн. Г. Вѣд. 1854 г. № 22 и сл. Авторъ передаетъ дифтонгъ черезъ *ѹ* (ошибкою, вмѣсто *ѹѹ*).

шевскимъ: то же отсутствіе аканья; тотъ же дифтонгъ *ыу*: *двыурѣ*, *выунѣ*, *кыуныска* голова, *тыульки*, *жыунка*, даже: у *ныуці*, появляющійся даже безъ ударенія: *великыуй* (дат.-мѣстн. ед. ж. р.), хотя обыкновенно въ неударяемыхъ слогахъ слышится *у*: *пудкупліѣ* (подъ удареніемъ: своей дощці, дат. ед. ж. р.); то же *і* на мѣстѣ *ѣ* (*пичѣ* = *печь*); то же спорадическое *е* на мѣстѣ *я*: *екѣ*, *екдо*. Еще: *знахорыуу*, род. мн., рядомъ съ *вечеряти*, *грызу* (= *грызу*), *мясо* (= *мясо*), *ілю* (= *лю*)¹⁾.

О говорѣ села Рудьковки, того же уѣзда, можно сказать то же самое; отмѣчено: *вунѣ*, *тулько*, *жунка*, на *туѣ* жердоці, даже: *мухѣ* = *мохѣ* (черезъ *у*, очевидно, переданъ дифтонгъ), *собі*, *чоловѣкѣ*, *еі* (род.) и т. п., рядомъ съ *бежигѣ*, *мешокѣ* (*пичѣ* = *печь*), неопр. накл. на *тѣ*²⁾.

О говорахъ Борзенскаго у. наши свѣдѣнія ничтожны. Въ текстахъ, записанныхъ на хуторѣ Николаевѣ, мы читаемъ: *бильша*, *зобрѣѣ* (= *собралѣ*), даже *реть* = *ротѣ*, но: на голі (ю.-малор. *гілья*); *чоловѣкѣ*, *хлѣбѣ*, *ѣтикѣ* (прош.), *жінка*³⁾. Еще: формы им. ед. муж. р. на *ий*, дат. ед. на *оі*, 3 л. ед. на *е* вмѣсто *итѣ*: *просѣ*, *ходѣ*.

Говоръ той части Копотпскаго у., которая прилегаетъ къ уѣздамъ Сосницкому и Борзенскому, повидимому, не имѣетъ дифтонговъ.

Данныя изъ мѣстечка Батурина указываютъ на *и* и *у* на мѣстѣ великор. *о*, южно-малорусск. *і*: *ничѣ* (= *ночь*), *гѣрко*, *тѣлько*, по одной дорозі, *тѣ* царіуні, *пудѣ* дѣровомѣ, *пудѣ* вѣчорѣ, *пудкормитѣ*, *поворухнеця*; на *і* изъ *м*: *собі*, *іі* (род. ед.), также: *нісѣ* = *несѣ*, на спорадическое *е* изъ *я*: *ейсѣ*, на твердое *р*: *вечераю*; но: *вечеряти*, *царѣ*, *царя*. Еще: *теризачий*, при *пья* (= *пьяна*), формы им. ед. муж. на *ий*, им. ср. р. *похмиле*, дат. *мойиу*. Наблюдатель говоритъ: *варѣчіе*, «можно сказать, — чисто украинское. Отличительная черта: въ выговорѣ замѣтна твердость, несвойственная другимъ мѣстамъ Украины, напримѣръ, Полтавской губ. Тамъ, напримѣръ, говорятъ: *вѣзѣ*, а здѣсь: *визѣ*»⁴⁾.

Говоръ другой части того же уѣзда еще ближе къ южно-малорусскому

¹⁾ Черн. Г. В. 1855 г. № 17.

²⁾ Рудченко, Сказки, I, №№ 8 и 22; Потебня, Замѣтки, стр. 107. — Довольно подробное описаніе договора с. Рудьковки, Остерскаго у., составленное Новицкимъ (которымъ записаны сказки №№ 8 и 22 въ сборникѣ Рудченка), помѣщено въ Труды Чубинскаго, VII, стр. 598. Его данныя нѣсколько расходятся съ данными текстовъ; напримѣръ они, указываютъ на глухой гласный (ѣ) на мѣстѣ вр. *о*, ю.-м. *і*: *вѣнѣ* очевидно, Рудьковка Козелецкаго у. то же село, что Рудьковка Остерскаго.

³⁾ Рудченко, I, №№ 2, 24. Здѣсь, рядомъ съ *и* на мѣстѣ *о*, *е*, также *і* (ошибочно?), бильше, пішла. Въ этомъ сборникѣ (II, №№ 3, 13) еще два текста, записанныхъ въ Бузаскомскомъ у., но повидимому, не на мѣстномъ говорѣ.

⁴⁾ Черн. Губ. Вѣд. 1860 г. №№ 15, 16, 17. Матеріалы перепечатаны у Рудченка, Сказки, I, № 72, II, № 35.

или даже уже южно-малорусскій. Такъ, въ с. Голѣнѣ онъ «составляетъ переходъ отъ твердаго къ такъ называемому степовому, или полтавскому. Здѣсь можно услышать: винъ, скількі, стількі» (тогда какъ ближе къ Борзенскому и Сосницкому уѣздамъ: винъ, смилько, стилько). Однако отмѣчено: далёбу (=укр. далёбі). Еще: гарілка, ейцѣ, срітенне, міді (род. ед.)¹⁾.

Въ говорѣ мѣстечка Борисполь, Полтавской губ., на мѣстѣ ударяемыхъ великорусскихъ *о* и *е*, южно-малорусскаго *і*, слышится дифтонгъ *уі*: *вуйнъ*, *куынъ*, *жуынка*, *вюу* (вель), *своуый*²⁾, а на мѣстѣ тѣхъ же звуковъ неударяемыхъ—*ы* и (рѣже) *у*: *на нычъ*, *ў тый хати*, въ великѣй пригоді, *сватыў* (род. мн.), *пудъ нычъ* (=подъ ночь), рядомъ съ *і*, несомнѣнно заимствованнымъ изъ южно-малорусскаго поднарѣчія: *гѣрко*, *порігъ*, *бовіў* (род.), *іі* (дат.). Мѣсто *ь* занято звукомъ *і*: *лісь*, и изрѣдка безъ ударенія (послѣ губныхъ и *р*) *е*: *бежійть*, *венчати*, *венѣць*, *застрелю*. Мѣсто великорусскаго *и* занято, кромѣ звука *и* (или *ы*?), еще, въ небольшомъ рядѣ словъ, звукомъ *і*: *зіма*, *випустіу*, даже *утікти*. Рядомъ съ *е*, вмѣсто него, встрѣчается *и* (неударяемое): *жину* (=жену, 1 л. ед.), *литійть* (3 л. ед.), и *е*: *день*. Затѣмъ: *у* вмѣсто неударяемаго *о*: *чоловікуві*, *мачуха*; твердое *р*: *косаръ*, *вечѣра*, *царуўна* (рядомъ: *пряду*, *вірять*, 3 л., *рятувати*); *дж* въ *седжю* *дз*; въ *дзеркало*; мягкіе шипяціе въ формахъ 3 л. мн.: *біжять*, *крячять*, *пицять*; *м*, *ж* вмѣсто *мн*, *мж*: *силю*, *тульки*. Еще: двойные согласные: *весіля*, *платтѣ*, зъ *ружжя* (рядомъ: *весілье*, *платье*, *свиња*, *тредю*, внн. ед., *сѣе* = сіяеть, *просиця*, 3 л. ед.), даже *зімъ*, рядомъ съ *зімъ* (=сѣмъ). Формы: им. ед. муж. р. на *ий*, род. ед. *печі*, *гразі*, *печати* (но: *смерти*), *тові*, *туві*, *теі*, *тувиі* (при *тоі* =той), *цѣві*, *всѣві*, дат. ед. *богові* и т. п., *матері*, мѣстн. на *печі* (но: *у осени*), твор. *тосю*, *тувою*, *усією*, им. мн. *здорові*, *які*, *очі*, *двері* (но: *внн. мн. у груди*), тв. мн. *грошійма*, 3 л. ед. на *тз* и *тъ*: *робитз*, *побаче*, *слуха*, 2 л. мн. повелит. *накл. ідіть* и *ідитз*, *буд. битиму*, *возвр.*

¹⁾ Черн. Г. Вѣд. 1860 г. № 46. Покойный М. А. Туловъ указываетъ въ «сѣверныхъ уѣздахъ» Черниговской губ. существованіе, на мѣстѣ великорусскаго *о*, южно-малорусскаго *і*,—звука, который не похожъ ни на *і*, ни на *и* (*ы*) и есть смѣшанный, воаникающій, подобно французскому *и*, въ словахъ, напримѣръ, *muir*, и нѣмецкому *и* въ словахъ, напримѣръ, *Brüder*, *Mühle*, при томъ положеніи языка, котораго требуетъ звукъ *і*, и при такомъ положеніи губъ, какаго требуетъ звукъ *у*. Только французское и представляетъ смѣсь небнаго *і* съ *у*, а малорусское (въ словѣ *нісь* =носъ)—смѣсь гортаннаго и съ *у*. Филологич. Записки 1879 г., вып. 4—5, стр. 20. Этотъ звукъ не тотъ же, который у насъ ниже передается черезъ *ю* (*вюзь* =возъ и др.)?

²⁾ Труды Чубинскаго, II. Рядомъ съ *ум* мы находимъ здѣсь *уо*: *проупъ* (стр. 110), и юм: *проупъ*, *нюичъ* (стр. 422). Точность записи оставляетъ желать лучшаго. Еще: Труды, VII, 591.

зал. звѣчались и звѣчались. Наконецъ: дифтонгъ *уы* въ отдѣльныхъ словахъ слышится вмѣсто *и*: *нуыва* (=нива), за *нуымъ*, *квѣстуымъ*, также въ *зѣмуымъ*, *побюымъ* (прош. вр.).

Говоръ м. Хабнаго («Хабне»), Кіевской губ., Радомысльскаго уѣзда, очень близокъ къ говору бориспольскому. Тотъ же дифтонгъ *уы*: *вуымъ*, *муый*, *туый* дорозі, *королюыѣна*, *юый* (=ей) ¹⁾, переходящій иногда въ простыя *ы* и *у* и подъ удареніемъ, и особенно безъ ударенія: *вынь* (=онъ), *одныы*, *другый* (дат. ед.), *привъюзъ*, *своый* (дат.), *путь* тѣномъ, *пудошѣу*, *рядомъ* съ которымъ заимствованное изъ южно-малорусскаго поднарѣчія *і*: *вінь*, тѣлько, *панѣу* (род.), *лігъ* (=легъ), *ій* (=ей), и изрѣдка заимствованное изъ бѣлорусскаго *о*: *богъ*, на *гниломъ* дубі. На мѣстѣ *ь—і* (также: *весіля*) и изрѣдка, безъ ударенія (особенно послѣ губныхъ и *р*), — *е*: *бедѣ*, *застрелѣу*, *чѣрниа*. На мѣстѣ *и* (или *ы*?) изрѣдка *і*: *кіну* (1 л.), за *сінімъ* моремъ, даже: *жѣннѣ* = *женить*). Еще: спорадическое *е* вмѣсто *я*: *екі*, *сховѣѣсе*, *бѣтисе*, *купѣтце* (неопред. н.), даже *бачетъ* (3 л. мн.); твердое *р*: *упрамъ* (=упрямъ), *тромъ* (дат.), *звару* (=сварю), *царъ* (при: *звірра*, род.); очень рѣдкое *дж*: *седжѣу*; твердое *ц* въ концѣ словъ: *хлопцѣ*, *рушнійцѣ* (род. ед.), *рядомъ* съ мягкимъ: *гарнець*, *купцѣ*, *сміетцѣ*); двойные мягкіе согласные: *колосся*, *весілля* (им. ед.), при *сиплеца* или *сиплеця* (3 л.). Формы: им. ед. на *и*: *дѣбри*, род. *ѣгѣ* (не *ѣго*), *моѣ* (=моей), *моѣ*, дат. *ѣму* (по *ѣсѣму*), мѣстн. *у очі*, им. мн. *гостѣ*, твор. мн. *трома дѣтми*, 3 л. на *тѣ*: *проситѣ* (рядомъ на *тѣ*?) ²⁾ 2 л. мн. на *тѣ* (рядомъ съ *те*): *пѣтѣ* (=пейте), неопред. накл. на *тѣ*: *купѣйтѣ*, *куповѣтѣ* (рядомъ на *ти*), *вовратѣ*. зал. не только на *ся* (*цѣ*) и *се* (*цѣ*), но и на *са*: *обѣщѣса*; наконецъ, древнія формы двойств. ч.: *двѣ хатѣ*, *двѣ рущѣ*, *чѣтири коровѣ*.

Говоръ м. Горностайполь, того же уѣзда (на юго-востокъ отъ Хабнаго), повидному тотъ же, что и говоръ Хабнаго. Дифтонгъ *уы*: *нуымъ* (=носъ), *юый*, но *куопъ* (род.), при *вінь*, *пойду*, *привѣзъ* (=привезъ); *і* и *е*, *е* на мѣстѣ *ь*: *бѣдни*, *обѣдъ*, *песѣкъ*; спорадическое *е*, *е* на мѣстѣ *я*: *пѣсѣ*, *бѣтце*, *дѣветце*, *ходѣтъ*, *робѣтъ* (3 мн.); твердое *р*: *говору*, *бурою* (тв.), *бондаръ*; рѣдкое *дж*: *сиджѣу*. Формы: им. ед. на *и*, род. *ѣго*, *моѣ* (=моей), дат. *ѣму*, *моѣ*, 3 л. на *тѣ*, 2 л. мн. *повѣлят. н.* на *тѣ* (рядомъ на *те*): *пѣтѣ*, неопр. накл. на *тѣ* (рядомъ на *ти*): *куповѣтѣ*. Еще: *ходѣтъ* и *ходѣтъ* (3 л. мн.) ³⁾.

¹⁾ Тамъ же, II и VII, стр. 540. Рядомъ съ *уы* встрѣчается и *уо*: *куопъ* (род. мн.).

²⁾ Тамъ же, VII, стр. 539.

Говоръ с. Чаповичи, того же уѣзда, имѣеть дифтонги *уы* и *уо*: *руымни* (=ровный), *нуось*, при привѣзѣ, *і* и *е* на мѣстѣ *ь*: *бідá*, *мешокъ*, *стенá*, *чорнис*, *в*, *е* вмѣсто *я*: *пѣось*, *ходеть*, твердое *р*, *езі* вмѣсто *сі*: *обідъ* (=обѣдъ), мягкое *ц* въ концѣ словъ. Формы: им. ед. на *и*, род. *ѣго*, *моє*, 3 л. на *тз*, 2 л. повел. н. на *тз*, неопр. на *тз*; формы дат. и мѣстн. ед. могутъ имѣть гортанный: по *головкѣ*; формы возвр. з., повидимому, могутъ оканчиваться на *са*: *двѣтса* ¹⁾.

О разнообразныхъ сѣверно-малорусскихъ говорахъ волынскаго Подлѣсья наши свѣдѣнія недостаточны, вслѣдствіе почти полного отсутствія описаній звуковъ этихъ говоровъ.

Данныя изъ Ласковской волости, Овручскаго уѣзда, таковы: дифтонгъ *уы* на мѣстѣ великорусскаго *о* (*е*), укр. *і*: *муыи*, *куынь*, *вюызь* (=везъ), рядомъ съ *і*: *вѣнь*; *і* и *е* на мѣстѣ *ь*: *білы*, *брови чорныє*, *мешокъ*, *стенá*; *є* и *е* изъ *я*: *пѣось*, *ходеть*, но: *лежать* (3 л. мн.); твердое *р*; твердое *ц*; *дж*; формы им. ед. муж. р. на *ы*, род. *ѣго*, дат. *мойму*, им. мн. *чорне волосы*, 3 л. на *тз*, 2 л. мн. повел. н. на *тз* (*цытз*, *бытз*), неопред. н. на *тз* (но: *пекты*), двойств. ч. *дві руки*, *дві корові*. Далѣе, рядомъ: *ходыу*, *пекты* (неопр. н.) и *сыну* (зват. отъ *сынъ*), *битъ* (=бить, неопр.), съ двумя разными звуками ²⁾.

Данныя изъ другой, неизвѣстной намъ мѣстности того же уѣзда (вѣроятно, сѣверной его части), еще болѣе неполныя, чѣмъ вышеизложенныя, указываютъ только на звукъ *и* (или *ы*?) на мѣстѣ ударяемаго великор. *о*, укр. *і*: *бісыу* (род. мн.), рядомъ съ нерѣдкими *і*: *вѣнь*, и *о* (бѣлорусскимъ): *вонъ* (=онъ), *чортоу* (род. мн.). Этотъ говоръ имѣеть *і*, *е*, *є* на мѣстѣ *ь*: *чоловѣкъ*, *лесъ*, *у светі*, *бежить*, *добрис* (им. мн.), *ц* въ исходѣ словъ то твердое, то мягкое: *зайца* и *зайця*, *бояця*, формы имен. ед. на *ий* и *и*, 3 л. на *тз*, 2 л. повелит. н. то на *тз*, то на *тз*, неопред. н. на *тз*. Мѣсто *и* (или *ы*) иногда занято звукомъ *і* (бѣлорусскимъ): *свицу* ³⁾.

Данныхъ изъ сѣверной (лѣсной) части Житомирскаго уѣзда, смежной съ Овручскимъ у., мы почти совсѣмъ не имѣемъ. Извѣстно лишь то, что здѣсь слышится дифтонгъ *уо*: *куонъ*, *вуоль* ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 541.

²⁾ Труды, VII, стр. 541. Необходимо имѣть въ виду, что помѣщенные въ *Труды*, матеріалы и очень дурно записаны, и очень дурно изданы.

³⁾ Рудченко, Сказки, I, № 34.—Потобня, Запѣтки, стр. 106.—*Стецкій* говорить, что близъ Овруча въ лето, хлѣбъ, слыно слышится звукъ средній между *ы* и *і*. *Wotyn*, I, стр. 256 (Lwów, 1864).

⁴⁾ Труды, VII, стр. 582.

Данныя изъ мѣстечка Корець, Новградволинскаго уѣзда: дифтонгъ *уы*: *муый*, при *ы*: *рыўня* (=ровня), и частомъ *і*: *мій*, *вінь*, *прывізізъ* (=привезъ); *і*, *е* и *е* на мѣстѣ *ъ*: *тобі*, *бідѣ*, *ведрд*, *стенѣ*; твердое *р*; мягкое *и* въ исходѣ словъ; формы им. ед. на *ый* и *ы*, дат. ед. на *оы*, 3 л. на *ть*, 2 л. повел. н. на *ть*, неопр. н. на *ть* (и на *ты*). Сверхъ того: *мясо*, *нмя* (=нмя), *прывізізъ* (=привезъ); *щасте*, *здоровье* (им. ед.); *указаній* на *дж* вмѣсто *ж* нѣтъ; мѣсто украинскаго *и* занято, повидимому, звукомъ *ы*; польскія формы будущ. вр.: *буду робыў* (=буду робить) ¹⁾.

Данныя изъ с. Сехи, Ровенскаго уѣзда: дифтонгъ *уы*: *муый*, *моуый* (дат.), рядомъ съ *ы*: *рывны* (=ровный); *і*, *е*, *е* на мѣстѣ *ъ*: *невіска*, *блнє*, *чорныє*, *бедѣ*, *стенѣ*, *можетъ быть*, даже *и*: *хлїбъ*, *снїгъ*; спорадическое *є*, *є* изъ *я*: *ребы* (=рябой); твердое *р*; твердое *и*; формы им. ед. на *ый* и *ы*, дат. *мойму*, 1 л. ед. *ходю*, *пустю*, *ломю*, 3 л. и друг. на *ть*. Сверхъ того: *соломяный*, *обїдъ* (=обїдъ), *здоровья* (им. ед.). О звукѣ, занимающемъ мѣсто украинскаго *и*, можно лишь догадываться, что это *ы* (отмѣчено рядомъ: *ходыў* и *пекти*) ²⁾.

Данныя изъ с. Сарны, того же уѣзда: дифтонгъ *уэ*: *муей*, *двуеръ*, *стуелъ*, *доруезонька*, *ягуедонька*, *куесточка*, *прівюезъ* (=привезъ), *слюезонька*, *москалюеў* (род.), даже безъ ударенія: *червуенцуеў*, рядомъ съ *у* (подъ удареніемъ и безъ ударенія): *стўйте*, *подаркуеў*, въ *яруй* пшеници, *пудъ* столецъ, *путперлѣ*, и (рѣдко) съ *і*: на ранній *роснє*, при *о* и *е* въ *столецъ*, въ *овснє*, *матенка*, *гребеноцъ*; дифтонгъ *ые* (*іе*) съ преобладающею второю частью: *дыєло*, *выєкъ*, *выєє*, въ *сыєняхъ*, *лыєтъ* (род.), *собыє*, на *дворыє*, *у печыє* (=въ печи), *мостыєте*, *топчыєте* (2 л. повел.), *зажжыємо*, *ламліємо* (1 л. повел.), *пыєчь* (=печь), *сыємъ*, *вєсыєльє*, *зыєльє*, при *є*, *є*, *и*, *і*: *деўкі* (им. мн.), *у вендчєу*, *светліца*, *белєнькі*, *заспєвѣти*, *месїти*, *грєшїти*, *леноватїса*, *твос конїкі* (им. мн.), *єду*, *сїножѣть*, на *улїци*, *матєнци* (дат.), на *дорозї*, *ў стозї*, *ў городї* (мѣстн.), на *свыєти*, *тобі*, *ў частоколї*, на *морї*, *доброї* (род.), *золотї* (им. мн.), *мужнїї жонї*; то твердое, то мягкое *р*: *вора*, *вєчерѣю*, *деверуєў* (род. мн.), *господаръ*, *прїєзєў*, за *дверїма*; твердое *и*; твердые шипящїє (но: *дружїна*, *староцї*, им. мн., *чї* и т. п.; двойные мягкіє согласные: *платтє* (им. ед.), *вїдавѣнє*, *жїттїя* (род.), при: *здоровя* (род.) *зыємє*, *вєсыємє* (им. ед.); *бѣя* вм. *бѣя* не отмѣчено (*яню*); *дж* также не отмѣчено; *ы* (не въ дифтонгѣ) нѣтъ; формы: им. ед. на *ий* и *и* (послѣ гортанныхъ на *і*: *белєнькі*), род. ед. *тоєї* (при *тог*), дат. на *оєи*, *мнєє*, *мойму*, мѣстн. *ў печыє*,

1) Труды, VII, стр. 542; Житєцкїй, Очеркъ звуковой исторїи малорусскаго нарѣчїя, Кїєвъ, 1876, стр. 345.

2) Труды, VII, стр. 543.

им. мн. орлі, купцые, твое гѣсти, твор. дверіма, 1 л. ед. прося, 3 л. на тѣ, 2 л. ед. повел. напиша (=напейся), 1 л. мн. повел. зажжыемо, ламліемо, 2 л. мн. мостыете (=мостите), неопр. ўтекты, возвр. з. на са: врыйса, хваліўса, ростылавица (всегда съ однимъ и); *шо* и *шо*. Сверхъ того, постоянно: *і* вмѣсто *и* послѣ гортанныхъ, *л*, *р*, *ж*, *ч*: *ноі*, *вороі*, *ласкі* (род.), *вѣдаю*, *свекрѣхі* (род.), *каліна*, *лість*, *булі*, *далі*, *прівезу*, на *морі*, *дружїна*, *свѣчї* (им. мн.), *збираючї*; мягкіе гортанные и *л* передъ *е*: *окепце*, *однёньке* (им. ед.), *быле* *лічво*, *міле*, *белесёнькі*, *доленька*; отдѣльные случаи *аканья*: *гарыелка*, *прівезяно*. Наконецъ: *помёне* (=помянетъ) ¹⁾.

О говорѣ жителей с. Каменнаго, того же уѣзда, мы знаемъ лишь то, что онъ—«твердый, съ преимущественнымъ преобладаніемъ удареній на твердыхъ гласныхъ», и что слово *хлѣбъ* въ немъ звучитъ «хлыибъ» ²⁾.

Данныя изъ окрестностей с. Любомль, Владимирскаго уѣзда, показываютъ, что мѣстный говоръ очень близокъ къ говору Пинчуковъ и имѣетъ: *у*, *ы* и *і* рядомъ на мѣстѣ великор. *о* (*e*), укр. *і*: *муї*, *двурь*, *тулько* (также: *принюсъ* = *принесъ*), *нычка*, *бісыў сынъ*, *вѣнь* (=вонь), *гілье*, *подкѣўка*; *і*, *е*, *е* (послѣ *р*, *и*—также *ы*) на мѣстѣ *ѣ*: *колїно*, *сїно*, *мнї* (дат.), *горылка*, по *светліцы*, *віўцы* (им. мн.), *поеду*, *повевае*, *мне* (дат.), *еє* (род.), *білыє* (им. мн.), *отвѣдаю*, на *рѣчцы*, на *дворѣ* (также: *сїмъ* = *сомъ*, *зелье*); сохраненное *л* въ концѣ формъ прошедшаго врем.: *быль*, *зослалъ* (рядомъ съ *ў*: *быў*); твердое *р*; твердое *и* (не всегда: *мамыцю*, *вин. ед.*); твердые

1) Волынскія Губ. Вѣдомости 1880 г. №№ 2—8. Издатель напечатанныхъ здѣсь свадебныхъ пѣсонь сообщаетъ, что «звукъ, соотвѣтствующій русскому *и*, но выговаривающійся мягче послѣдняго» имъ переданъ черезъ *и*, и что дифтонгъ *уе* произносится «какъ *ее*», но что онъ передалъ его черезъ *уе*, «потому что этими буквами правильно выражастся народное произношеніе». Онъ пишетъ вмѣсто *ие*, *іе*—*ѣе*, *ѣе*, что указываетъ на преобладаніе въ дифтонгѣ второй его части.

2) Киевское слово 1887 г. № 110, корреспонденція изъ с. Каменнаго. — Къ Ровенскому уѣзду относится еще слѣдующее. «Господствующій на Полѣсѣ языкъ—малороссійскій, въ разныхъ его видоизмѣненіяхъ. Замѣчательно, что чѣмъ ближе мѣстоположеніе къ Волини, тѣмъ языкъ облагороженнѣе, и напротивъ, чѣмъ далѣе отъ Волини въ глубь Полѣсья, тѣмъ языкъ тверже, дебелѣй и какъ бы исковерканный. Еще странно, что на близкомъ разстояніи одного селенія отъ другаго, напримѣръ, на пространствѣ 10 верстъ, одно и то же слово произносится не одинаково; напримѣръ, въ с. Яполоти, Ровенскаго уѣзда: *хлыбъ*, *ныжь*, *сокира*; въ с. Студыняхъ, за 8 верстъ отъ Яполоти, говорятъ: *хлыбъ*, *нужь*, *сукира*. Въ с. Бричильскѣ, Ров. у., всякое слово произносится весьма мягко, напр., въ клиюи *хлыбъ* *молотили*, *цистили* и *витрили*. На рубежѣ Волынской губ. съ Минскою въ произношеніяхъ словъ буквы перемѣняются: *а* на *е*, *я* на *ѣ* и на *о*; напримѣръ, вмѣсто *чай*—*чей*, *вм.* *троячка*—*трѣчка*, *вм.* *много*—*мнїго*; во всѣхъ глаголахъ, оканчивающихся буквою *я*, перемѣняются на *ѣ* или *о*; напр., *спилося*, *спалося* произносятся: *спилосѣ*, *спалосѣ*, или *грубѣе*: *спилосо*, *спалосо*. Во многихъ мѣстахъ употребляютъ слова *иностранныя*; напр., почти всегда союзъ *и* замѣняютъ гроческою частицею *ке* въ собственномъ значеніи; напр. *йшла Стода ке Хима*, *покианъ жынку ке диты*. Волынск. Губ. Вѣдомости 1859 г. № 15.

шипяціе; *мѣя* (=мѣя, вин. ед.); формы им. ед. на *ы* и *ы* (послѣ к на *й* и *і*: мѣленькій, мѣленькі), род. ед. женск. р. на *ое, ее* (мѣлее) и *ой* (мѣлой), дат. мойму, мѣстн. ў своей лихой бѣді, твор. очыма, трема дорогамі, 3 л. на *тѣ*, возвр. з. на *са* (рѣже на *ся*); *що*. Вмѣстѣ съ этими чертами рядѣ чертѣ бѣлорусскихъ: спорадическіе мягкіе согласные передѣ *е*: *воде, оернѹуъ, не мае* (при твердыхъ согласныхъ въ *еде* и т. п.); *ы* и *і*: называті, мѣлы, пѣсаті, доліна, лѣстѣ; рѣже: лѣстѣ, тыхо, ўлылася (=влилася); изрѣдка мягкія *дз* и *ц*: надзѣя, ходзі, кіпіць (3 л.), трейция (=третья). Еще: *сытно* (=сильно) ¹⁾.

Данныя изъ с. Великая Глуша, Ковельскаго уѣзда (немного южнѣе Припечи, въ сѣверной части уѣзда), таковы, что по нимъ трудно составить себѣ достаточно ясное понятіе объ его говорѣ. Въ немъ отмѣчены только *и* и *і* на мѣстѣ великор. *о*, укр. *і*: мий, рѣмний (=ровный; также прыиізь, мойй, дат.), при *о*: копѣ (род. мн.); но, вѣроятно, есть *ы* и *у*: мый и т. п.; далѣе, въ немъ *і* и *ы* на мѣстѣ *ѣ*: убідѣ (=обѣдѣ), вітерѣ, быдѣ, стынѣ, при камнѣ; *у* на мѣстѣ неудараемаго *о*: убідѣ, увѣчка, угднѣ: *е* изъ *я*: мнесо, пьетѣ, наветы (неопр. н.); здоровѣе (им. ед.); формы твор. ед. *чорнею, білею*, 1 л. *ходю*, просю, 3 л. на *тѣ*, неопр. *пекты*. Мѣсто украинскаго *и* занято, повидимому, черезъ *ы* ²⁾.

Говорѣ пѣсенъ, записанныхъ гдѣ-то «въ западной части Волынской губ.» Костомаровымъ, имѣеть рядомъ: *у, і* и *о* на мѣстѣ великор. *о*, укр. *і*: муй, вуиъ, кунѣ, двурѣ, гусаруѣ (род.), матюнка, мій, вінѣ, двірѣ, явірѣ, жінка, воликіѣ (род.), мой, вонѣ (=онѣ), конѣ, ночка; *і* вмѣсто *ѣ* (даже: слізами); твердое *р*: въ *нарадѣ*, въ *мору*, не *терайте*, *матірѣ*, рядомъ: *виражае, кряче*, за *коморю*; двойные мягкіе согласные: *обіллешся*, рядомъ: *нове подвурѣе, полѣванье, житя, кохана, щастя* (им.), *здоровѣячко*; *оля* вм. *оя*: *оляжѣ*, *румѣянецѣ*, *времѣячко*, рядомъ: *привязати*; *дж* (очень рѣдко): *ходжѣ*; сохраненное *л* въ *горілка, сопілка, пул-копѣ, столѣ*. Между формами нѣсколько подольско-галицкихъ: твор. ед. женск. р. *милоѣ* (=милою, рѣдко); польскія формы: прош. врем. 1 л. *пустила-мѣ*, 2 л. *зморозиве-сь* (=ты сморозилѣ), не *ўміла-сь*, *сослагат. н.* 1 л. *би-мѣ* не згасла; формы возвр. з. свої *ся* *цурали*, якѣ *ся* *маешѣ*, где *ся* *ўзяла*. Еще: *дзвінѣ*, род. *червойой, твоей, тей* (=той), рядомъ съ *теі, тиеі*, дат. *козакоеі, мі, молодоеі* *бондарувні*, 3 л.

¹⁾ Zieńkiewicz, Piosenki gminne ludu pińskiego, Kowno, 1851, стр. 378 слѣд. - Въ *луцкомъ* Польскѣмъ говорѣ мягче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Польскія, болѣе близокъ къ бѣлорусскому нарѣчію и имѣеть много оригинальнаго; онѣ, между прочимъ, различаетъ по родамъ формы мн. ч. прош. вр.: *булі, муж. р.*, *булы, женск. и ср. р.*, а формы возвр. въ немъ оканчиваются на *се*: *зробылосе*. Stecki, Wołyń, I, стр. 256.

²⁾ Труды, VII, стр. 548.

ед. перескоке (рѣдко), 2 л. повел. на *ть*, буд. битиму, неопр. волокти; формы *мі*, *мя* могутъ быть съ логическимъ удареніемъ ¹⁾).

Говоръ пѣсенъ откуда-то изъ «волинскаго Полѣсья» (вѣроятно, изъ сѣверной его части) вмѣстѣ: *у* (чаще), *ы*, *і* (рѣже) и *о* на мѣстѣ великор. *о*, укр. *і*: *муй*, *вунь*, *жунка*, *гребюнкъ*, даже *жуўтый* (= *жолтый*), *ныжкі*, *дрыбный*, *винъ*, *дрібный*, по крутой *горі*, *родненькі* (им. ед.), *живогъ*, *вдѣнь*; *і*, *е*, *е*, даже (послѣ *р*) *ы* на мѣстѣ *ь*: *тобі*, *неділя*, *вї* (род.), *горілка*, *бедна*, *свечи*, *крывые ноги*, *свѣтыла*, *детяты*, *лескъ*, *стреляты*, *горылка*, на *горы* (мѣстн.); также: *пїчь*, *весіллечко*, *корынье*; твердое *р*: *зора*, *звіръ*; мягкое *ч* въ исходѣ словъ (но: *че*, не *че*); двойные мягкіе согласные: *весіллечко*, рядомъ съ *корынье* (им. ед.), *оболѣтця*; *ога* вм. *ога*: *пгятà*, при *ога*ну, *пють* (= *пьють*); очень рѣдкое *дж*: *седжу*; формы им. ед. на *ый* и *ы* (послѣ *к*— на *ій*, *і*: *миленькій*), им. ед. муж. *сей*, дат. *ми* (при *ми*нї, *менї*), род. мн. *гості*, мѣстн. мн. по *сїнїхъ*, 3 л. на *ть* (чаще) и на *тз*, 2 л. мн. повел. на *ть* и на *тз*: *ведїть*, неопр. на *ть* (и на *ты*), возвр. зал. на *ся*. Рядомъ изрѣдка бѣлоруссизмы: *стаїть*, *кола ёго*, *кола твоей хаты*, *горабейко* (= *воробей*), *людскія* (им. мн.), *паметї* (= *памяти*, род.); *і* на мѣстѣ украинск. *и*: *білымї* *рученькамї*, *остатнїй* (им. ед.), *вїну* (постоянно послѣ *к*), *вдгї* (им. мн., при *вдгы*), *костї* (= *кости*), *есць* (= *есть*), *тесця* (род.), *свысцялка*, *свой* *Оленкі* (род.) ²⁾.

Говоръ м. Скороднаго («Скородне»), М и н с к о й губ., Мозырскаго уѣзда, вѣроятно, очень близокъ къ сосѣднимъ бѣлорусскимъ говорамъ. Отмѣчено: спорадическое (рѣдкое) аканье и спорадическое (частое) дзеканье: *начоваць*, при *морозъ*, *окно* и т. п., *ходзіць*, при *молодець*, *стенà*, спорадическіе мягкіе согласные передъ *е*: *мечъ*, *молодець*, бѣлорусскія *і* и *ы*, дифтонги *уо* и *ум*: *нуось*, *дуый*, при *у*: *юй*, *прывюзъ*, рядомъ съ *о*: *столь*, *голоўка*, *і* и *е*, *е* на мѣстѣ *ь*: *лісь*, *вїтру* (зват.), на *дорозї*, *бедà*, *мешокъ*, *чорные* (мн.), спорадическое *е*, *е* вмѣсто *я*: *повесъ*, *робецъ* (3 мн.), твердое *р*, твердое древнее *ч* (но *ручї*), *дж*: *ходжу*, *мясо*, формы: им. ед. на *ы*, дат. *мойму*, твор. ед. на *ою*: *білею* (при *ою*), 3 л. на *ть* (*цъ*), 2 л. повел. *носїть*, *пїте*, *лїце*, неопр. н. *пектї*; остатки древнихъ формъ двойств. ч.: *дві оцї*, *дві ручї*. ³⁾

Говоры Пинчуковъ, жителей П и н с к а г о уѣзда, отличаются нѣкото-

¹⁾ Малорусскій литературный сборникъ, изд. Д. Мордовцевымъ, Саратовъ, 1859, №№ 9, 13, 14, 19, 20, 21, 26 и др.

²⁾ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, XII, статья Брыччинскаго.—Стецкий указываетъ какъ на польскую черту—на формы дат. мн. на *умъ*: *панум*, и мѣстн. на *узъ*: *у мужыкутъ*. Wołyń, I, 256.

³⁾ Труды, VII, стр. 595.

рымъ разнообразіемъ; къ сожалѣнію, и здѣсь наши свѣдѣнія оставляютъ желать многого.

Говоръ с. Плотница (къ югу отъ Припечи, близъ устья Горыни) близокъ къ говорамъ волынскаго Полѣсья. Онъ имѣетъ на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і* дифтонгъ *уы*: *мѹый*, *кѹыпъ* (род. мн.), *юый* (дат. женск. р.), даже *рюывный* (*ю* близко къ нѣм. *ü*?), рядомъ съ *у* и *о*: *суль* (= соль), *годоўка*; на мѣстѣ *ь*—*і* и *е*: *тобі*, *бідный*, *беда*, *мешокъ* (также: *прывыізъ*, *камень*); твердое *р*; то твердое, то мягкое *ц* въ исходѣ словъ: *хлопецъ* и *хлопець*, *хлопцю*; мягкіе шипящіе въ исходѣ словъ: *держать*, *лошя*; *оля* вм. *оя*: *соломзяный*, даже: *мясо*; формы им. ед. на *ый*, род. ёго, дат. ёмѹ, *ми*, 1 л. *ходю*, *летю*, *пустю*, 3 л. на *ть* (даже: *ідеть*, при *іде*, *знае*), неопред. н. *пекты*. Сверхъ того, встрѣчается *і* на мѣстѣ укр. *и* (по крайней мѣрѣ послѣ *к*) ¹⁾.

Говоръ другой мѣстности Пинскаго уѣзда (неизвѣстно, какой именно) имѣетъ на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*—рядомъ *у*, *ю* (вѣроятно, близкое къ *ü*), *ы*, *і*, *о*: *муи*, *мои* (= мой), *мій*, *мой*, *рѹдный*, *рюдный*, *рыдный*, *рідный*, *солѹмка*, *годоўка*, *гыркый*, *кѹнь*, *нѣчка*, *війско*, *гѣркый*, *голова*, *ножка*, *горкый*; также: *принюсъ*, *вышню* (= вишня); *і*, *е* и *е* на мѣстѣ *ь*: *білый*, въ *лісі*, *віе*, *мі*, *другі* (род.), *ві*, *золотые*, *ходемъ*, *смешѹ*, *секѹ*, также: *сѣмъ*, *пѣчь*, *постѣль*, *зілле* (при *печь*, *зелле*). даже *ы*: *пытушкѣ*, *мачосы* (дат., = *мачехѣ*), *головы*, *дѣчѹны*, *сверкѹцы* (дат.): эпорадическое (частое) *е* вмѣсто *я*: *екъ*, *коне*, *короле* (род.), *стѣсчы*, *звезаны*, *принеты* (неопр.), даже: *дѣче* (им. ед.); твердое *р* (но: на *горі*, *оріхъ* и т. п.); двойные мягкіе согласные: *зелле*, *зілле* (но: *веселле*); твердое *ц* (*косцы* и т. п.). Формы им. ед. муж. на *ы*, род. на *оі*, *оє* и *еє*: *быстрее рікы*, род. *смерты*, дат. на *ові*, им. мн. на *ове*, твор. ед. женск. *твєю*, *другєю*, твор. мн. *моіма* *плечыма*, *чорныма* *бровыма*, мѣстн. мн. на *воротѣхъ*, *у* *молодыхъ* *летѣхъ* ²⁾, 1 л. ед. *просю*, *косю*, 3 л. на *тз* и на *ть*, буд. *бітіму*. неопр. на *ты* (*стерѣты*) и *ть*, возвр. 3. на *са*; сверхъ того, формы 3 л. мн. прош. *говореле*, *розлучеле* ³⁾; *буты*, *буѹ*; *що*. Въ этомъ говорѣ очень много бѣлоруссизмовъ. Согласные въ немъ по преимуществу твердые: «у Пинчуковъ пользуются особенною любовью твердые звуки *ы*, *у*, *э*»; «звукъ *л*, *м*, *н*, *р* и зубное *д* Пинчуки произносятъ твердо»; «гортанные *г*, *к*, *х* соединяются съ твердымъ звукомъ *ы* вм. *и*», говоритъ наблюдатель; но *кажеться*, рядомъ съ обычными твердыми встрѣчаются менѣе обычные согласные мягкіе: *тебі*, *просіты*. Звукъ *и*, повидимому, здѣсь нѣтъ; его мѣсто занято *ы* (= бѣлорусское *ы* и *и*): *маты*, *сілы* = *сѣли*, *коскы* = *коски*. Случай употребле-

¹⁾ Труды, VII, стр. 514.

²⁾ Записано: *воротѣхъ*, *лотѣхъ*.

³⁾ Записано: *говореле*, *разлучеле*.

ня ё изъ е болѣе часты, чѣмъ въ другихъ малорусскихъ говорахъ; случаи аканья встрѣчаются: рамень (=ремень), также какъ и случаи употребленія і (или ы) вмѣсто не ударяемаго е: понгділокъ. Формы: повел. н. бѣ (=бей), подыте, позовыте (2 мн.). Наконецъ отмѣчено: зулье = зелье, перепулочка = перепелочка, діматі = дитати, юміраты, юлыца, вуехаѣ = выѣхаль, им. ед. жетей ¹⁾).

Въ говорѣ окрестностей Пинска мы находимъ на мѣстѣ вр. о, укр. і — рядомъ у и і (послѣ р—ы): свуй, мѣсть, берызенка, даже е: зерка (=зорька, звѣзда), при частомъ о: вонъ, домъ (также: прывюзь, о третьей годины, мѣстн., на сѣмъ світы); на мѣстѣ ъ—і, ы, е, е: дѣло, тгло, тобѣ, на свѣты, въ городы (мѣстн.), спываты, на нѣбы, на дворы, деўчына, дорогиє, еє (род.), сечѣ, стѣнѣ, венѣкъ, река (также: пѣчь = печь, семъ = семь, спасеньє); отсутствіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ: голые (при здоровечко); твердое р; твердое и; изрѣдка дж: ходжаты (также дзвонъ, при звонъ); формы им. ед. муж. на ый, средн. р. на е, еє, род. ед. муж. р. не только на ою, но и на ею: тыхею, женск. не только на оє, оі, ой, но и на еє, еі, ей: милеє, одной, свое, свеі, свей (=своей), им. мн. молодѣ (=молодые), дат. мн. хлопцѣмъ, 1 л. ед. котю, просю, сечу, 3 л. на тѣ и (чаще) на ть, возвр. зал. на са; що. Согласные, повидимому,—по преимуществу твердые (ничего въ родѣ еєє, весті не отмѣчено). Звука и какъ будто нѣтъ (все ы). Рядомъ рѣдкіе случаи аканья: орабейко (=воробейко), барѣмъ (тв. ед.), и бѣлорусскаго ё (о): берѣза ²⁾).

Говоръ мѣстностей сѣверной части Пинскаго уѣзда («надъ Пиною, Припетью и Цною») свободенъ отъ дифтонговъ. Въ немъ слышится у и ы: кунь, дубѣны, нужка, доруженька, постуї (поведит.), по туї дуброві, вѣсьоль, по ўсюмъ, нычка (=ночка), удывонька (=вдовонька), гырка, зыронька, рядомъ съ частымъ о: подворье, голоўка, дороженька, повѣзь, съ і: зь вѣдного (=одного, рѣдко), и даже съ е: кеска (=коска, коса); і, послѣ р—ы (подъ удареніемъ), е, е на мѣстѣ ъ: дѣла (=дѣла, 3 л.), дѣду (зват.), полетѣла, тобѣ, забѣрымъ (1 л. мн. поведит.), зустрѣѣ (=встрѣтилъ), на горы, тобе, вѣнчыкъ, дѣдокъ, еду, ехаѣ, еє (род.), золотѣє, ўсе, ратѣє, твое (им. мн.), венѣкъ, свечы; также: пѣчь (род. мн.); спорадическое (рѣдкое) е, і вмѣсто я: дзевецъ (=девять), зоўзўлі (им. ед.); спорадическое у вмѣсто неударяемаго о, южно-малорусскаго о: кушуля (=кошуля), слязонькамі (=укр. слѣз-); древнее л вмѣсто ў: долго, полны, толкъ (рядомъ: доўго, жоўты, любіў);

¹⁾ Булгаковскій. Пинчуки. Этнографическій Сборникъ. Сиб. 1890 (= Записки И. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., XIII, выш. 3). Тексты записаны недостаточно точно.

²⁾ Zbiór wiadomości, II, ст. Быковского.

твердое *p*: *п*аражена и т. п.; твердое древнее *и* (но изъ *т*): въ *нырыцы* (= въ норкѣ); твердые шипящiе; отсутствiе двойныхъ мягкихъ согласныхъ (*слубоване*, *полѣване*); *ся* вмѣсто *я*, рядомъ съ *я*: *ся*гну при *я*гну. Формы: им. ед. на *ы*: *добры*, род. женск. р. *молодое* и *молодой*, даже: *крынiчыне воды*, род. муж. р. *мого*, дат. *мы*, дат. мн. на *омз*: *деткомъ* (рѣдко), твор. *плечыма*, 1 л. ед. *ходю*, *косою* (рядомъ съ *хожю*), *пустю*, 3 л. на *тз*: *ходiтз*, рядомъ на *тз*, *цз*: *ходiцз*, буд. *бiтiму*, неопр. н. почти всегда на *тi* (рѣдко на *тз*), возвр. зал. на *са* и *ца* (рѣдко на *ся* и на *се*, *це*): *боюса*, *кланятце*, *судiлосе*; также: остатки формъ двойств. ч.: *тры дудз*; *бутi* (= быть), *буу*, *забула*, при *быць*, *быу*, *была*; *цо*, при *што*.

При этихъ отчасти малорусскихъ чертахъ—длинный рядъ чертъ бѣлорусскихъ. Согласные у Пинчуковъ произносятся передъ *e* часто (но всегда) мягко: *несу*; *ё* изъ *e* у нихъ чаще, чѣмъ у Малоруссовъ: *цёмны* (= темный), *мецёлка* (= метелка), *бероза*, *пойдёмъ*, *ясёнъ*, *слаёнъ*; звука *и*, повидимому, нѣтъ и его мѣсто занято то *ы*, то *i*, по-бѣлорусски: *сынъ*, *мытi*, *новыхъ*, *пiтi* (пить), *заморскi* (им. ед.), но съ исключенiями: *шумiлы*, *дзвонiлы*; встрѣчаются, и нерѣдко, мягкiе *дз* и *цз*, вмѣсто мягкихъ *д* и *т* и рядомъ съ ними: *дзевочка* и *девочка*, *купiцi* и *купiтi*, *цебе* и *тебе* (род.); встрѣчаются (рѣдко) *a* вмѣсто неударяемаго *o* и *i* вмѣсто неударяемаго *e*: *провадiла*, *правога* (род.), *лажуса*, *байса*, *сiло* (= село), *пiродъ* (= перёдъ), *повiрталi*, *рыберце* (= ребро); встрѣчаются (рѣдко) глухiе (=отзвучные) согласные вмѣсто звонкихъ: *обiтъ* (=обѣдъ). Сверхъ того: спорадическое твердое *л* вмѣсто мягкаго: *сило*, *стрелцi*, *крылца*, формы им. ед. цѣмной *лесъ*, *мiлевъкой* (? рѣдко), 1 л. мн. *напимоса*, *возьмомо*, *поведомъ*, *садомо* ¹).

Наконецъ, мы имѣемъ нѣсколько данныхъ изъ села Старая (или Святая?) Воля (на Огинскомъ каналѣ, въ сѣверо-западной части Пинскаго уѣзда). Это: *болуытъ* (=болотъ, род. мн.), *сылъ* (=соль), *ревный* ²) (=ровный), *кешъ* (=копъ, род. мн.), *хлiу* (=хлѣвъ), на *дорозi*, *петру* (зват.), *бедъ*, *мешкъ*, *еє* (род.), *чорныє* (им.); твердое *p*; твердое *и*; *мясо*, *прысезъ* (=приезъ); формы им. ед. на *ыи*, дат. *мойму*, 1 л. *ходю*, *лстю*, 3 л. на *тз*, повел. *купете*, *пете* (?=пейте), неопр. н. *пектi*, двойств. ч. две словi. Рядомъ: *стяна* (=стѣна); *ходiтъ*, *молодiца*, *робiтъ*; *ороль*, *вономъ* (твор. отъ *к о н ь*). Случаевъ *аканья* (кромѣ вышеприведеннаго) и *дзеканья* не отмѣчено ³).

¹) Zieliński, Piosenki gminne ludu pińskiego; Карпинскiй, Говоръ Пинчуковъ (Р. Филол. Вѣстн. 1888 г. № 1).—Вѣроятно, также изъ сѣверной части Пинскаго у. пѣсни №№ 296—300 въ Сборникѣ пам. нар. творч. въ сѣверо-западномъ кр., о языкѣ которыхъ см. у Потебни, Забѣга, стр. 105. Въ нихъ между прочимъ: *нявiстонька*, *гяядо*, *зацяля*.

²) Записано: *ревный*; опечатка?

³) Груды, VII, стр. 548. Материалъ здѣсь, какъ и вездѣ, записанъ неусловительно.

Говоры малорусской части Гродненской губ. составляют двѣ группы, изъ которыхъ одна, занимающая южную (большую) половину этой части, можетъ быть названа вполне малорусскою, а другая, въ сѣверо-западномъ углу губерніи, представляется переходною отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому.

Передъ нами первая группа.

Изъ говоровъ южной части Гродненской губ., сосѣдной съ Пинскимъ уѣздомъ (гродненскаго Полѣся), одинъ (Кобринскаго уѣзда) имѣетъ на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*—*у* рядомъ съ болѣе рѣдкимъ *ы*: *вунь*, *вузь*, *жыдүү*, *жунка* и *жынка*; на мѣстѣ *ь*—*і*, *ы* рядомъ съ *е*: *іжь* (= *ѣшь*), *вікъ*, *літо*, *собі*, *у солі*, *сі* (род.), *быда*, *дѣтки*, *тысто*, *ў хаты*, *у пѣкмы*, *сѣяты*; спорадическое *і* на мѣсто украинскаго *и*: *тѣхо*, особенно послѣ гортанныхъ: *вікі*, *дыткі*; по преимуществу твердые согласные. «Полѣшуки, говоритъ наблюдатель, всякое слово произносятъ твердо, рѣшительно и отрывисто: *ходыты*, *сѣяты*»; у нихъ *а*, *е*—грубо, какъ *э*; *и*—какъ *ы*: *тысто*, *тэпэръ*. Формы им. ед. на *ый*, дат. на *оѣ*, 3 л. на *тз* и на *тѣ*, неопред. н. на *ты* (запрячы), возвр. з. *женытыся* и *ся женыты*; *що*. Еще: *вітѣрь*, зват. *браце* (= *брацѣ*?), *бываты* при *буваты* ¹⁾.

Въ другомъ говорѣ того же Полѣся (Брестскаго уѣзда) отмѣчены: *у* и *ю* (близкое къ нѣмецкому *ü*): *сношүү* (род.), *вѣчуръ*, на *юмъ*, *дрюбный*; *і* и *ы*: рѣдко, *тобі*, въ долинахъ, *лынывый*, также: *пѣчь*; мягкое *и* въ исходѣ словъ; формы род. ёго, 3 л. на *тз* и на *тѣ*. Еще: *ны* = *не* (*ны* загнала в т. п.); *сачевыця* (?) ²⁾.

Говоръ м. Дрогичинъ, Кобринскаго у., имѣетъ на мѣстѣ ударяемаго вр. *о* (*е*), укр. *і*—дифтонгъ *уы* или (рѣже) дифтонгъ *юы* (съ *ю* = *ü*): *муы*, *нуынь*, *нуычъ* (также: *нюмсь* = *несь*, *люыгъ* = *легъ*) и *нюычъ* (= *ночь*), *рюысь* (= *рось*), а на мѣстѣ неударяемаго вр. *о*, укр. *і*—*у*: *пудыймү* (также: *перстюндкѣ*), рядомъ съ *ы*, *і* и *о*: *нысь* (= *носъ*), *нічъ* (= *ночь*), *кынь*, *кытъ* (= *котъ*), *сватіў*, *сыніў* (род.), также: *свой* (дат.), *соль*. Употребленіе въ однихъ и тѣхъ же словахъ и окончаніяхъ то дифтонга, то *і* привело къ появленію дифтонга на мѣстѣ *ь*: *люызь* (= *лѣзь*), при *лізь*, *бюыгъ* (*бѣгъ*, *бѣжалъ*, вр. *бѣгъ*). Мѣсто *ь* въ этомъ говорѣ занято или *і*, или (безъ ударенія?) *е*, *е*: *собі*, *звиръ*, *беда*, *стена* (также: *сімъ* = *семь*, *шість*, *камень*, *шестьсѣтъ*). Затѣмъ въ немъ слышатся: твердое *р*: *царъ*, *царѣ*, *паруўюна* (рядомъ: *царюўюна*), мягкое *и* въ исходѣ словъ: *хлопецъ*, *хлопця*, *мягкіе*

¹⁾ Матеріалы для геогр. и статист. Россіи. Гродн. губ. I, стр. 635—638.

²⁾ Сб. пам. нар. творч., № 159, 162—166.

шипящіе въ формахъ 3 л. мн.: держать, мяя вмѣсто мя: мясо, мяты (но: здорова, привезюъ=привезъ), двойные мягкіе согласные: сніданне, весіме (им. ед.), даже: зсісты (=сѣсть), при третя (=третья), одынатцятю (твор.), зсіу (=сѣль), дж въ ходжу и т. п., изрѣдка у вмѣсто неударяемаго о: кужемяка, и і вмѣсто я: ўзіу (взятъ). Формы им. ед. ср. р. записаны то съ е, то съ я: весіде и весіля, сніданне и каміня. Изъ формъ замѣчательны формы им. ед. муж. р. на ый и на ы, род. ед. женск. сюсі, моі, твор. ед. ж. р. тею, мою (=моею), дат. сніговы (=снѣгу), мойму и мему, теі дытыні, им. мн. гости, зяті, 3 л. на ть (здавця и т. п., съ однимъ и), буд. вр. бытыму, 1 л. мн. повелит. возьмітъ, ведітъ, ходітъ, неопр. н. на ть (при -ты, беречы), возвр. з. на ся (ця) и съ; що и (рѣже) шо. Звука и, повидямому, нѣтъ и его мѣсто занято звукомъ ы ¹⁾.

Въ говорѣ неизвѣстной мѣстности Дорогичинской волости, не смотря на близость ея къ м. Дорогичину, много особеннаго. Дифтонговъ въ немъ не отмѣчено ²⁾, и на мѣстѣ вр. о (е), укр. і являются у, і, о: молоденькуй, своєю (дат.), матюнка, вінъ, війско, нічка (даже бійный = буйный), дороженька; на мѣстѣ ъ—і и (безъ ударенія) ы: вінъ, світъ, дівушка, старыі (им. мн.), іі (род.), также: сімъ=семь, бырзка=березка, вынобъ, ў світы, ў мѣры, ў долины, ў пѣлы (мѣстн.), долы (род., при доли); твердое р (но: рѣчка); мягкое и въ исходѣ словъ (но: сонце, хлопцы, им., и т. п.); двойные мягкіе согласные: гулянне (им. ед.), при лев (3 л.), третя; на Прыньеті; формы им. ед. на ый и даже на ой: молодій, полковій (? очень рѣдко), род. женск. р. на еі (меі) и ей (добрей), дат. на овы, мѣстн. женск. р. на ей: добрей, мѣстн. мн. въ гостюгъ, 3 л. на ть, повелит. напимося, розойдѣтєся, не сварітєся; що. Сверхъ того: е вмѣсто я: наговорецця, 3 л. мн., случаи аканья (рѣдкіе): саловѣйко, частое ы вмѣсто неударяемыхъ е, даже а: убыруся, жына, сестра, выдѣ (=ведеть), ны, донысла, нѣчынька, нышла (=нашла); е (о) вмѣсто е: чытвѣрта, высѣла (=весела), зылѣного, пры бырожкѣ, гороль (=орель), перодъ ³⁾.

Данныя изъ м. Вездежъ: у на мѣстѣ вр. о, укр. і: вунъ, муй, пуйдѣ, молоденькуй (дат.), ў чыстумъ полі (также: запрюгни=запрегни); і и (безъ ударенія) ы и е на мѣстѣ ъ: віра, тобі, ў морі, выночокъ, на помѣсты, молодые (также: сімъ); твердое р; мягкое и въ исходѣ словъ (даже: перцѣмъ, твор.); двойные мягкіе согласные: гулянне (им.); формы им. ед. на ый, род. ёго, шырокеі и -ей, дат. молодцѣсы (=молодцу), мні, им. мн. гости, сівы,

¹⁾ Труды, II, стр. 7, 59, 83, 87, 113, 129, 179, 229 и др.; VII, стр. 517.

²⁾ По неумѣнью передать ихъ буквами, а не потому, что ихъ не слышится?

³⁾ Сборникъ памятникѣвъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ, ЖМ 10—14, 53—65, 117.

еусіде, 3 л. на *ть*, возвр. 3. на *ся*; *що*. Еще: *ы* вм. *е* безъ ударенія: *ны* дѣу, *сыстра*, *лытїу*; *ѣ* (о) вм. *е*: *зелѣного*, *далѣкая*, *поѣны* (им. мн.), *ороль*; *изрѣдка* *и* вм. *т*: *есць* (= *есть*), *щасця* (род.) ¹⁾.

Данныя изъ мѣстности близь Безежа почти тѣ же; отмѣтимъ: *у*, *і*, *о* на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*: *унъ* (*вунъ?* = *онъ*) и т. п. и *внъ*; *і* и *ы* на мѣстѣ *ь*: *дѣдъ*, на *нѣбы*; формы им. на *ый* и *ы* (*велікі* стукоть), род. до *свѣй* хаты; бѣлоруссизмы: *велікі*, им. ед., *молітыся*, *переймая*, 3 л. ед. ²⁾.

Данныя изъ с. Молодово, Кобринскаго у.: *у*, *ы*, *і*, *о* на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*: *пузьно* (= *поздно*), *ѹ* *туй* *траві*, *ѹ* *чыстумъ* *полі*, *мый*, *стый* (= *стой*, *пов.*), *плыть*, *ныченька*, *ворогыѹ* (род.), *даже*: *много* (= *много*), *мѣй*, *нїчь*, *гѣркий*, *рїдний*, *козакѹ* (род.), *дорожка*, *ножка* (также: *мой*, *дат.*, *пчелчка*, *беризка* = *пчїлочка*, *берзїка?*); *і* и (безъ ударенія) *е*, *е* на мѣстѣ *ь*: *свїтъ*, *тобї*, *дѣуча*, *спеватьы*, *ленїва*, *беда*, *половые* (им. мн.; также: *постїлчка*, *камень*); твердое *р*; то мягкое, то твердое *и* въ исходѣ словъ: *хлопця*, *улицю* и *ѹ* *церкоѹцы*, *молодыца*, *седелце*; двойные мягкіе согласные: *коханне*, *жытты* (им. ед.), при *безголозвчкѣ*; формы им. ед. на *ый*, им. ср. р. на *е*, *ее*, род. женск. р. *темнеї*, *теї*, твор. *темнею*, *дат.* *мнї*, им. мн. *коны*, *володязы*, *госты*, *сіны*, *улане*, *тв. мн.* *очыма*, 3 л. на *ть* и *тз.*, возвр. 3. на *са* и *сз*; *що*. Еще: *вїно* (= *вино*; кажется, *і* вмѣсто *ы* — послѣ гортанныхъ: *солодкїй* и т. п.), *поменулы* (= *помянули*), *пры* *берожкѹ*, *сымо*, *сыделце* ³⁾

Данныя изъ с. Озяты, въ западной части Кобринскаго у.: *у* (часто), *ы*, *і*, *о* на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*: *муї*, *туй* (*дат.*), *післѹѹ* (род.), *пудъ* *вербоу*, также: *вечуръ*, *къ* *нюй*, *пырцѣ* (*перо*), *рыдний*, *внъ*, *злїсть*, также: *прынїсъ*, *прывїзъ*, *їй* (*дат.*), *ноченька*, *дороженька*; *і* и (безъ ударенія) *ы*, *е* на мѣстѣ *ь*: *лїсъ*, *собї*, *добры*, также: *постїль*, *зїлле*, *дычїа*, *вынокъ*, *быжїн* (*повел.*), на *мѣры*, *пры* *дорѣзы*, *ѹ* *хаты*, на *Україны* (мѣстн.), у *Марусы* (род.), также: *постыленька* (= *постель*), *исцелїѹ*, *молодые*; твердое *р* (не всегда?); мягкое *и* въ исходѣ словъ (но *хлѣпцы*, им., *гребенцїемъ*, твор.); мягкое *ч* (и вообще *шипящїе?*): *вынчїаты*, *плечї* (род.), *нещїяный* (*рядомъ* съ *твердымъ?*); двойные мягкіе согласные: *зїлля* (род.), *воханне* (им.), *коханнечко*, при *сїданечко*, *трѣтая*; формы им. ед. на *ый*, им. ср. р. на *е*, род. *теї*, *меї* *мяткы*, *мылеї*, твор. *тею*, *мылею*, *такею*, *дат.* на *овы* (*коневы*), *мнї*, *ѣму*, им. мн. *гусы*, *госты*, *рекруте*, мѣстн. мн. въ *воротѣхъ*, *ѹ* *сїнѣхъ*, 3 л. на *тз* (?), 1 мн. *повел.* *одошлїмо*; *що*. Еще: *у* *зелѣнуй* *дубровы*, *невесѣлая*, *черотъ* (= *очереть*), *ис-пудъ* *крапеню* (= *кремня*) ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, № 35, 121, 133—143, 157—158.

²⁾ Матер. для геогр. и стат. Россїи. Гр. гу б. I, стр. 631—632.

³⁾ Живая Старина 1890 г., вып. 1 и 2. Тексты записаны не вполнѣ точно.

⁴⁾ Сборникъ пам. нар. тв. № 15—30, 66—95, 205. Труды Чубинскаго, VII, стр. 550; Потобїя, Забѣткы, стр. 126—134.

Данныя изъ мѣстъ близъ г. Бобриня: свѣй, дѣмъ, мѣтунка, слѣзка, коска (=коса); зелѣзны ворота, вѣтѣрь, слѣдкы (=слѣдки); землицю (вин.); твор. свею; «е вездѣ какъ э» ¹⁾.

Данныя изъ Козицкаго прихода: воузь (=возъ), муой батько; ухаѣ; формы: род. ёго, возвр. зал. на се ²⁾.

Данныя изъ с. Череватицы: муи; цвѣтъ, вѣкъ; птыця, молодыця; поседимнячко; вы буде, лѣтила (=лѣтѣла); красѣнця (красна); на свы крыльця ³⁾.

Говоръ Каменецо-литовской волости, въ сѣверной части Брестскаго уѣзда, имѣеть: на мѣстѣ вр. о, укр. *i—y* и ю: муи, стуль, нысь (=весь), юй (дат.), хвюсть (=хвостъ), при о въ дорожка; на мѣстѣ *ъ—i* и ы: лѣсь, тобѣ, по болотѣ, въ хаты (мѣстн.), при сѣмъ (=семь), весѣлье, пачъ; твердое *p*; то твердое, то мягкое *u* въ исходѣ словъ; формы: им. ед. на *ы* и *ы* (маленькѣ), всей садъ (=весь), род. велькеѣ, меѣ, дат. ёму, мнѣ и менѣ, молодеѣ, твор. чорныма очыма, 3 л. на *тъ* и на *ть*. Еще: выдѣла, лѣтила, выдѣ (=ведѣ); дѣче (им.); зелѣнный; дѣ ёму (=къ нему).

Данныя изъ села Косичи, того же уѣзда: муи, вунъ, буйся, своей (даже: мнуго), дрюбный, при вѣзь (=везъ); бѣлый, пры мѣсяцѣ, спѣваю, жѣўтыѣ (мн.), на долины, по дубровы; твердое *p*; мягкое *u* въ исходѣ словъ; *дж*; мягкѣе шипящѣе: дожялы (спорадически?); отсутствѣе двойныхъ мягкихъ согласныхъ: снѣдѣмъе, корыньчѣко (но: розмоўляемъе, о мему жытти); формы им. ед. на *ы* (соловий), род. ёго, теѣ и теи, темнеѣ, дат. ёму, мнѣ, удоўцѣвы, мему (=моему), им. мн. вѣре, кавалѣре, мѣстн. по сѣнѣхъ, 3 л. на *тъ*; повел. пѣчы; польскія формы прош. вр. еще-мъ я не здрадыў, есь перебрала; *шо*. Еще: нывѣста, понывѣлокъ, лѣстичы; 3 л. есьць ⁴⁾.

Данныя изъ м. Великая Рыта, въ восточной части Брестскаго уѣзда: нуысь, тувилько, чорнуый (дат. ж. р.), люыгъ (=логъ), привѣзь (=привезъ), мѣдъ (=медь); дѣдъ, бѣдный, стѣны (мн.), корѣви (дат.), на голѣўцы, и бедѣ, стѣнѣ; твердое *p*; мягкое *u* въ исходѣ словъ (но: *-иы*); мягкѣе шипящѣе въ формахъ 3 л. мн.: лежѣть, ускочѣть; мясо, мяты (=мять); *дж*; формы им. ед. на *ы*, род. ёго, меѣ, готовей, дат. мнѣ, сыновѣ, коневѣ, твор. чорнею, 3 л. на *тъ*, 2 л. повел. пѣте, лѣте (=пойте), неопред. н. на *ты* (берегы); польскія формы 2 л. прошедш. вр. казавесь (ты сказаль) ⁵⁾.

¹⁾ Матер. для геогр. и стат. Россіи, Гродн. губ., I, стр. 630—631.

²⁾ Тамъ же, стр. 633 (здѣсь новѣрно напечатано: *воузь, муой*).

³⁾ Сб. пам. нар. тв. №№ 31, 152.

⁴⁾ Сб. пам. н. тв. №№ 181—203, стр. 288 (Каменець); №№ 34, 123, 141—148, 150, 151, 155, 156 (Косичи).—Потебня, Запѣтки, стр. 118—126.

⁵⁾ Труды, VII, стр. 552; Матер. для геогр. и стат. Россіи. Гродн. губ., I, 633.

Данныя изъ м. Пожежинъ, того же уѣзда: *муы*, *вумнъ*, *принюмысь*, даже: *миуыго*, *путь тополемъ*, *розбуыйныкуу* (род.), *трѣтюй* (дат.), *рядомъ съ бѣльше*, *пйдѣшь*, *розбуыйныкыу* (род.), *жѣнка*, *пчѣлмы* (твор.), *розвѣу*; *бѣднѣй*, *собѣ*, *жѣнци*, *сѣмъ* (=семь); твердое *р*; мягкое *ц* въ исходѣ словъ; мягкіе шипящіе (спорадически?): *жяба*; *взяжѣу*; *щасте* (им.), *ізілы* (сѣбли); формы им. ед. на *ы*, род. *своі* и *свеі*, *теі*, *добрый*, *одней*, дат. на *ові*, *мені*, твор. *тею*, род. мн. *воый*, *грошый*, 3 л. на *тз* и на *тъ*, неопр. н. на *ты*; *що* и *шо* ¹⁾.

Данныя изъ Влодавскаго благочинія, въ юго-западной части того же уѣзда (по Бугу): *матюнка*, с-пудъ кореня; *вѣрно*, на *мѣсты*, на *крыныцы*; твердое *р*; формы род. *меі*, им.-вин. мн. *запрагѣу коны вороны*, 3 л. на *тз*; польская форма 2 л. мн. прош. вр.: *вмылы-сѣте*; *що* ²⁾.

О говорахъ Пружанскаго уѣзда мы знаемъ мало.

Въ говорѣ с. Каргузь-Береза (въ юго-востоку отъ г. Пружанъ) дифтонги *уы* и *уо* на мѣстѣ вр. *о*, *е*, укр. *і*: *луый*, *суоль*, *руовный*, *рядомъ съ о*: *носъ*; *і* и *е* на мѣстѣ *ь*: *по дорозі*, *бѣдѣ*, *стенѣ*, *ев* (род.), *чорны* (также: *камень*); твердое *р*; твердое *ц* въ исходѣ словъ; *мясо* (=мясо), *прывѣзъ* (=привезъ); *здоровье* (им.); формы им. ед. на *ы*, род. *жѣн. р. мое*, дат. на *ові* (*коневі*), 1 л. *ходю*, *ломью*, *любью*, 3 л. на *тз*, *будущ. вр. ходытыму*, неопред. н. *берегы*; двойств. ч. *дві хаті*, *дві слові*; *що*. Сверхъ того: случаи аканья: *начаваты*; *ороль* (=орель) ³⁾.

Въ говорѣ деревни Чаецъ (Михайловской волости) рядомъ: *кунь*, *вѣнъ*, *копъ* (род.), *жѣнчыкуу* (род.): *хлѣбъ*, *добрыз*, *горылка*, *выбѣгаты*, также: *сѣмъ копъ*; то твердое, то мягкое (?) *р*; мягкое *ц* въ исходѣ словъ: *ыйця*; двойные мягкіе согласные: *гуляны* (им.); формы им. ед. на *ы*, дат. на *овы*, 3 л. на *тъ* и *тз*, повел. *жнѣте*; *що*. Еще: *далѣкый* ⁴⁾.

Говоръ м. Селець, если можно о немъ вѣрно судить по имѣющемуся у насъ матеріалу, обыкновенно на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*, имѣетъ *о*: *Богъ*, а на мѣстѣ *ь*—*е* и *е*: *лень*, *мне* (дат.), *ежте* (повел.), *годное* (=одной, род.), *бѣдѣ*; затѣмъ, въ немъ твердое *р*, формы род. *моѣго*, дат. *ѣму*, мѣстн. у *ночѣ* (въ ночи), 3 л. на *тз*, *возвр. з.* на *са* и *сѣ*. Еще: *десеть*, *тресы* (=десять, *тряси*); *бѣтѣ* (=бити); *начовало* ⁵⁾.

Вблизи м. Сельца слышно: *тулько*, *богъ*, *вывѣу* (=вывель); *горыты*, *дѣду* (зв.), *зѣу* (=сѣвлъ), *дорозі* (дат.), *собѣ*; то твердое, то мягкое *р*: *повѣрѣ*

¹⁾ Труды, II, стр. 50, 336, 608.

²⁾ Мат. для геогр. и эт. Россіи. Гр. г., I, стр. 634. Напечатано: *матюнка*.

³⁾ Труды Чубинскаго, VII, стр. 549. Здѣсь трудно догадаться, какіе звуки обозначаются буквами *ь* и *ц*.

⁴⁾ Сб. п. и. нар. т., №№ 96—100; Потебня, Замѣтки, стр. 101—103.

⁵⁾ Сб., стр. 289 сл.; Потебня, стр. 102—103.

(=повѣрь), рѣдко; форма им. ед. поломѣ; ф. род. бѣго, дат. *мигѣ*; *що*. Повидимому, нерѣдко *і* вмѣсто *ы*: *водѣты* (неопр.) ¹⁾.

Данныя изъ м. Шерешево (близъ г. Пружанъ): *тулько, мой; лѣсъ, мѣсто, рұцы* (дат.); ф. им. ед. на *ы* (послѣ *ж*—на *і*: *велікі лѣсъ*). Повидимому, нерѣдко *і* вм. *ы*: *заводылі; дѣготь* ²⁾.

Передъ нами вторая группа гродненскихъ малорусскихъ говоровъ.

Эти говоры, слышимые въ сѣверо-западной части Гродненской губ., въ Бѣлостокскомъ и отчасти Бѣльскомъ уѣздахъ, и обыкновенно называемые (по м. Заблудову) *за блудовскимъ говоромъ*,—богаты дифтонгами. Они имѣютъ: на мѣстѣ вр. *о* (*е*), укр. *і*, подъ удареніемъ,—дифтонгъ *уо* (съ преобладаніемъ *о*), безъ ударенія (а иногда и подъ удареніемъ),—*у: муой, куонь, двуроръ, пщуолъ* (=пчолъ, род.), на *юомъ* (=на немъ), на *юой, лебьюдка* (=лебедка), *пьюорце* (=перце, перышко), *пудъ дѣмомъ, ў гѣтумъ домі* (=въ этомъ), *лебьюдка* (=лебедка), даже *кудсонька* (=ко-сонька); на мѣстѣ *ъ*, подъ удареніемъ,—дифтонгъ *іе* (съ преобладаніемъ *е*), послѣ *р, и* и шипящихъ—*ые*, безъ ударенія (а иногда и подъ удареніемъ),—*е*, послѣ *р, и*, шипящихъ—*е*, въ концѣ формъ мѣстн. п.—*і: ліето*, на свѣці (=на свѣтѣ), *собіе* (дат.), *волы моіе* половые, *сіе* (род.), *рычка* (откуда *ръчка*=*рѣчка*), *стрыелка, цыелы, ў ночью* (въ ночи), *белюсенькі* (им. ед.), на *дорозі, на ціелі* (=на тѣлѣ), также: *сіемъ* (=семь), *шыѣсьць* (=шесть) и т. п.; твердое *р*; твердые *и* (не изъ *т*) и шипящія (*жже, че, шце*); изрѣдка *дж; озя* вм. *оя* и т. п.: *озяжү* (=вяжу), *лебьюдка, пьюорце, привьюдзь* (=привезъ); *полѣване* (им. ед.); формы им. ед. на *ы*, род. бѣго, дат. *ѣмү*, род. до *моіе Касі, Марысі, здоровоі водзицы, нашеі памеці, дат. коневі, вістреві, мніе*, тв. *горѣю* (=горою), зв. *лебедзю, З л. дѣйств. з. на тѣ, возвр. з. на ѣце, іце*: *боіце*, неопр. н. на *ці* (=—*ти*).

Рядомъ бѣлоруссизмы: мягкіе согласные передъ *е*: *берү, себе, вѣрба, мене* (род.), *несу, сестра* (но: *перестану*); строго различающіяся другъ отъ друга *і* и *ы* (послѣ гортанныхъ *і*: *цілі, велікі*, им. ед.); частое *ѣ* (*о*) изъ *с*: *дзенѣкъ* (=денѣкъ), *сосѣнь* (род.), *полѣтъ, озѣра* (мн. ч.), *зелѣны* (но: *ўсе*=*все*, далеко и т. п.); мягкія *дз* и *ц* вмѣсто *д* и *т*: *водліца, дзве, себе, ціхо: соўнычко* (=солночко); формы твор. ед. *усѣмъ* (=всѣмъ), род. мн. *ўсіхъ* и т. д.; *быў, былѣ, бываці; што*. Сверхъ того, встрѣчается, безъ ударенія, изрѣдка *е, е* изъ *я*: *боісе, боіце* (=боится), *двѣцець, пѣса* (род.), *памець* ³⁾.

Конечно, эти говоры въ разныхъ мѣстахъ своего употребленія имѣютъ

¹⁾ Мат. для геогр. и стат. Р. Гродн. губ., I, стр. 629—630.

²⁾ Тамъ же, стр. 628—629.

³⁾ Этнографическій Сборникъ, вып. III (1858 г.). Потѣбля, Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка, Воронежъ, 1866, стр. 141—143; Забѣтки, стр. 91—94.

свои мелкія особенности. Такъ, близъ Заблудова дифтонгъ *yo* слышится, и довольно часто, на мѣстѣ какъ ударяемаго, такъ и не ударяемаго украинскаго *o*: *скуоро*, *вуолѣ*, *вуода*, *гѣтуой* (=этотъ, им. ед.), *часудокъ* (им. ед.); здѣсь же изрѣдка встрѣчаются случаи аканья: *адзінъ*, *адна*, Турецкаі земі (род.); здѣсь же: *сѣстра*, *воваці*, *понѣссе*, *при медъ*; *веселле* (им. ед.), *зелле*, *при за печу* (печью); *це* (=тя, вин.); *стаѣокъ* (=ставокъ) ¹⁾. Или, въ другой (неизвѣстной) мѣстности, Бѣльскаго уѣзда *і* часто слышится на мѣстѣ *ъ* безъ ударенія: *вѣнчокъ*; согласные передъ *e* часто (или всегда) тверды: *іде* (=ѣдетъ), *лебеде* (им. мн.); *дз* и *ц* рядомъ съ *д* и *т*: *дзівуля* и *лебеде*, *потраціла* и *рутяный*; *коханне* (им. ед.); ф. им. мн. *лебеде* ²⁾.

Южные сосѣди заблудовскаго говора должны быть отнесены къ первой группѣ гродненскихъ малорусскихъ говоровъ. Ближайшій къ нему—говоръ, называемый у Заблудовцевъ *королѣвскимъ* и слышащійся около мѣстечка *Нарева*, доходя подъ г. Бѣльскъ. Онъ отличается отъ заблудовскаго отсутствіемъ бѣлорусскихъ особенностей: мягкихъ согласныхъ передъ *e*, *дз* и *ц* (и другихъ?): *пруйде*, *буде* ³⁾. Въ немъ еще указываютъ на дифтонгъ *oo* (съ первымъ сильно закрытымъ *o*) на мѣстѣ вр. *o*, укр. *і* (рядомъ съ *yo*), на болѣе частое *і* на мѣстѣ *ъ*: *білый*, *віе* (рядомъ съ *іе* ?), на болѣе частое *с* изъ *я*: *пѣеть* (=пять), *даже ўзіў* (=взялъ), на формы 1 л. *ходѣ* (при *ходжѣ*) и 2 л. повелит. на *тз*, на *што*. ⁴⁾

О говорѣ с. *Чижи*, Бѣльскаго у., мы знаемъ мало. Данные таковы: *муї*, *кунь*, *воруть* (род. мн.), на чужуй стороні, *нюсь* (=несъ), также: *рудный* (съ *ю* близкимъ къ нѣмецкому *ü* ?), *оуця* (=овца); *білый*, *мідяный*, *собі*; твердое *р* (по: на морі); мягкое *ц*: *оуця*, *сѣрцо*; *третья*; формы им. ед. на *ый*, род. *ѣгò*, дат. *мні*; *була*. Рядомъ: *денѣкъ*, *зелѣный*; *што*. Наконецъ: *піе*, *біе* (=пѣеть, бѣеть; полонизмы?) ⁵⁾.

Говоры другихъ мѣстностей Бѣльскаго уѣзда, тѣхъ, которыя граничатъ съ польскими (мазурскими) поселеніями, повидимому, уже вполне малорусскіе. Кажется, они отличаются отъ говоровъ первой группы только употребленіемъ или свистящихъ согласныхъ вмѣсто шипящихъ (по-мазурски): *лезала*, *взе* (=вже, уже), *выела*, *цдрный*, *сце* (=ще, еще), *пусцу* (Малешевскій и со-

¹⁾ Сборникъ пам. нар. тв., №№ 100—115; Потебня, Забѣтки, стр. 95.

²⁾ Сб. пам. н. тв., № 149.—Авсенаріусъ приводитъ изъ говора Бѣлостокскаго у. такія данныя: не *ѣдымо* (1 л.), *вероука*, *воукѣ* (им. мн.), *пне стоаць* (*e=e:*). Зап. А. в. В., т. 60.

³⁾ Этногр. Сборникъ, III, стр. 104.

⁴⁾ Труды Чубинскаго, VII, стр. 496.

⁵⁾ Сборн. пам. нар. тв., №№ 32, 33, 125; Потебня, Заб., стр. 117. Черезъ *у* передается иногда дифтонгъ?

сѣдніе приходы, къ сѣверо-западу отъ г. Бѣльска ¹⁾, или свистящихъ вмѣсто шипящихъ и на оборотъ—шипящихъ вм. свистящихъ: *зыў* (= *жилъ*), *прысѣу* (пришолъ), *ў вітхуй жэмліны*, *у шыннего шдра*, *трыйчатъ літъ* ²⁾.

Сѣверно-малорусскіе говоры Сѣ д л е ц к о й г., при всемъ своемъ разнообразіи, также представляютъ двѣ группы, изъ которыхъ первая находится въ ближайшей связи съ говорами полѣскими и южными гродненскими, а другая—съ говоромъ заблудовскимъ.

Первая—чисто-малорусская, не только съ твердыми согласными передъ *e*, но и съ *ы* на мѣстѣ великорусскихъ *и* и *ы* (*мыты* = *мыти*), съ *і* на мѣстѣ *ъ* и съ мягкимъ *ц* въ исходѣ словъ.

Одинъ изъ говоровъ этой группы слышится въ д. Желевшэ, Бѣльскаго уѣзда. По имѣющимся скуднымъ даннымъ, въ немъ ударяемымъ вр. *о* (*e*), укр. *і* соответствуютъ дифтонги *уі* (?) и *юі* (съ преобладаніемъ первой части звука): *роід-ный*, *неударяемымъ—у* и *ю*: *по стюдѣнуі росі*, *мѣтунка*; *рядомъ съ і*, на мѣстѣ *ъ*, безъ ударенія, является *ы*: *былыты* (но: *биль*, *дѣбрыні*, *іі*, *род.*); *послѣ к—ы*: *мѣтункы*.

Другой говоръ принадлежитъ д. Кульчину. По нашимъ скуднымъ даннымъ, онъ имѣетъ: на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*, подъ удареніемъ—дифтонгъ *юі* (или *юі*, съ преобладаніемъ первой части звука) и *ы*: *тылькы*, *стыль* (= *столь*), *стыты* (повелит.), а иногда *і*: *пиде* (= *пойдетъ*), безъ ударенія—*у*: *ныльбуу* (= *нелюбовь*, *род. мн.*), *дуцчѣте* (= *топчите*), *мѣтунка*; на мѣстѣ *ъ*—*і*; *неударяемое о* можетъ замѣняться черезъ *у*: *русчѣше* (3 л.), *гулѣука* (= *головка*), а *неударяемое е*—черезъ *ы*: *ныльбѣ*, *ныхай*, *выплытаты* (здѣсь *ы* можетъ быть и на мѣстѣ *ъ*); *формы род. ёго*, *дат. тѣ*, *вин. тѣ*, *им. мн. сваткоое*, 3 л. на *тѣ*; *булѣ*; *шо*. Еще: *шпунькѣ* (= *шапоньки*, *им. мн.*; *при ручкѣ*).

Третій говоръ—въ с. Полоски, Бѣльскаго уѣзда (къ югу отъ Бѣлой). Данные: *вуынъ*, *нуысь*, *жуынка*, *пудходытъ* (3 л.), *вынъ* (= *онъ*), *вѣнъ*, *жѣнка*, *прывѣзъ*; *істы*, *тубі*, *еі* (*род.*), *гурі* (= *горѣ*), *хлыбъ*, *свытыця*, *слыпый*, *бѣдѣ*, *стенѣ*, *кѣмень*; *твердое р*; *мягкое ц* въ исходѣ словъ; *ходжѣ*, *сыджѣ*; *полюване*, *убраня* (*им.*); *пзѣтъ* (= *пять*), *мѣсо*, *роблятъ*, *мѣты* (*мять*); *дѣкуе* (= *дякуе*). *Неударяемое о* (= *укр. о*) можетъ замѣняться черезъ *у*: *тубі*, *тубѣу*, на *гурі*, *чулувѣкъ*, а *неударяемое е*—черезъ *ы*: *лыгѣ*,

¹⁾ Мат. для географіи и стат. Р. Гродн. губ., I, стр. 647—648. Авторъ о Малоруссахъ Гродн. губ. (крошъ Полѣшукѣвъ) замѣчаетъ: «Чернорусь, подобно Бѣлоруссу, растягиваетъ, чуть не мамлитъ» (стр. 638).

²⁾ Зап. А. в. Н., т. 60, ст. Авенариуса. Еще отмѣчено: *вуынъ*, что даетъ намъ право читать, вм. напечатаннаго *вітхуй*,—*вітхуй*.

нысе, хлопцыць, ны дывыся; мѣсто я можетъ быть занято черезъ *e* или даже *i*: сядь (=сядь), пьеть, роздывляѣсе, лежеть (3 л.), почела, ўзіу (=взялъ), сіде (=сидеть), при пдѣсь. Формы: им. ед. на *ыи*, род. злѣи, мѣи, тѣи, однеі и мѣи, его и ѣго, дат. на *оы* (конѣы), *мми* и *мѣи*, *ѣму*, *ѣз*, *однему*, вин. на *ню*, *тѣ* (=тя), твор. *тею*, *малею*, мѣстн. мн. на *конюхъ*, по мѣстюхъ-ѣ *мѣи* *халуці*, *ѣ твоі*—, 3 л. на *тѣ*, буд. ты *мѣиш* ходыты, неопр. н. только на *ты* (*бережчы*), возвр. з. *ся* родыты; польскіи формы прош. вр. *казаве-сь*, *казалы*, *сте*; *быу* и *буу* (?). Еще: *пшанѣця*, *змѣяна*; *зелѣный*; *зімный* (при *зымный*), *але*, *сасзы*.

О четвертомъ говорѣ, д. Пѣщаць, Бѣльскаго у., мы знаемъ лишь то, что; онъ имѣетъ дифтонгъ *yi*, что въ немъ мѣсто *ь* занято не только *i*: *впшаты*, но и *ы*, *e* (безъ ударенія): *дывѣнька*, *ведрѣ*, и что вмѣсто я въ немъ можетъ быть (какъ часто?) *i*: *жыты* (=жать), *чысто* (=часто), *телі* (=теля). Еще: *дывѣнькі*, им. мн.

Пятый говоръ—въ Кленовицѣ, Константиновскаго уѣзда. Данные: *вўицьско* (или *вўицьско*), *вўиць*, *жўицька*, *обрѣокъ* (=оброкъ), *муи*, *пудъ гѣру*, *регрѣтуѣ* (род.), *мій*; *веділя*, *свытѣлка*; спорадическіе мягкіе шипяціе: *жяба*, *мчаты*; *ходжѣ*, *саджѣ*; *сжяжу*, *сѣжи* (дат.), *становітеся* (повел.); *дыўка* (=дѣвка), *дыткы*; формы дат. *мыі*, 3 л. на *тѣ*: *кониць* и т. п.

Вторая группа, при твердыхъ согласныхъ передъ *e*, при твердомъ *p* (но: *pi* изъ *pt*), при мягкомъ въ исходѣ словъ *и* (но: *хлопецъ*),—различаетъ, по-великорусски и бѣлорусски, *ы* и *i*, и богата дифтонгами.

Говоръ с. Кошолы, Бѣльскаго уѣзда, имѣетъ: на мѣстѣ вр. *o* (*e*), укр. *i*, подъ удареніемъ—дифтонгъ *yo* (съ преобладаніемъ второй его части), безъ ударенія—*y*: *вубѣско*, *пудъ водою*; на мѣстѣ *ь*, подъ удареніемъ—дифтонгъ *ie* (съ преобладаніемъ второй части), безъ ударенія—*e* и (особенно послѣ *ʃ*) *i*: *дїѣўка*, на *новїѣ*, *дѣўчина*, *доброї* (род. женск. р.), *слїпнї*; мягкіе шипяціе передъ *i*: *шїнокъ*, *дѣўчина*, *жїто*; *дѣўчина* (при *дѣ*-); формы им. ед. на *ы* (*молоденькъ*), род. *ѣго*, *доброї*, *твѣі* (и *твѣи*), дат. *ѣму*, *мнїѣ*, им.-вин. мн. *москаліѣ*, *сухарїѣ*, *усїѣ* (=всѣ), 3 л. на *тѣ*, 1 л. мн. *позбудѣмся*, 3 л. мн. *люблять*, 1 л. мн. повел. *поберїемся*, неопред. н., *важеться*, только на *тї*, возвратн. з. *ся* *дївуѣ*. Еще случаи *аканья*: *чабуткі*, *ваханокъ*; *ѣдѣгъ* (=одинъ), *ковалѣва*, *гай зелѣненьні*; ф. даг. *себіѣ* (?); *быватї*. Сверхъ того, въ кошольскомъ говорѣ на мѣстѣ ударяемаго *a* послѣ мягкихъ согласныхъ (и *p*) слышится дифтонгъ *ie* (съ преобладаніемъ въ немъ второй части): *прїѣстї* (=п्राсти).

Говоръ с. Хотычи, Константиновскаго уѣзда: *муой* (съ преобладаніемъ въ дифтонгѣ первой части), *завѣоль* (или *завѣюоль*?), *юой* (дат.), *кунцї* (=конца); *ліѣсь* (съ преобладаніемъ въ дифтонгѣ первой части), *прїлетїѣла*

сіемъ (= семь), дієучиніонька, на дорозі, зазулі (род.), стреляті, въ лютоумъ горе; щастя (род.); дієучина; формы прошедш. врем. на *мъ* (съ сохраненіемъ *л*: ұзялъ); формы: им. на *ыѣ*, дат. *мні*, вин. ед. *ей* (= *ее*), *тя*, им. мн. ка-лінові лугі, 3 л. на *тз*, неопред. н., кажется, только на *ті*, возвр. 3. ся розлягаю, 2 л. ед. *если-сь* сестра моя (= если ты моя сестра); *былъ*; *што*.
Еще: *едень*; спорадическое *е* вмѣсто *я*.

О говорѣ Корницкаго прихода, того же уѣзда, мы имѣемъ болѣе свѣдѣній. Онъ имѣетъ: дифтонгъ *юо* (подъ удареніемъ): *нѹось*, *нѹось* (= *несъ*), *колюось* (род. мн.), на *юомъ*, при *у* (безъ ударенія): на *добрумъ*, *пудъ* водою; дифтонгъ *іе* (подъ удареніемъ, съ преобладаніемъ въ немъ первой части и съ твердымъ *е*): *свѣтъ*, *рѣзати*, въ *руціе*, *сіемъ* (= *семь*), *мѣдъ*, *весіеле*, въ *огніе*, при *і* и *е* (безъ ударенія): *діліті*, *вѣдръ*, *красныє* (им. мн.); простые мягкіе согласныє вмѣсто двойныхъ: *весіеле*, *кохаме*, при *зубъ* или *зубъ*; вообще твердые шипящіе (даже: *шымесць* = *шесть*); *взя* им. *ея* и т. п.: *взяну* (но: *робятъ*, 3 л., *мясо*); частое *дж* (но: *чужі*); *звонъ*, *звоніті* (не *дзв*—); формы: им. ед. на *ы*, дат. на *ои*, *ѣму*, *мнѣ*, твор. *горю* и *горю*, *доброю* и *доброю*, мѣстн. на *печіе*, им. мн. *пнѣ* (= *пни*), *огніе*, *овтаріе*, *столяріе* (муж. р.), *вішнѣ*, *блуніе* (ж. р.), *усіе*, *моіе*, род. мн. *усіехъ* (= *всѣхъ*), дат. мн. *вонюмъ*, *людюмъ*, *гусюмъ* (при *гусѣмъ*), мѣстн. мн. *ы* *конѣхъ*, *по сіенѣхъ*, *у чоботѣхъ*, 1 л. *любю*, *печу* (при *пеку*), 3 л. на *та*, повел. *ідіемъ* и *ідіемо*, *ідіете*, *ході-те*, *біете* (= *бейте*), неопред. н. только на *ті* (*помогі*), возвр. 3. *ся* бере, прош. вр. *вже-мз* *взяла*, *даве-сь* (= *ты дагъ*), *мы-сьмо* *взялі*; *шо*. Еще: спорадическіе мягкіе согласныє передъ *е*: *лжѣ*, *стѣле* (*лѣ* постоянно, не *лѣ*), *сінею* (твор.), *конені* (дат.), *семі* (род.), *кіслю*: *ѣ* (*о*): *зелѣны*, *весѣлы*, *віетѣръ*, *берѣза*; спорадическое *е* вмѣсто неударяемаго *я*: *помѣне*, *міесецю* (дат.); мягкія *дз* и *ц* вмѣсто мягкихъ *д* и *т*, если передъ ними *з* и *с*: *розділіті*, *сціна*, *куосць*, *несці*; *а* въ *сичевіца*; *быѣ*.

Наконецъ, корницкій говоръ имѣетъ на мѣстѣ ударяемаго *а* послѣ мягкихъ согласныхъ, послѣ шипящихъ и *р* (но не послѣ *р*) дифтонгъ *іа* (съ преобладаніемъ въ немъ первой части): *сіадъ* (= *сядъ*), *жіаръ*, *душіа*, *чіасъ*, *ріама*, и изрѣдка мягкія *і* и *я* на мѣстѣ мягкихъ *д* и *т*: *сііатъ* = *сидятъ*), *сіаті* (= *стяті*).

Данныя говоры Радинскаго уѣзда: подъ удареніемъ дифтонги *юо* (д. *Воинъ* и др.), или *уо*, или *ѹе* (*Пашенки*), и дифтонгъ *іе* (*Воинъ*, *Безволя* и др., съ преобладаніемъ первой части), *е* (*Воинъ*) и *і* (*Воинъ*, *Пашенки*), рядомъ съ *о*: *могъ*, безъ ударенія *у* и *і* (на *небі*, *убогоі* *Марусъ*, род.; *Воинъ*); *весіеле*, *зіеле* (*Воинъ*), *свіня*; *трі*, *бері*, *жіль*, *розлучіль*¹⁾ (прош. вр.; *Воинъ*, *Рудня* и

¹⁾ Послѣ шипящихъ и *р*—і проносятся «несколько шире», чѣмъ послѣ другихъ согласныхъ.

др.; но: жиў Радча и др.); формы им. ед. на *ый* и *ы* (Воинъ), род. ж. р. на *оі* и на *оі* (также), дат. *миѣ* (*миѣ*), *ті*, *твему*, *дякові*, им. мн. *учителіе* (Безволя), 1 л. *стю*, 3 л. на *тз* (Воинъ, Рудня) и на *ть* (Безволя), возвр. з. *ся несѹ*, прошедш. вр. *бачіла-мз* и т. п.; *быті*, *быль*; *што* (Воинъ, Рудня и др.) и *шо* (Радча и др.).

Сверхъ того: спорадическіе *є, е* изъ *я, а* послѣ мягкихъ согласныхъ и шипящихъ: *коне* (род.), *шѣпка* (Радча), изъ *весіеле* (Воинъ; въ Руднѣ и др.: *конея*, *шапка*); спорадическіе мягкіе согласные: *летіла*, *легко*, *людей* (род.), *іедемъ* (1 л.); мягкіе *си* вм. *ст*: на *помосці*, *госці* (Воинъ). Еще: *весь* (= *везъ*, польск. *weź*, *поведит.*), *голунка* (Воинъ); *перекинулася* *рабой* *зазуленькой* (твор., Пашенки ¹).

Наши свѣдѣнія о сѣверно-малорусскихъ говорахъ Угрии скудны и мало опредѣленны. Мы знаемъ, что на мѣстѣ вр. *о* (*e*), укр. *і* въ нихъ слышатся *уі*, *у* и *ю*: *вуйнъ*, *вунъ*, *вюнъ* ²), рядомъ съ *і*: *вінъ*, что въ однихъ изъ нихъ (въ Сатмарскомъ и Бережско-Угоцкомъ комитатахъ) *у* и *ю* преобладаютъ надъ *і*, въ другихъ—на оборотъ ³), что *ю* начинается слышаться къ западу отъ Хуста (въ Марамарошѣ) и простирается на юго-западную часть Марамарошскаго комитата и на сосѣдную часть Бережско-Угоцкаго комитата, съ долиною р. Латорицы включительно (кромѣ ея верховьевъ ⁴). Также мы знаемъ, что въ этихъ говорахъ много заимствованныхъ словъ (словацкихъ ⁵), мадьярскихъ, румынскихъ) и что они имѣютъ нѣкоторыя изъ тѣхъ особенностей, которыя свойственны сосѣднимъ (галицкимъ и карпатскимъ) южно-малорусскимъ говорамъ.

Наибольшее количество свѣдѣній мы имѣемъ о говорѣ жителей южной части Марамароша, сосѣдящихъ съ Гуцулами. Здѣсь слышно *у*: *муі*, *двуръ*, *думъ*, *вѣчуръ*, *жунка*, *мюдъ*, *возъ*, *юй* (дат.), при нѣсколькихъ словахъ съ *і*;

¹) Матеріалы для знакомства съ сѣлечкими говорами: у Житецкаго, Очеркъ, стр. 297 сл.; у Янчука, Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ, Конст. у., Сѣдл. г. (Извѣстія И. Общ. любит. естеств. при Моск. Унив., т. 48, в. 1), въ Трудяхъ II, УЦ (стр. 552), и въ Русск. Филол. Вѣстникѣ 1884 г. № 2.—Въ Сѣлечкой губ. способъ произношенія словъ напоминаетъ произношеніе въ такъ называемыхъ польскихъ уѣздахъ на Волыни, напримѣръ, въ Ковельскомъ, Ровенскомъ и друг. и вообще подходитъ къ произношенію словъ на сѣверо-востокъ Волыни. Памятнику русской старины въ западныхъ губ., изд. Батюшковымъ, вып. 8-й, стр. 494. Рѣчь идетъ, конечно, не о всей малорусской части Сѣдл. губ.

²) Дешо говорить, что это ю—венгерскій звукъ *й* (франц. *y*). Киевлянинъ Максимовича, кн. 3, стр. 27.

³) Семеновичъ въ Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, сост. учениками В. И. Ламанскаго, Слб. 1883.

⁴) Петровъ въ Журн. Мин. Н. Пр. 1892 г. № 2. Мы слѣдуемъ въ передачѣ угорско-русскихъ названій картѣ Головацкаго.

⁵) Между прочимъ, такихъ, которыя по звукамъ совпадаютъ съ словами церковно-славянскими: *гладъ*, *главка*, *злато*, *хлать*.

і на мѣстѣ ѣ (также: ячмѣнь, осѣнь и т. п.), ы на мѣстѣ вр. ы и и: ходыты (но иногда на мѣстѣ вр. и является среднее и, такъ что быу = былъ и биу = билъ различаются), рѣзко звучащее послѣ гортанныхъ, особенно к: рѣкы; ы, ѳ изъ л менѣе часто, чѣмъ въ говорахъ галицкихъ и карпатскихъ: стуль (= столъ, галиц. стіу), вуль, орель, дыхалка; л въ бѣлый, былы, волочыты и т. п. мягче великорусскаго и польскаго твердаго л, но нѣсколько тверже чешскаго средняго l; мягкое р: тепѣрь, рыбау, рыбауа, дверьмы (твор.), даже: верьхъ, дѣръгаты, цѣрькоу (но беръ = беръ, бери); мягкое и въ исходѣ словъ: дванатцять, молодыця, молодыць (род. мн.), молодыцю (рядомъ: молодыцъ, молодыцу, дат.-мѣстн. молодыцы); твердые шипящія (но вечеря, вечеряты); рѣдкое дж (ходжу, блѣжу); дз въ дзвунъ, дзерно, дзелѣный; двойные мягкіе согласные: здыханничко, лляты (= лляты), злѣты (= съѣсть), при волосъ (= волосъ), камѣня (им. ед.), третій, третя, третѣ; мяа вм. мя: мяао, сѣмня, імня, деревяный (при деревляный), роблять, здоровя (здоровье). Формы: им. ед. на ыѣ, род. ю, егѳ и ѳгѳ, еі, смѣрты, земля, доброй и доброй, дат. му, смѣ и смѣу, мѣни и мѣни, земля, внн. ня (изъ мяа) и мя, тя, твор. мноу, водѳу, им. мн. добрі, дат. мн. дверѣмъ, грудѣмъ, мѣстн. въ дверѣхъ, въ грудѣхъ, 1 л. люблю, сплю и т. п., пѣчу, мѳжу (при мѳу) и т. п., 3 л. на тѣ (дастѣ), 1 мн. на ме, неопред. н. только на ты, возвр. 3. ся быты и бытыся; глаголы на аты могутъ имѣть формы наст. вр. на амъ, амѣ, атѣ, аме, аютѣ; формы прош. вр. и сослагат. накл. даве-мъ, даве-сь, дады-сме и т. д., бы-мъ дау и т. д. Еще: глухіе гласные при плавныхъ: кѣрваый, чѣрствый, дѣрва (также: цѣвоу, съ гласнымъ р?); и вм. е въ отѣцъ (= отецъ), одовиць (= вдовець), овиць (род. мн.), хлопциць, тѣсть (= тѣсть), журавиль, смирть (= смерть), вись (= весъ, мѣст.); начальное о безъ придыхательнаго и: острый, ораты, орихъ и т. п. Наконецъ: быты (нѣтъ буты), быу; што (нѣтъ цо), ничѣ (= ничего) и ничого; гдѣ, дѣ съ дат. (идѣ нему) = вѣ; лыиць (нѣтъ лемѣ) ¹⁾.

Данныя о говорѣ села Росушка, Марамарошскаго комитата: у (чаще) и і въ рудво (= рожество), вуковни (= окну, дат.), вуса (= овса, род.), своуй (дат.), гѣрка (= горка), рѣсъ (= росъ), пѣшлѣтъ (2 л. мн. повел.); і на мѣстѣ ѣ (зѣля, весѣля), мягкое р, твердое и въ исходѣ словъ: хлопецѣ, твердое л въ мочална труба, род. ед. ей, тв. на оу, им. мн. прилагательныхъ на і (съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ): бѣлѣ, чеснѣ, 3 л. на тѣ, 3 л. ед. возвр. 3. на еся, 1 л. мн. на мо и на ме, 2 л. мн. повел. на тѣ; формы прош. вр. емъ казау; гдѣ = вѣ.

¹⁾ W o r c h r a t s k i j, Ueber die Mundart der Marmaroscher Ruthenen. Stanislau. 1833.

²⁾ «Додатокъ» къ 2-му номеру (угро-русскаго) Л и с т к а 1891 г., ст. «Якъ коладують въ Росушѣ».

Данныя о говорѣ окрестностей городка Хуста, Марамарошскаго комитата: *буйся, вуйна, пудь нѣмъ; олѹуки; 3 л. стоитъ; што* ¹⁾.

Данныя изъ с. Лучки, близъ Мукачева: *збуйныкъ, пудь яворомъ, кѣнь, вѣуцы* (им. мн.), *доуѣмѣй, ручечкы, формы дат. на осы, вин. тя, твор. мноу, тоу, рѣчкоу, 1 л. ед. знамъ; лемъ* ²⁾.

Данныя изъ неизвѣстной мѣстности Бережско-Угоцскаго комитата: *пупъ, пушѹ, ей* (дат.), *выицѣй, выицѣмъ, третю лыжку* (= третью ложку), род. ю, дат. му, вин. ма (= *мя*), дат. мн. *псама, 3 л. болытъ, привыкатъ, 2 л. повел. кладитъ, прош. вр. ище-мъ не наўчыла; быты; ѳъ* съ формою дат. = *ѳъ; лымыъ* ³⁾.

Б. Южно-малорусское поднарѣчье.

Главная черта южно-малорусскихъ говоровъ—употребленіе *i* въ большей ихъ части и *i* рядомъ съ *и* (даже иногда *ы*) въ меньшей, на мѣстѣ великорусскаго *о*, сѣверно-малорусскихъ *уо, уы, у* и проч., съ предъидущимъ согласнымъ или мягкимъ, или до нѣкоторой степени твердымъ (исключеніе: укр. *парубокъ*, вмѣсто ожидаемаго *парѣбокъ*); она сопровождается другою чертою—постояннымъ употребленіемъ *i* на мѣстѣ древняго *ъ*, съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ (исключеніе: *стрѣляти, при стрѣляти*). Изъ мелкихъ чертъ можно отмѣтить лишь мѣстоименіе *цей* съ родственными = *сей*.

Самый крупный изъ южно-малорусскихъ говоровъ—говоръ украинскій, употребляющійся у Малоруссовъ Земли Войска Донскаго, губерній Воронежской, Екатеринославской, Харьковской, Курской, значительной части Полтавской, небольшой части Черниговской, южной (въ югу отъ рѣки Роса) части Кіевской, части Волынской и восточной части Подольской, а сверхъ того, у всѣхъ Малоруссовъ, живущихъ въ Новороссіи (кромѣ западной части), въ Поволжьѣ и на Кубани, и не смотря на всю обширность своей территоріи, составляющей одно діалектическое цѣлое, которое болѣе или менѣе своеобразно окрашивается лишь на окраинахъ, въ сосѣдствѣ съ поднарѣчьемъ южно-великорусскимъ или съ говорами сѣверно-малорусскими и подольскимъ.

¹⁾ Головацкій, Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, I, 151, II. 97. «Марамарошскіе русскіе жители Угорщины во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ прочихъ русскихъ жителей нашего отечества (Австріи). У нихъ другой ростъ, другое нарѣчье, другое одѣяніе, другіе обычаи. Русскіе, живущіе въ Марамарошѣ, въ обычаяхъ, одѣяніи, домохозяйствѣ и по-дѣсь очень походятъ на Румынъ». Слово (львовская газета) 1887 г. № 52.

²⁾ Головацкій, Пѣсни, III, 8, 67, 116.

³⁾ Тамъ же, I, 209, 211.

Этотъ говоръ, сдѣлавшійся литературнымъ языкомъ живущихъ въ Россіи Малоруссовъ (благодаря Котляревскому, Квиткѣ, Шевченку и др.), изъ всѣхъ малорусскихъ говоровъ считается самымъ приятнымъ для слуха по мягкости своихъ звуковъ (особенно въ устахъ уроженцевъ Полтавы, Чигирина и ближайшихъ къ нимъ мѣстахъ) ¹⁾.

Особенности украинскаго говора: *i*, на мѣстѣ великорусскаго *o*, иногда смягчаетъ предъидущій согласный мѣтѣ, чѣмъ *i*, соответствующее великорусскому *e* или восходящее къ *ъ*, такъ что согласные въ *нісь* = носъ и *нісь* = нѣсь, въ *перелігъ* = перелогъ и *лігъ* = лѣгъ — различны (но согласные въ *сінь* = соль и *сіно* = сѣно, въ *бігъ* = богъ и *бігъ* = бѣгъ и пр. могутъ быть одинаковы) ²⁾; неударяемая *и* и *e* послѣ твердыхъ согласныхъ близки другъ къ другу и людьми, не обладающими тонкимъ слухомъ, не всегда различаются; *у* въ формахъ неопред. набл. *купувати* и т. п.; мягкое *e* (на мѣстѣ древняго *je*) въ им.-вин. ед. именъ средн. р. всегда замѣняется черезъ *я*: *зілля*, *насіня*; звучные согласные сохраняются въ исходѣ и серединѣ словъ: *ніжъ*, *ніжка*; *р* мягкое (по-великорусски): *зоря* (но *звіръ*, *звіру*, *теперъ*, *матіръ*, *вечера*); *ч* мягко въ исходѣ словъ: *хлопця*, *хлопцю*, *хлопець*, *хлопці*, *бъецця*; шипящія мягки передъ *a* въ формахъ 3 л. мн.: *держать*; *бья* и т. п. вмѣсто *бя* (съ твердыми губными): *пзять*, *сгзaju* (но *святій*), *мясо*, *роблять* (3 л.); двойные мягкіе согласные: *зілля*, *лю* (=лю), *життя*, *свиння*, *подвірря*, при *щастя*, *радостю*; изрѣдка *дж*: *ходжю*; *дз* въ *дзвінь* и родственныхъ; формы: им. ед. на *ий*, род. *ѣго*, *печі*, *доброї*, *моєї*, *тої*, *теї*, *тової*, *тисї*, *тисї*, *цієї* (=сей), род.-вин. *мене*, *тебе* (*мя*, *тя* малоупотребительны), дат. *ѣму*, *моєму* и *мому*, *козакови*, дат.-мѣстн. *ночі*, *печі*, твор. *тою*, *тею*, *тоєю*, *тисю*, *цією* (=сею), им. мн. *мили*, *милиі* (съ не вполне мягкимъ *л*, съ тѣмъ *л*, что въ *перелігъ*), *миленькі*, *многі* (съ мягкими *ж* и *г*), при *мили*, *гості*, *кості*, *плечі*, дат. мн. *гостѣмъ*, *людѣмъ* (при *гостямъ*), мѣстн. *гостіхъ* (при *гостяхъ*), твор. мн. (отъ нѣкоторыхъ словъ) на *ма*: *очима*, *дверима*, *плечима*, *трѣма*, *шістьма* (=шестью) и др., 1 л. ед. *ходю*, *пустю*, *возю*, *просю*, *рядомъ* съ *хожу* или *ходжу*, *пуцю* и т. д., 3 л. на *ть* (мѣстами, особенно въ восточной, заднѣпровской половинѣ украинскаго говора, *рядомъ* съ *ходить*, *носятъ*, также *ходе*, *носе*), 3 л. возвратн. зал. иногда съ однимъ *и*: *питаєця* (*рядомъ* на *єця* или *етця*), 3 л. ед. *рядомъ* на *ае* и на *а*: *питає* и *пита*, неопред. безразлично на *ти* и на *ть*, съ гортаннымъ передъ *т*: *пекти*, *волокти*. Сверхъ

¹⁾ «Нинѣ полтавское нарѣчіе кievскому предпочитается». Павловскій, Прибавленіе къ грамматикѣ малорусскаго нарѣчія, стр. 15 (СПб. 1822).

²⁾ Рѣже въ восточной, заднѣпровской половинѣ украинскаго говора, чѣмъ въ западной. «Иные и адѣсь (за Днѣпромъ) различаютъ *i* въ *нісь* (=носъ) отъ *i* въ *нісь* (=несъ)». П о т е б н я, Замѣтки, 29.

того, въ украинскомъ говорѣ (особенно въ нѣкоторыхъ его частяхъ) мягкіе согласные передъ *a*, *i*, *e*, т. е. въ слогахъ *дя*, *тя*, *ся*, *ді* и т. д., болѣе мягки, чѣмъ въ другихъ малорусскихъ говорахъ и въ великорусскомъ нарѣчій (что и сообщаетъ этому говору особую мягкость и какъ-бы нѣжность); *л* въ *ляхо* ясно отличается отъ *л* въ *лысий* (=лысый) и отъ *л* въ *літо*; *л* твердое въ *сильно*, *білий*, *стілко* (при *сильно* и т. д.); послѣднее передъ *к* можетъ быть опускаемо: *стіко*, *тіко*.

Украинскій говоръ въ Воронежской губ., гдѣ Малоруссы и Великоруссы «живутъ смѣшанно», то болѣе, то менѣе богатъ великоруссизмами ¹⁾. Отмѣчено: *калачі*, *кїсіль*, *пірігъ*, *гуляйшъ*, на *віні*, *робиті*, *розвіртили*, на *вісні* (=веснѣ), *у пічі* (=въ печи), *постой* (повел.), формы 3 л. мн. носятъ, им.-вин. мн. усі *городя* (Богучарскій уѣздъ), зват. *мілой батїнку* (Острогскій у.) ²⁾.

То же, кажется, можно сказать объ украинскомъ говорѣ въ Екатеринославской и Харьковской губ. Въ м. Никополь, Екатеринославскаго уѣзда, отмѣчено: *знїмї*, формы 2 л. *боїся*, 3 л. *держитъ* (при *тъ*) ³⁾. Въ Лебединскомъ уѣздѣ: *цепь* = *цѣпъ*, *поднїму*, *кїну*, *колискі* (род.), *печѣ* (3 ед.), *верѣўка*, *зостаўсе*, *опять* рядомъ съ *упьять* (=опять), формы род. ед. *моєй*, до *тїй* пори, при *теї*, *тїєї*, *однеї*, *цїї*, твор. *тоєю*, *тїєю*, *цїєю*, 3 л. на *тъ*. Въ Купявскомъ уѣздѣ: *нападѣ* (3 л.), *пять* ⁴⁾.

Украинскій говоръ въ западной части Кїевской, въ Волынской и Подольской губ. въ разныхъ мѣстахъ своей территоріи отличается нѣкоторымъ разнообразіемъ. Онъ здѣсь имѣетъ: *и* на мѣстѣ великорусскаго *о*, иногда даже *ы*, рядомъ съ *і*; *и* болѣе близкое къ *ы*, чѣмъ въ Приднѣпровьѣ, иногда даже тождественное съ *ы*; неударяемое *е*, приближающееся къ *и* или даже переходящее въ *и*; болѣе частое твердое *р* вмѣсто мягкаго; болѣе частые одиночные мягкіе согласные вмѣсто двойныхъ: *зіля*, рядомъ съ двойными: *віляя*; мягкіе гортанные передъ *и*: *рукї*, *верхї* и т. п.; спорадическое придыхательное *з* передъ начальнымъ *о*: *зорати*; формы 3 л. на *тъ* (рядомъ съ формами на *тѣ*) и

1) Въ Богучарскомъ у. «языкъ очень искаженъ. Малороссы, особенно молодежь, такъ коверкаютъ свой языкъ, что иногда бываетъ даже невозможно понять, о чемъ говорятъ. У Богучарцевъ горожанъ понятнѣе смѣшеніе языковъ». Пам. книжка Воронежской губ. на 1865—66 г., стр. 217. Объ «обрусѣніи» воронежскихъ Малоруссовъ см. также въ ст. «Воронежскіе Хохлы», Кїевск. Старина 1885 г. № 4, стр. 632—633.

2) Пам. книжка Ворон. губ. на 1865—1866 г. (Богучарскій у.); Веселовскій, Городъ Острогскій (Воронежской губ.) и его уѣздъ, Воронежъ, 1867; Воронежскан Бесѣда (Павловск. у.); Сказки Аванасьева, вып. 5 (Бирюченскій у.).

3) Труды Чубинскаго, II.

4) Тамъ же, II (Лебед. у.) и VII; Харьковскій Сборникъ, историко-литературное приложеніе къ «Харьковскому Календарю», вып. 2, 3, 4, Харьковъ, 1888—1890 (Купявск. у.); Драгомановъ, Малорусскія нар. преданія.

2 л. мн. повелит. на *тз* (рядомъ, чаще, формы на *тз*), остатки формъ двойств. ч.: двѣ руки, три короѣ; наконецъ, польскія глагольныя образованія прошедш. вр., увеличивающіяся въ своемъ количествѣ по мѣрѣ приближенія къ западу: *казаве-мз*, *казаве-сз*, *казам-сьмо* и т. п., *ўже-мз* казаў. Огъ здѣсь, на западѣ, звучитъ болѣе твердо и грубо, чѣмъ въ Приднѣпровьѣ.

Наши свѣдѣнія объ украинскомъ говорѣ на западѣ вообще очень скудны и неясны.

М. Старый Мирополь, Новоградволынского уѣзда: по-сѣверномалорусски, спорадически *е* на мѣстѣ неударяемаго *ъ*: *мешѣкъ*; *е* безъ ударенія здѣсь часто замѣняется черезъ *и* ¹⁾.

Деревня Юрковщина, того уѣзда: *е* на мѣстѣ неударяемаго *ъ*: *стѣна* (рѣдко), *и* на мѣстѣ неударяемаго *е* (рѣдко), очень частое твердое *р*: *горилка* (или *горылка*), *горихъ* (= *орѣхъ*), мягкіе гортанные не только передъ *и*, но и передъ *е*: *таке* горе, *ся* вмѣсто *сяз*: *пять*, *мясо*, *імя*; твердые шипящія: *жынка*, *панычи* (им. мн.); также: *зіме*, им.-вин., рядомъ съ *свиня*, формы им. ед. на *ий* и на *и*, дат.-мѣстн. женск. р. на *ой*: *доброї*; польскія формы будущ. вр.: *буду* казаў ²⁾.

Варваровская волость, Заславскаго уѣзда: спорадическое *и* вмѣсто неударяемаго *е*, даже въ концѣ словъ: *пийти* (повел.), спорадическое *у* вм. неударяемаго *о*: *гудувати*, *е* въ им.-вин. ср. р.: *угілле*, *здоровье*, твердые шипящія въ *лежать* и т. п., формы род. ед. *меі*, дат. *тибі* (= *тебѣ*), дат.-мѣстн. *моі* ³⁾.

Литинскій уѣздъ: спорадическое *и* вмѣсто неударяемаго *е* (очень часто), спорадическое *у* вм. неударяемаго *о* (изрѣдка), очень частое твердое *р* ⁴⁾.

Окрестности г. Немирова: спорадическое *и* вмѣсто неударяемаго *е* (часто), спорадическое *у* вм. неударяемаго *о*: *тубі*, очень частое твердое *р*, твердые шипящія въ *лежать* и т. п., формы род. мн. *гусий*, *людий*, формы 3 л. на *тз*, 2 л. мн. повел. на *тз*, неопр. н. *печчи* ⁵⁾.

Наибольшее количество свѣдѣній мы имѣемъ объ украинскомъ говорѣ въ Липовецкомъ уѣздѣ, Киевской губ. (окрестности м. Плискова). Здѣсь неударяемое *е* въ серединѣ «нѣкоторыхъ» словъ, склоняющееся къ *и* и звучащее какъ звукъ средній между *е* и *и*: *лидацо*, *принисіте* и др.; одиночныя мягкіе согласныя вмѣсто двойныхъ: *жытя*, *свіданя* и т. п. (постоянно); всегда

¹⁾ Труды, II.

²⁾ *Zbiór wiadomości*, томы VII и XI.

³⁾ Труды, VII, стр. 585.

⁴⁾ Труды, II (с. Дашкошцы); Данильчакъ, Этнографическія свѣдѣнія о Подольской губ. Вып. I. Кам.-Под., 1869.

⁵⁾ Труды, II; *Zbiór*, XII.

твердое *p* передъ *a*: зора; формы род. *меі*, рядомъ съ *мосі*, вып. *мяя* и *тя*, рядомъ съ *мене*, *тебе*, 3 л. на *тз*, 3 л. возвр. з. по преимуществу на *сця*: *несця*, возвр. з. съ *ся* не только послѣ глагола, но также и передъ глаголомъ: *ми ся* умивали (часто); польскія формы прош. вр. ¹⁾.

Украинскій говоръ опоясанъ съ сѣвера нѣсколькими очень близкими къ нему говорами, которые отъ него отличаются большею твердостью гласныхъ и согласныхъ (*и* или *ы* на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о*, очень близкій къ *ы* или съ нимъ тождественный звукъ на мѣстѣ укр. *и*, почти постоянно твердое *p*) и присутствіемъ въ нихъ болѣе или менѣе значительнаго количества мелкихъ сѣверно-малорусскихъ чертъ. Они начинаются въ Курской губ., занимаютъ среднюю часть Кіевской губ. и тянутся полосой между сѣверно-малорусскими и украинскимъ говорами въ Волынской, пока не сливаются съ западно-волыньскимъ говоромъ.

Наши свѣдѣнія объ этихъ переходныхъ, а иногда и смѣшанныхъ говорахъ чрезвычайно скудны и неясны.

Говоръ нѣкоторыхъ изъ малорусскихъ поселеній Курской губ. довольно своеобразенъ. Онъ въ Суджанскомъ уѣздѣ имѣетъ: *пійдемъ*, *въвѣдь* (повел. = *выведи*), *відвіртає*, *чахдлѣ*, *узїлѣ* (= *взяла*), третью (вып. ж. р.), *могїла*, *мілой*, *гуляньє*, *зімє*, формы 3 л. *їдетъ*, *гудетъ*, при *їде*, *пита*, *ходе*, повел. шей (но *пий*), дв. ч. два *сина*, три *козаченька*. Рядомъ: *і* и *и* (или даже *ы*?), *є* на мѣстѣ *ѣ*: *ріцї* (= *рѣкѣ*), *глядїла*, *невіска* (также *зілє*, *зілѣчко*), *диўка*, *дмвочка*, на *вики*, *невіста*, *зативѣть*, *звинчїли*, *песѣчокъ*, *дети* (также *коренї*, *матенька*); *і* на мѣстѣ великорусскаго *о* даже въ двїра (= *двора*), по *пїўній* чарцї (= *полной*), при *и* и *о*: *виконьце*, *видкїль*, *сириточка*, *вини* (= *они*), на ворономъ коню, *водѣ* *вынцї* (= *отъ вѣнца*). Еще: при *хѣ* на мѣстѣ *ф*, — наоборотъ, *ф* вмѣсто *хѣ*: *фостѣ* (= *хвостѣ*), *форостѣ*, *фатитѣ*; формы: род. *їго*, дат. *своѣму*, *козакосу*, дат.-мѣстн. одной *могїльци*, *нелюбей* *невіски*, неопред. накл. всегда на *тѣ*. Наконецъ: *замїжъ*, *пнѣть*, *будѣ*, *що* ²⁾.

Говоръ той части Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губ., которая соприкасается съ уѣздами Пирятинскимъ и Прилуцкимъ (с. Свѣтличное и др.), имѣетъ не *і* на мѣстѣ вр. *о*, а звукъ болѣе твердый, средній между *і* и *и*, *p* всегда твердое въ концѣ словъ и передъ согласными: *царѣ*, *Харво*, формы

¹⁾ Zbїог, VII, стр. 119.

²⁾ Москвитининъ, 1854 г., №№ 7 и 8, ст. Николаева. Находящіеся здѣсь матеріалы записаны не вполне удовлетворительно (между прочимъ остаются неясными, какой здѣсь звукъ, *и* или *ы*). Сверхъ того: Труды Чубинскаго, II (не указанъ уѣздъ; здѣсь формы род. *гнїей* *води*, *однїї*, гн. *цїєю*, род. мн. *старостїю*); Сказки А е а н с ь е в а, вып. 3 (не указанъ уѣздъ); Этнографическое Обзорїе 1892 г. № 1, стр. 189 (Королевскій у.).

З л. только на *итъ*: *носитъ* (на *е*: *носе* и т. п., *нѣтъ*), неопред. н. только на *тъ* (но: *пектѣ*) ¹⁾.

Говоръ въ тѣхъ селахъ Переяславскаго уѣзда, той же губернии, которыя расположены на лѣвой сторонѣ р. Трубежа, имѣетъ *и* на мѣстѣ *вр. о* и изрѣдка *е* на мѣстѣ неударяемаго *ъ*: *ведрѣ* (при *вѣдра*); онъ сохраняетъ въ формахъ неопред. н. *о*: *куновати* (рядомъ съ *у*: *купувати*), и въ формахъ им.-вин. ед. ср. р. *е*: *весіле*, *гуляние*; *р* «по преимуществу» твердо; въ формахъ З л. мн. то твердые, то мягкіе шипяціе: *лежать* и *лежять*; формы дат. *моєму* и *моєму*, З л. только на *итъ*: *носитъ*, неопр. н. только на *тъ* (но: *пектѣ*) ²⁾.

Изъ говоровъ Кіевской губ. мы имѣемъ свѣдѣнія о слѣдующихъ.

Говоръ с. Соловѣвки, Радомысльскаго уѣзда: *і* и *и* (или *ы*) рядомъ: *вѣкъ*, *твѣй*, только и по одной (дат.), *братіу* (род.), *пидкѣну*; спорадическое *и* вмѣсто неударяемаго *е*: *жиребѣць*, *жииптця*, *виліу* (= *велѣлъ*), *нивірний*; иногда *е* въ формахъ им.-вин. ср. р.: *уголле*, *убранне*; иногда *і* послѣ *к*: *братікѣ* (им.-мн.), *кѣну*; формы неопр. н. на *тѣ* ³⁾.

Говоръ м. Коростышева, того же уѣзда, на границѣ Волинской губ.: *і* и *и* (даже *ы*) рядомъ: *кѣпъ* (род.), *нисъ*, *лыі*; *о* въ *купувати*; твердые шипяціе въ формахъ З л. мн.: *лежать* и т. п.; формы повел. накл. *пѣть*, *бѣть*, неопр. н. обыкновенно на *тъ* ⁴⁾.

Говоръ м. Гостомль, Кіевскаго уѣзда (на сѣверо-западъ отъ Кіева): спорадическое *е* вмѣсто неударяемаго *ъ*: *стенѣ*; спорадическое *е* вм. *я*: *ноєть*; *е* въ формахъ им.-вин.: *уголле*; *о* въ формахъ неопред. н. *купувати* и т. п.; формы неопр. н. обыкновенно на *тъ* ⁵⁾.

О говорѣ сѣверной части Васильковскаго уѣзда (къ сѣверу отъ рѣки Роси) мы знаемъ лишь то, что онъ отличается отъ чистаго украинскаго говора южной части того же уѣзда (къ югу отъ Роси), тѣмъ, что имѣетъ, кромѣ *и* рядомъ съ *і* на мѣстѣ *вр. о* и очень частаго твердаго *р*, также *е* въ формахъ им.-вин. ср. р. и отсутствіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ: *снѣдамъє*; формы З л. на *тѣ* ⁶⁾.

¹⁾ Труды, VII, стр. 577.

²⁾ Тамъ же, VII, стр. 592.

³⁾ Труды, II.

⁴⁾ Тамъ же, VII, стр. 589.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 590.

⁶⁾ Rulikowski, Opis powiatu Wasylkowskiego, Warszawa, 1853, стр. 181 сл. Авторъ говоритъ: «Житель сѣверной части уѣзда называетъ себя настоящимъ Украинцемъ, утверждаетъ, что онъ говоритъ чистымъ, не испорченнымъ мѣстнымъ языкомъ, смѣется надъ говоромъ своихъ сосѣдей (на югѣ), называя ихъ Будами и Гештанами, потому что они имѣютъ привычку повторять слово гета, по-польски. Въ рѣчи также есть различіе» (стр. 149).

Украинскій говоръ на западѣ переходитъ въ очень близкіе къ нему говоры западно-волынскіе на сѣверѣ и въ подольскій на югѣ.

Первые, занимающіе западную часть южно-малорусской территоріи Волынской и Люблинской губ., переходятъ въ Галицію. Они слышатся въ сосѣдней съ Волынской губ. окраинѣ ея (главнымъ образомъ въ галицкомъ Полѣсьѣ). Ихъ отличія отъ сосѣдняго украинскаго говора заключаются лишь въ большемъ или меньшемъ количествѣ чертъ, свойственныхъ говорамъ Галиціи (между ними такихъ, какихъ нѣтъ въ подольскомъ говорѣ: *e* вм. *я*), такъ что они могутъ быть названы переходными отъ украинскаго говора къ собственно-галицкому. Главныя ихъ черты тѣ же, что въ сосѣднемъ украинскомъ (каковъ онъ въ Волынской губ.): *i* и *и* (*ы*) рядомъ на мѣстѣ великорусскаго *о* и *и* близкое къ *ы* или даже тождественное съ *ы* на мѣстѣ укр. *и*. Между мелкими чертами можно указать на польскія глагольныя образования.

Свѣдѣнія о нихъ очень скудны.

Говоръ с. Ярославичи, Дубенскаго уѣзда (между Дубномъ и Луцкомъ): *e* и *и* на мѣстѣ неударяемаго *о*: ведрѣ, стинѣ, *e* въ им.-вин. ср. р.: уголле, частое твердое *p*, твердые шипящія въ лежать и т. п., формы дат. на *оми*, 3 л. ед. на *тѣ*.

Говоръ м. Козина, того же уѣзда: формы 3 л. ед. на *тѣ*, 3 л. мн. на *ть* ¹⁾.

Говоръ окрестностей Луцка: мягкое *к* передъ *и*: кѣтайка, руки, 3 л. ед. на *тѣ*, 3 л. возвр. зал., по-галицки, безъ *т*: питаеся ²⁾.

Говоръ м. Городокъ, Луцкаго уѣзда: спорадическое *e* вмѣсто *я*: мнесо, мнети, *e* въ им.-винит. ср. р.: уголле, *o* въ куповати и т. п., частое твердое *p*, твердые шипящія въ лежать и т. п., формы род. мойго, *меі*, дат., по-галицки, на *оми*, твор. чорнею.

Говоръ с. Бережцы, Владимирово-волынскаго уѣзда: спорадическое *e* изъ *я*: тежко, *e* въ им.-вин. ср. р. гыле (=укр. гілля, голье), отсутствіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ ³⁾.

Говоръ м. Голобы, Ковельскаго уѣзда: спорадическое *e* на мѣстѣ неударяемаго *о*: мешкѣ, стинѣ, *e* изъ *я*: мнесо, мнети, держеть (3 мн.), бѣще (3 ед.), формы род. *меі*, дат. на *оми*, твор. чорнею ⁴⁾.

«Въ Люблинской губ., и особенно въ Грубешовскомъ уѣздѣ, на-

¹⁾ Труды, VII.

²⁾ Stecki, Wołyń, I, 111.

³⁾ Житецкій, Очеркъ, 343.

⁴⁾ Труды, VII.

родный языкъ соответствуетъ языку юго-западныхъ (т. е. южно-малорусскихъ) уѣздовъ Волыни» ¹⁾).

Въ говорѣ с. Рахань, Томашовскаго уѣзда, отмѣчено: частое *e* вмѣсто *я*: *мѣссо*, *бѣсе* (3 л. ед.), *воне* (род.), спорадическое *y* (или звукъ, близкій къ *y*) вмѣсто неударяемаго *о*: *гудувати*, формы род. *ѣго*, дат. *ему*, дат. на *оѣ*, 3 л. ед. на *тз*, 3 л. мн. на *ть*, 3 л. ед. возвр. зал. на *есе*: *бѣсе*, неопр. накл. *печи* (не *пекти*), возвр. зал. *внѣ сѣ бѣ* (=бѣется).

Говорѣ с. Раколуцы, Холмскаго уѣзда: *e* и *и* на мѣстѣ неударяемаго *ю*: *стеня*, *мишюкъ*, *бидя*; частое *e* вмѣсто *я*: *принѣти* (=принять), *лѣжеть* (3 л. мн.), формы род. *ѣго*, дат. на *оѣ*: *сноѣи*, 3 л. на *ть*, 3 л. ед. возвр. зал. *бѣся*, неопр. *печи*, возвр. з. *внѣ ся бѣ* ²⁾).

Сверхъ того, въ люблинскихъ говорахъ очень распространены мѣстоименныя формы *мѣ*, *тѣ*, *мѣя*, *тѣя* (въ пѣсняхъ) и польскія глагольныя образования: прошедш. вр. *казаво-мз*, *щѣ-мз* не жениўся, будущ. буду *казаву*, сослагат. *би-сь любила*; а въ нѣкоторыхъ селахъ Грубешовскаго и Томашовскаго уѣздовъ встрѣчается замѣна *с* и *ц* черезъ *ш* и *ч*: *ми=сѣ*, *хлопчи*, *світлоньчи* = укр. *хлопці*, *світлонці* ³⁾).

Говорѣ окрестностей г. Збаража, въ Галиціи, близъ южной границы Волынской губ., имѣетъ лишь *i* на мѣстѣ укр. *i*, вр. *о*, повидимому, всегда съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ (по-подольски и по-галицки), спорадическое *и* на мѣстѣ неударяемаго *-е*: *тичѣ*, спорадическое (рѣдкое) *e* изъ *я*: *пѣтнѣйцѣя*, *дѣте*, твердое *ц* въ концѣ словъ: *хлопецц*, *e* въ формахъ им.-вин. ср. р.: *зімѣе*, *подімѣе*, мягкое *к* передъ *и*: *рукк*, *л* въ *горілка*, формы им. ед. на *ий*, дат. *мѣ*, *сѣ*, вин. *мѣя*, *тѣя*, им. мн. *миа*, *біа* (съ среднимъ *л*), *гуси*, *плѣчи*, род. мн. *сіней*, 1 л. *ступлю* и т. п., 3 л. на *тз* (но *дасть*), 3 л. возвр. з. на *етця* (не на *еся*), возвр. з. съ *ся* не только послѣ глагола, но и передъ нимъ; польскія формы прошедшаго вр. и сослаг. накл.: *казаво-мз*, *ўже-сьмо казали*, *би-мз казаў* ⁴⁾).

Говорѣ деревни Цетули, близъ г. Ярославля (въ сѣверо-западной части Галиціи), имѣетъ также лишь *i* на мѣстѣ укр. *i*, вр. *о*, спорадическое (рѣдкое) *i* на мѣстѣ неударяемаго *e*: *вісіле*, спорадическое (очень рѣдкое) *e* изъ *я*: *мне*, *о* въ *ночовати*, *л* въ *горілка*, *хтілѣ*, твердое *p* въ *подвіройко*, *господарз*, *мѣя* въ *румяный*, твердое *ц* въ концѣ словъ: *хлопецц*, *глухой* согласный вмѣсто звонкаго: *блиско*, формы им. ед. на *ий*, род.-вин. *мѣя*, *мѣя*,

¹⁾ Батюшковъ, Памятники русской старины въ западныхъ губ. Выпускъ 8-й. Холмская Русь, Спб. 1885, стр. 494.

²⁾ Труды, VII, стр. 554—555.

³⁾ Батюшковъ, Памятники, стр. 495.

⁴⁾ Z b i d g, VII.

дат. на *оми*, дат. *ми*, *си*, 1 л. *постасю*, *виджу*, *пушу*, 3 л. на *тз*, 3 л. ед. *згалятз*, неопр. н. на *ми* и на *тз*, возвр. з. на *ся* и послѣ, и передъ глаголомъ. Еще: *смінойка* (=стѣна). Этотъ говоръ богатъ полонизмами: и формами, и словами ¹⁾.

О говорѣ прилегающей къ Люблинской губ. части Галиціи (около м. Равы) мы знаемъ лишь то, что тамъ «говорятъ совершенно такъ, какъ на Волини» (т. е. въ ближайшихъ мѣстахъ Волинской губ.), что на мѣстѣ украинскіхъ *б*, *д*, *з* могутъ быть соответствующіе имъ глухіе: *дѣмковщина*, что въ концѣ слова *совѣл* слышится *л*.

Подольскій говоръ занимаетъ западную и юго-восточную часть Подольской губерніи съ прилегающими частями Херсонской губ., Бессарабской губ. и Галиціи ²⁾.

Онъ очень близокъ къ своему восточному сосѣду, украинскому говору ³⁾ (каковъ онъ въ восточныхъ уѣздахъ Подольской губ.), и имѣетъ неударяемое *е* приближающееся къ *и*, а вѣроятно, нерѣдко и переходящее въ *и*, при *е* ударяемомъ, звучащемъ болѣе мягко и открыто: *менѣ*, *зеленій*; его отличія отъ украинскаго говора: мягкость всѣхъ согласныхъ передъ *і*, соответствующимъ *вр. о*, такъ что слова *нісь* = носъ и *нісь* = несъ звучатъ тождественно; болѣе частое *ѣ* на мѣстѣ *л* твердаго, чѣмъ въ украинскомъ говорѣ (но болѣе рѣдкое, чѣмъ въ галицкомъ): *горіука* (=укр. *горілка*); твердые шипящія въ формахъ 3 л. мн.; глухіе согласные на мѣстѣ украинскіхъ звонкихъ: *пѣмкочу*, *ніський*, *тяшко*; формы: твор. ед. на *оу* вмѣсто *ою* и рядомъ съ *ою*: *жінкоу*,

¹⁾ Тамъ же, X.

²⁾ На основаніи сообщенія А. С. Крылова к а г о.—По Головацкому, въ Золочевскомъ округѣ форма мн. мн. *міяні* звучатъ съ твердымъ согласнымъ передъ *і*, почти=*мідліи*. «Замѣтки», стр. 32.

³⁾ Головацкій («Росправа», стр. 47) говоритъ о «волинско-подольскомъ нарѣчій», что оно въ Галиціи занимаетъ меньшую половину Чортковскаго, около половины Тернопольскаго, Золочевского и Жолковскаго округовъ. Часть этой территоріи принадлежитъ, впрочемъ, западно-волинскимъ говорамъ.

Кстати: Галиція прождо раздѣлялась на 19 округовъ («Kreise»), а съ сравнительно недавняго времени раздѣляется на 74 участка («Bezirk»). Такъ какъ источники, которыми намъ приходится пользоваться для характеристики галицкихъ говоровъ, по преимуществу старые, то мы будемъ держаться, вмѣстѣ съ ними, стараго дѣленія.

⁴⁾ Наука «западныхъ обитателей нашего края причисляетъ къ Галичанамъ, а восточныхъ называетъ Украинцами. Принадлежащіе къ галицко-подольскому типу обитаютъ въ предѣлахъ бывшаго Подольскаго воеводства, а Украинцы населяютъ Брацлавщину». Труды Комитета для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи, I, Камонецъ-Под., 1876, стр. 24—25.

«Нарѣчіе Подолянъ отличается главнымъ образомъ въ грамматическомъ отношеніи и богато остатками самыхъ древнихъ формъ; нарѣчіе Украинцевъ гораздо богаче въ фонетическомъ отношеніи и отличается иѣжностью и мягкостью звуковъ, чрезвычайно приятныхъ для слуха». Тамъ же, стр. 25—26.

доброу, тобою ¹⁾, 3 л. на *тз*, 3 л. мн. ходя, рбля (безъ *тз*), при несумъ, ходятъ, 2 л. мн. повелит. накл. на *тз* (рядомъ на —*те*), неопред. н. печи и т. п., возвратн. зал. съ *ся* не только послѣ глагола, но и передъ нимъ; польскія формы прошедш. вр. *казаве-мз* и т. п., будущ. вр. буду казау, сослагат. накл. *би-мз* казау.

Менѣ важныя черты: спорадическое *у* вмѣсто неударяемаго *о*: *вужати*, твердое *ц* въ концѣ словъ: *хлопеццз*, отсутствіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ: *зіля* или *зіле* (не всегда), *ф* вмѣсто *хв*: *фисть* (=хвостъ), *фалити*, формы род. *солг*, *мог* душг, род.-вин. *г* (рядомъ съ *гг*=*е*), дат.-мѣстн. *мог*, вин. *мя*, *мя*, *тя*, им. мн. *костн*, род. мн. на *ей* и *ий*: *гусей* и *гусий*, 1 л. *ходю*, *прошу*, при *хожу*, 3 л. ед. *ндсе*, *хбде*, *вохаеця*; остатки формъ двойств. числа; дѣепричастія на *че* и *ше*: *ходише*.

Конечно, этотъ говоръ въ разныхъ частяхъ своей территоріи не вполне одинаковъ.

Въ Ольгопольскомъ уѣздѣ онъ приближается къ сосѣдному украинскому говору, имѣя, повидному, передъ *г* изъ *о* иногда болѣе или менѣе твердые согласные.

Въ с. Тынинѣ, Ушицкаго уѣзда, повидному, то же (записано даже *лмй*=*лой*). Здѣсь формы 3 л. на *тз* и на *еся*: *бься* ²⁾.

Въ Галиціи онъ постепенно сливается съ галицкимъ говоромъ, имѣя изъ *г* послѣ *к*: *кедае*, *квула* (при *рукг*) и формы дат. на *оми* ³⁾, дат. *му* (=ему), *ми*, *ти*, *си*, вин. *го*, *ю*, *нюю* (*е*), дат. мн. *свинѣмъ*, мѣстн. *чоботѣхъ* ⁴⁾.

Передъ нами собственно-галицкій говоръ (точнѣе: собственно-галицкіе говоры), съ территорією, на западѣ ограниченной предгорьями Карпатъ, а на югѣ доходящей почти до середины Покутья. Его главныя особенности: мягкіе согласные передъ *г*, соответствующимъ укр. *г*, вр. *о*, такъ что слова *нись* = носъ и *нись* =

¹⁾ Пѣсни имѣютъ также формы въ родѣ *жнкогу*, *доброгу*, образованныя для сохранения въ стихѣ размѣра. Они указываютъ на сравнительную новизну формъ на *оу*.

²⁾ Скульныя данныя о подольскомъ говорѣ въ предѣлахъ Россіи въ Трудахъ Чубинскаго, у Шейковского въ «Бытѣ Подолья», два выпуска, Кіевъ, 1860—1861, и въ статьѣ о похоронахъ въ Подольской губ. (Кіевск. Телеграфъ 1860 г. № 17 и сл.), въ ст. Свидницкаго въ Основѣ 1861 г. № 11—12, въ ст. Михневича въ Вѣстникѣ И. Р. Географич. Общ. 1852 г., ч. 6. Эти данныя въ большинствѣ случаевъ лишены указаній, къ какимъ именно мѣстностямъ они относятся.

³⁾ *Zbiąg wiadomości*, VII (дер. Кудиновцы, Золочевского округа).

⁴⁾ Головацкій, Пѣсни, II, стр. 625—698 (окрестности р. Збруча; здѣсь еще *фисть*=хвостъ, третью, вин.), II, стр. 168, 174 (с. Улазовъ, Жолковск. окр., на русской границѣ), IV, стр. 191 сл., 273 сл. (с. Турь, Золочевск. окр.; здѣсь: *дж* въ *ходжу* и т. п., 2 л. мн. пов. *вернѣмъ*).

несь звучать тождественно, и болѣе близкое къ вр. *ы*, чѣмъ укр.-полт. *и* ¹⁾, болѣе или менѣе частое *е* изъ *я*: *петь* (= *пить*), *коне* (род.), между прочимъ послѣ шипящихъ, *и* и *р*: *шепка*, *чесь*, *зоре*, *ў* изъ *л* болѣе частое, чѣмъ въ укр.: *горіўка* (при *горіючка*), *сошіўка*, *міўкий* (= *мелкій*), *кіў* (= *коль*), *стіў* (= *столь*), *віў*, *ореў* (= *вожь*, *орель*), одиночные мягкіе согласные: *зіля*, *свіданя*, *попада*, твердое *р* вмѣсто мягкаго болѣе или менѣе частое, чаще, чѣмъ въ укр., *дж* болѣе частое, чѣмъ въ укр.: *ходжѹ*, *походжати*, *дз* въ *дзвінѣ*, *дзерно* и *дзелений*, твердое конечное *ц* въ *хлопецѹ*, мягкое *к* передъ *и*: *руки* (род.), *кїнути* (не *вездѣ*: *гіркий*), при *гину* и т. п., *бя*, *оя*, *ля* или *бе* и пр. (но не *бья* или *бья* и т. д.): *ояжѹ*, *пять*, при *тімя*, *мясо*, *мясо*, *ямнї* (= *мя*), *здоровле*, *глухіе* согласные на мѣстѣ укр. звонкихъ: *лонь*, *княсь*, *дїть*, *бігь* (= *богь*), *сторогшъ*, *ниско*, *тяшко*, *скопка*, *съ коня*, *ись* *кутѹ*, даже (по Головацкому) *черфь*, *фгдрий* (= *второй*), *фпасти* (= *впасти*), *фь* *хлїбі*, *ф* вм. *хв* и *х*: *фалити*, *фуска* (= *хустка*); формы им. ед. на *ий* и—рѣже—на *и*, род. егo и *ю*, *моєі* и *моєй*, *моі*, *смерти*, род.-вин. *мя*, *мня* и *мя* (при *мене*), дат. на *ои*, дат. *ему* и *му*, *моі* (= *моей*), вин. *ю* (*ню* ²⁾), *їй*, *їй*, *єй* (= *ев*), твор. ед. на *оў* (даже *костѹ*; рядомъ на *ою*), род. мн. женск. р. на *їў*: *бабїў*, *паннїў* (иногда), род. мн. на *єй* и *їй* (*костїй*), дат. мн. *костемъ*, *гостемъ* (при *костямъ*, *гостямъ*), мѣстн. мн. *костехъ* (при *костяхъ*), твор. на *ма* (тамъ же, гдѣ въ укр.), остатки формъ им.-вин. двойств. ч.: *дві* *ягодочїй*; 1 л. ед. *любю*, *ломю*, или *любью*, *ломью*, или (рѣдко) *люблю*, *ходжѹ* (не *ходю*), 3 л. на *тѹ*, 3 л. ед. на *ає* (*нє* на *а*): *питає*, при болѣе рѣдко *питатѹ*, и на *єся* (*нє* на *єтїя* или *єїя*): *бєся* (но *любїтїя*), 3 л. мн. *ходятѹ* и *ходя*, 2 л. мн. повел. на *тѹ* (рѣже на *ть*), буд. вр. *буду* *бити* или *буду* *біў* (рѣдко *му* *бити*), неопр. н. на *ти* (очень рѣдко на *тѹ*) и *чи*: *печї*, *волочї* (не *пекти*), *возвр. з.* съ *ся* и послѣ и передъ глаголомъ; польскїя формы прош. вр. *казаєє-мѹ* или *казаў-ємѹ*, *цo-мѹ* *казаў*, буд. *буду* *казаў*, *сослаг. би-мѹ* *казаў*. Еще: болѣе или менѣе частое придыхательное *г* передъ начальнымъ *о*: *горати*, *горїхъ*; *она*, *оно*, *они* = *она*, *оно*, *они*, рядомъ съ *она* и пр. (также: *одного* и т. п. = *одного*); предлогъ *дѹ*, *идѹ* съ дат. п. вмѣсто *къ*: *дѹ* *дїўці*, *идѹ* *нему*; префиксъ *ві* вм. *ви*: *віходжу* ³⁾.

Обратимся къ отдѣльнымъ говорамъ.

¹⁾ По Головацкому, гал. *и* «де-шо *взше*, якъ великоруске *ы*». «Росправа», стр. 35.

²⁾ Формы *мя*, *мі* и т. п., *ю* могутъ имѣть на себѣ логическое ударенїе; можно сказать *зѹ* *мя*, *кѹ* *мі*.

³⁾ О галицкомъ говорѣ въ трудахъ Головацкаго: въ «Росправѣ», въ «Грамматицѣ», въ «Замѣткахъ и дополненїяхъ къ статьямъ г. Пыпина, напечатаннымъ въ Вѣстникѣ Европы», Вильна, 1888, стр. 32 сл.

Въ с. Каменкѣ Волоской, Жолковскаго округа (въ 5^{1/2} миляхъ отъ Львова), есть нѣкоторыя особенности «волинско-подольскія»; здѣсь послѣ согласныхъ *е* вм. *я*: дедько, *з* передъ начальнымъ *о*: зовесь, *к* вм. *г* въ заимствованныхъ словахъ (даже: господарь); *ѳ* вм. *хѳ* нѣтъ ¹⁾.

Въ с. Зашковѣ, близъ Львова, *і* (послѣ *р*) въ формахъ настоящего вр. вм. *е*: знаишь, чуишь, знаі и т. д. ²⁾.

Въ с. Кутузовѣ, Бережанскаго окр. (тамъ, гдѣ этотъ округъ соприкасается съ окр. Тернопольскимъ и Чортковскимъ), рядомъ съ *е* изъ *я*, очень частымъ: зеть, редити, шепка, честь, сестрице (им. ед.), вінце (род. ед.), те (=тя), родне, весіле (им. ед., хотя: свинямъ, челядю, твор.),—*і* изъ *я*: щісте, щісливий, чірувати, румінець, мѣсница; изрѣдка *р* твердое вм. мягкаго; формы: дат.-мѣстн. ед. Мариси, перевици, дат. ми, ти, си, твор. (пѣсени.) дорогоѳу, молодоѳу, тобоѳу, 3 л. *се*, *не* (=вѣсть, пѣть), *ють* (=пють), возвр. зал. на *се* и на *си* ³⁾.

Въ одномъ мѣстѣ Стрыйскаго округа: *а* вм. *я* только послѣ шипящихъ: щісливий, наш*а*, руж*а* (при вінчан*я*, род., воронц*я*, род.), *у* въ міукий (=мелкій), *ѳ* въ куѳарка, формы им. мн. не только столо*е*, хлібо*е*, но п чоло*е* ⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ того же округа: *е* изъ *я* болѣе часто: дите, каміне (род.), кнегин*і* (им.); рядомъ: сі*я*ла (=сѣяла), стоячи ⁵⁾.

Въ с. Верчанахъ, того же округа: *е* часто: діучета, ме, ўзела, везати, формы род., *ѳ*го, дат. ми. возвр. гл. на *си*; она (=она) ⁶⁾.

Въ Галичѣ, Станиславовскаго окр. (на сѣверѣ его): спорадическія *е* и *і* изъ *я*: лежети, сонце, вітце, род., ме (=мя), се (=ся), ті (=тя), сі (=ся), рядомъ съ кон*я*, тво*я* и т. п., изрѣдка *и* вм. неударяемаго *е* и *е* вм. *и*: свикруха, зовулчка, лшила, твердое *р*: напра*ла*, говору, мягкое конечное *и*: отець, твердое конечное *с*: дала-с*ь* (2 л.), рядомъ съ мягкимъ, отсутствіе *о* передъ *і* въ началѣ словъ: іддамъ, формы им. ед. на *ий* и *и*, род. те*і*, дат. на *оі*, дат. *ти* ⁷⁾.

Въ Гриневцахъ, того же округа: спорадическія *е* и *з*: зачеѳу, шепка,—се,

¹⁾ Галичанинъ, изд. Головацкимъ и Дѣдицкимъ, вып. I, Львовъ, 1862.—Одинъ токъ изъ Жолк. окр. у Житоцкаго, Оч., 317 (боюсе, ме, дитетко).

²⁾ Ogonowski, Studien, 37.

³⁾ Навроцкій, Твори, т. I, Львовъ, 1885 («Весѣла въ Кутузовѣ»).—Житецкій, Оч., стр. 318.

⁴⁾ «Пѣсни» Головацкаго, IV, стр. 300 сл.

⁵⁾ Русалка Днѣстровая. У Будимѣ, 1837 (пѣсни «одъ Стрыи»).

⁶⁾ Житецкій, Оч., стр. 316.

⁷⁾ Житецкій, Оч., стр. 315. Kolberg, Pokucie. Obraz etnograficzny. Четыре тома. Kraków, 1892—1899.

цѣсте, при *я* въ жоунарѣ, прощен*я* (им.), *с* въ нисько (=низко), формы род. его, дат. *ми*, возвр. зал. на *си*¹⁾.

Подъ Станиславовомъ: спорадическія *е* и *і* изъ *я*: *взеў*, *вогне* (род.), *десѣть*, *молодицѣ* (им. ед.), *мигѣ*, *нѣ* (= *мя*), *тѣ*, *сѣ* (обыкновенно *я* сохраняется: *взлѣ*, *жати*, *лѣкий*), спорадическое *е* вм. ударяемаго (рѣже неударяемаго) *и*: *неско* (=низко), *калена* (=калина), спорадическое *и* вм. неударяемаго *е*: *ни* собі. *людимъ* (дат.), спорадическое твердое *р*: *мора*, *вечерати* (но *рѣду*, *горюю*), мягкое конечное *и*: *хлопецъ*, твердое конечное *с*: *яко-сѣ*, формы им. на *ий* и на *и*, род. *моєй*. Сверхъ того: передъ начальнымъ *а* можетъ являться *ј*; мягкія *г*²⁾ и *ж* вм. мягкихъ *д* и *т* въ отдѣльныхъ словахъ: *негѣла* (=недѣля), *зекъ* (=дьякъ).

Въ Толмачѣ, того же округа (на югѣ его), говоръ почти тотъ же, что подъ Станиславовомъ: *е* и *і* въ *жель*, *цѣсарѣ* (род.), *вѣрджеда* (=выряжала), при болѣе обычномъ *я*, изрѣдка *е* вм. ударяемаго *и* и *е* вм. ударяемаго и неударяемаго *і*: *калена*, *дѣвочке* (им. мн.), болѣе частое твердое *р*: *струси* (дат.), твердое конечное *с*, спорадическія (въ отдѣльныхъ словахъ) мягкія *г* и *ж* вм. *д* и *т*: *кіло*, *кѣженько* (=тя—), отсутствіе *о* передъ *і* въ началѣ словъ: *зѣповідаяю*, *зѣконцо* (=ві—), изрѣдка *ј* передъ начальнымъ *у*: *юмеръ* (=умеръ); форма дат. *мигѣ*.

Въ сѣверо-восточной части Коломыйскаго округа (Покутя) говоръ тотъ-же.

Въ Хотимирѣ: *взеў*, *те*, *бѣти* (=бити), *ходѣти*, *чѣсте* (=чисто), *дворѣ*, *горѣ* (им. мн.).

Въ Чернелицѣ: *петий*, *вѣтце* (род., =отца), *бѣсе*, *кони* (род.), *Петрусі* (род.), *тѣ* (=тя), рядомъ съ *я*, *посадеда*, *бѣстрый*, *дѣучѣна*, *кажѣ* (поведит.), *кѣнуў* (=винуть), *ручке* (род., при таке, съ мягкимъ *к*, им. ср. р.), постоянно твердое *р*: *журусѣ*, на *подвѣру*, *комори* (дат.), конечное твердое *с*: *тому-сѣ*, болѣе часто мягкія *г* и *ж* вм. *д* и *т*: *вигѣли*, *кѣсто* (=тѣсто), *вигѣгли* при болѣе обыкновенныхъ *д* и *т*: *дѣучина*, *ј* передъ начальнымъ *у*. Еще: *третий*, *третього*.

Въ Чортовцѣ (подъ Обертиномъ): болѣе часто *е* и *і* изъ *я*: *коне* и *кони* (род.). *місце* (род.) и *свѣтицѣ* (им. ед.), *те* и *тѣ* (=тя), *се* и *сѣ* (при *житя*, род., и т. п.), болѣе частое *е*, *е* изъ ударяемыхъ и —рѣже — неударяемыхъ *и* и *і* (особенно послѣ *к*): *черевѣчки*, *долѣна*, *дѣтмѣ* (тв.), *водѣ* (род.), *козаке*, *руке*, *кѣнуўсѣ*, *дѣўка*, спорадическое *и* вм. неударяемаго *е*: *зи-*

¹⁾ Житоцкій, Оч., стр. 310. Здѣсь нѣсколько текстовъ изъ другихъ мѣстъ Станислав. окр.

²⁾ Это мягкое *г* изъ *д* вездѣ = *г*, но *н*.

линѣнький, біли лице, крѣви (=криве, им. ср. р.), твердое *p*: зора, вечерю, конечное твердое *c*: сесъ (=сесь), весъ, поділа-съ (2 ед.), *ф* вм. *x*: фуска (=хустка), изрѣдка мягкія *i* и *к* вм. *д* и *т*: глеітн. лежати, кегати; формы им. ед. на *ий* и на *и*, дат. *ми*, *ти*, *си*. Еще: јодень (=одень).

Въ Тишовцахъ (около Чортовца): взела, ті (=тя), тре козаки, блѣско, третій.

Около Городенки: очень часто *e* и *i* изъ *я*: шепка, матусі (им. ед.), говори (3 мн.), спорадическія *e* и *e* вм. *и* и *i* (послѣ *к*): жінке (род.), съ вѣмъ, частое *и* вм. неударяемаго *e*: нисуть, до мѣни, кому-сти готували, мягкое *p* (но стріляти), твердое конечное *c*: кому-съ, аби-съ дала, изрѣдка *i* и *к* вм. *д* и *т*; чо=що.

Въ Снятинѣ: *e* и *i* изъ *я* (при *я*), *e* изъ *и*, *e* изъ *i*, *и* вм. неударяемаго *e*, мягкое *p* (но: на подвіру, ў подвіри); *i* и *к* вм. *д* и *т* очень рѣдко.

Покутскій говоръ (въ Коломыйскомъ округѣ) имѣетъ всѣ главныя особенности собственно-галицкаго говора (каковъ онъ на сѣверѣ Покуть) и отличается отъ него лишь большею послѣдовательностью въ употребленіи мягкихъ *i* и *к* вмѣсто *д* и *т*.

Подъ Коломыею (дер. Испась и др.): очень часто *e* и *i* изъ *я*: петі, держела, поредокъ, зілі (им. ед.), подвірі, боли (3 мн.), кі (=тя), вані жона, спідниці (но твоя, научати, доганяти), изрѣдка *e* вм. *и*: петати, изрѣдка (въ отрицаніи *не*) *и* вм. неударяемаго *e*: ни знае, мягкое *p* (но застрілю, віръ, повел., лікаръ), твердое *и*: хлопецъ, граница, граничу, танувати, твердое конечное *c*: що-съ, цесъ (=сесь), ввесь, слухала-съ, мягкое *к* передъ *e* въ біленьке, *ф* вм. *xв.* и *x*: фатати, корова буцѣфоска, изрѣдка *ш* и *ч* вм. *ш*: шѣ (=ще), чо (=що); мягкія *i* и *к* постоянно вм. мягкихъ *д* и *т*: на обіі, хогімъ, бугъ, жикѣ, на свікі, госкі, даже смержоў (=смертью), при буде, братѣ и т. п. Еще: *j* передъ начальными *у* и *о*: ю дорозі, јодень, јозму; формы дат. на *ови* и *ові*, дат. *мні*, твор. білми, буд. му бити; предлогъ *дъ*, *гдъ* съ дат. п. вм. *къ*: дъ хаки, дъ Іванові¹⁾.

Однѣ изъ говоровъ Буковины, намъ извѣстный (въ сѣверной, надпрутской части ея), близокъ къ говорамъ подольскому и собственно-галицкому. Въ немъ: *e* и *i* изъ *я* нечасто: ейцѣ, шестѣ (=счастьѣ), петъ (=пять), дитѣ, имѣ (=имя), девѣтъ, десѣтъ (при подмовѣяти, братя, им. ед., спавя, род.

¹⁾ Kolberg, Pokucie.

ед. и т. п.), *ў* вм. *л* чаще, *чѣмъ* въ укр.: *горіўка*, *горіючка*, *стіў* (но стрілка), *и*, даже *і* вм. неударяемаго *е*: *лижѣтъ*, *чикаю*, *вгѣде*, *е* вм. *и* *вишня* (= *вишня*), *завѣвати*, *женехѣ* (род.), *женехѣне*, твердое *и* въ концѣ словъ: *хлопецѣ*, твердое *с* въ концѣ словъ: *який-сѣ*, *шо-сѣ* (что-то), *казала-сѣ* (2 л. прош.), *цесѣ* (= *сей*), *су* (= *сю*, *сію*), *дивьюсе*, твердое *т* въ концѣ словъ, *девітѣ*, *десѣтѣ*, *петѣ*, мягкое *ш* вм. *щ*: *шебетати*, *шесте*, *прошати*, *ше* (= *ше*, *еще*), твердое *л* вм. *л* мягкаго: *палца*, *веселца* (род.), *желце* (= *жалце*): твердое *н* въ *синое море*, *вогнова рѣна*, *ф* вм. *х*: *фалити*, *фоя*, иногда *г* или *ј* передъ начальнымъ *о*: *горіхѣ*, *јорати*, *с* въ им.-вин. ср. р. Еще: мягкое *р*, одиночные мягкіе согласные: *подвіре*; *мя* и *мня*: *румянїи* и *румнянїи*; *дж нѣтъ*; *дз* въ *дзвїнѣ*. Формы: им. ед. на *ий*, род. *ѣго*, и *го*, *доброї* (при *доброг*), *моєй* и *мог*, род.-вин. *мя*, *мня* и *ня*, дат. на *оєи*, дат. *ми* (и *мг?*), *ти*, *єму* и *му*, дат.-мѣстн. *мог*, *г*, на *нѣ*, твор. *землеу*, *доброу*, *кровѣу* (= *кровью*), мѣстн. *ў ноцї*, *ў поли*, на *вогни*, им. мн. *воуцї* (отъ *волегѣ*), род. мн. ж. р. *бабгѣу*, *відмгѣу* (при *бапѣ* и т. п.), дат. мн. *людмѣ*, твор. мн. *добрїми*, 1 л. *ловѣю*, *спѣю*, *дивьюсе* (при *розмовѣяти* и *розмовѣяти*), *носю*, 2 л. *ловешѣ*, *робешѣ*, 3 л. на *тѣ* (*дастѣ*), даже *поживатѣ*, 3 л. ед. *лове*, *робе*, *служе*, 3 л. мн. *ходятѣ* и *ходя*, 3 л. ед. *возвр. віддаєтсе* и *віддаєсе*, 2 л. мн. повел. на *тѣ* (*пустїтѣ*), буд. вр. *буду бити* и *му бити*, неопред. н. только на *ти*, *возвр. зал. єс се* какъ *послѣ*, такъ и передъ глаголомъ, польскїя формы прош. вр.: *казає-мѣ*, якъ *єсѣ* *казау*, и *сослагат. н. казау бигѣ*, *казау бисѣ* (2 л.) и т. д.; остатки формъ двойств. ч. *дві ругї*, *три службї*, *дві словї*, *двома*, *трѣма*, *плечїма*, *очїма*. Наконецъ: *трета*, *трету* (= *третья*); *ѣна* = *она*; *дз* вм. *кѣ*: *дз* *нему*; префиксъ *єг* вм. *єи*: *єгнесу* ¹⁾.

Обращаемся въ *карпатскїмъ* и *угорскїмъ* говорамъ, къ тѣмъ говорамъ, которыми говорятъ русскїе горцы какъ на *галицкой* сторонѣ *Карпатъ*, такъ и на *угорской*.

Сѣверная часть *Карпатъ* въ *Галиціи* («узкое а долгое пасмо земли») и *Угріи* занята такъ называемыми *Лемками* (отъ употребительной у нихъ частицы *лемъ* = *лишь*, только ²⁾), говоры которыхъ, довольно разнообразны, благодаря

¹⁾ Записки юго-зап. отдѣла И. Русск. Географич. Общ., т. II, Кіевъ 1875 (сборникъ *буковинскихъ пѣсень*, собр. *Купчанкомъ*). Другіе матеріалы изъ неистинныхъ мѣстъ *Буковины* у *Головацкаго* («Пѣсни», особенно IV, 531 сл.; здѣсь формы им. ед. *полвїря*, *зіля* и т. п., ф. мѣстн. на *дверехъ*, *гуслехъ*) и у *Драгоманова* («Малорусск. нар. преданїя»), а одна пѣсня (съ *єкѣ* = *якъ*, *розвнуса*, *люде єи збїгали*) изъ *Выжїцы* у *Житецкаго*, Оч., стр. 321.

²⁾ «Лемки живутъ на обѣихъ сторонахъ *Бескида* въ *Галичинѣ* и *Угорщинѣ*. Бесѣда, *обычай* и *имя* суть одной и другой сторонѣ — малыя только изъѣяши *перемѣны* — общїи. Они занимають въ *Галиціи* *горная* части округовъ *Сандецкаго*, *Ясельскаго* и отчасти *Ся-*

сосѣдству вхъ съ Полъками и Словаками, богаты старыми (иногда сильно измѣнившимися) и новыми полонизмами, словацизмами (между прочимъ въ родѣ *главка* = головка) и мадьяризмами; многіе изъ нихъ (особенно сѣверо-западные) имѣютъ даже польское удареніе (на второмъ слогѣ отъ конца) ¹⁾.

Передъ нами говоры галицкихъ Лемковъ.

Говоръ 15 деревень: Перегримка, Святкова, Бортное, Смерековецъ, Рухвалдъ, Новица, Устье русское, Лосье, Брунары, Чирна, Берестъ, Лабова, Жегестовъ, Криница и Вирховня, соединяетъ въ себѣ особенности южно-малорусскія съ особенностями сѣверно-малорусскими. Онъ имѣетъ на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о*, *е* рядомъ: обычное *і* (даже *бѣжый* = божій, *кѣіи* = козій, *корѣу*, *ворѣу*, род. мн., *хвѣсть*, *хвѣста* и т. д. ²⁾), *ы*: *ывця*, *сыль*, *оплыть*, и болѣе рѣдкое *у*, *ю*: *увця* и *увца* (= овца), *пуѣтора*, *розубрати*, *тютка*, *людъ* (= ледъ), *лебудка*, *пюрко*, *вюѣ* (= вель), *вюзь* (= везъ), *нюсь*, *грюбъ*, *люгъ*, даже *мюрзъ* (= мерзъ), *бюгъ* (= бѣжалъ); на мѣстѣ *ъ*—*і* (но: *колѣно*, при *колѣно*, *мѣсто*, при *мѣсто*, *недѣля*, при *недѣля*); на мѣстѣ укр. *и*, вр. *и* въ рядѣ словъ—*і*: *моітва*, *шпенѣця*, *виноградъ*, *цѣтѣ*, *зѣма* и др., но часто—*ы*: *гварыты*, *биты*, даже постоянно послѣ гортанныхъ и шипящихъ: *гыбаты*, *кышты*, *рускый*, *хыжа*, *жыти*, *чытати*, *шыти* (однако обыкновенно вр. *и* = лемк. *и*); на мѣстѣ укр. *и*, вр. *ы*—*ы*: *мы были*; на мѣстѣ *я*—нарѣдка *е* и *і*: *говѣе*, *щѣста*, *тѣгатися*, *запрѣгати*. Сверхъ того: *я* вм. *е* въ им.-вин. ср. р.: *зіля*, *весіля*, *сніданя*, *о* въ куповати, постоянное *дж* на мѣстѣ *ж* изъ *дѣ*: *ходжу*, *одеджа*, *пряджа*, даже *чуджый*, *медже* (= между), *дз* въ *дзвінтъ*, *дзеленый*, одиночные мягкіе согласные: *волося*, *весіля*, *ѣ* (очень краткое) ³⁾ вм. твердаго *л*: *ореѣ*, род. *ореѣа* (при твердомъ *л*: *оремъ*, *орла*), *соѣома*, *пришѣа*, *ѣудѣа* (= лодка), *гѣубокый*, мягкое *р*, твердые конечные согласные: *кімъ*, *тестъ*, *кістъ*, *пять*, *восаръ*, *отецъ*, *носъ* (повел.), *ходъ*, *беръ* (но въ словахъ женск. р. не всегда: рядомъ *бридъ* и *бридъ*; всегда: *приятель* и т. п.), спорадическое твердое *л* передъ *н*: *тілая* *корова*, *і*, *х* вм. *о*: *із* *осени* (= въ), *із* *лісі*, *із* *моѣй* *матері* (= у моей), *хъ* *сой* *бабы* (= у сей), *спаѣ* *із* *воду* (= упалъ въ—), *із* *насъ* (= у насъ), *і* вм. *к* въ предлогѣ *кѣ*: *із* *весілю*, *із* *нне* (= къ ней); наконецъ *ыр*, *ыл* на мѣстѣ древнихъ *ръ*, *рѣ*, *лз*, нарѣдка на мѣстѣ *зр*, *вр*:

ноцкаго. Зоря галицкая, яко альбумъ на годъ 1860, Львовъ, ст. Торомсваго. Еще о территоріи галицкихъ Лемковъ см. у Головацкаго, Пѣсни, I (введеніе), въ журналѣ *Wiśła* 1889 г., т. III, вып. 3-й, у Копорницкаго въ *Zbiór*, т. XIII, и у Верратскаго въ *Archiv für slav. Phil.*, т. XIV.

¹⁾ Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ чистѣйше заховался характеръ рускій. Зоря галицкая, стр. 391.

²⁾ Эти или другіе Лемки имѣютъ *внѣго* = много. *Ogonowski, Rozprawy*, 54.

³⁾ Это *у* изъ *я*, повидимому, очень распространено у сѣверныхъ Лемковъ; см. *Ogonowski, Studien*, 69.

гырміти (=гремѣть), дырва (=дрова), тырстіна, хырбетъ, кыршыти (=кроштити), кырві (род. отъ кровъ=кровь), сыўза или сыза (=слеза), гыўтати (=глотати, но бѣуха=блоха), гырлица (=горлица), прыгыршы, чырстый (=черствый), даже пырць (=прыць). Формы нм. ед. на *ыѣ*, нм.-внн. ср. р. на *е*: добре, род. ёго, моёго, моѣй, доброй, дат. на *оѣ*, дат. *мі*, *ті*, *сі*, мому, нм. мн. гудацѣ (отъ гудацкѣ), спѣвацѣ, хлопѣ, дат. мн. волюмъ, котѣмъ, мѣстн. мн. лісохъ, волохъ, сѣнохъ, вогутѣхъ, 1 л. ед. люблю, сню, клею, ўамю (=лаблю), рядомъ съ ф. 3 л. мн. клеютъ, сыютъ и т. п. и причастіями любеный, купеный и т. п., 3 л. на *тѣ*, 1 л. мн. на *ме*: ведеме, сме (=есмѣ), рядомъ съ ф. на *мѣ*, польскія формы прош. вр. быў-емъ, быўа-емъ и т. д. Глаголы на *ати* спрягаются такимъ образомъ: глядамъ, —амъ, —атъ, —аме, —ате, —аютъ. Еще: *што* (не *що*), быти, быў (не *бути*, *буў*); нарѣчія добрі, злі, чудні и т. п.; частица *лемъ*=лишь, только¹⁾.

Въ говорѣ с. Высова, Сандецкаго округа (на самомъ сѣверѣ галицко-русской территоріи), отмѣчено: *дж* (въ медже), мягкое *р* (прѣсти и т. п.), формы дат. *мі*, твор. ед. ж. р. на *омъ*: млинарькомъ, нѣмъ, также тобомъ, 3 л. на *тѣ*, 1 л. мн. на *ме*; выраженія: ты *есъ* чыста, пришла *сомъ* (польскацки) и т. п.

Говоръ селъ между рр. Вислокомъ и Вислокой, Сяноцкаго окр., близокъ къ говору 15 деревень: то же спорадическое *і* вм. *и*, тѣ же *кы*, *гы*, *хы*, то же *дж* (даже повѣдъжъ, повел.), тѣ же формы дат. на *оѣ*, 1 л. мн. на *ме*, тѣ же *што* и быти. Еще можно отмѣтить: формы род. ж. р. на *ой*, род.-внн. мня, дат. *сой* (=себѣ), твор. гороў (при горою), твор. мн. красныма словами, низкыма поклонами, 3 л. ед. любе и т. п., 2 л. мн. *дате* (=дадите)²⁾.

Говоръ селъ на верховьяхъ рѣки Сяна, Сяноцкаго округа, «не различается много отъ другихъ галицкихъ нарѣчій». Здѣсь «звукъ *і*, отвѣчающій польскому *і*, не приходитъ въ произношеніи никогда; есть только *ы*, отвѣчающее польскому *у*, а произносимое совершенно остро даже по сычашихъ (=шипящихъ) и *к*, *х*: быкы, хыжа, и въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ въ малорущинѣ переходить *о* въ *і*: звытты вм. звѣтти». Другія особенности: *а*, *я* въ концѣ формъ прош. вр. (спаў) произносятся какъ у Мазуровъ въ *рап*, т. е. близко къ *о*; изрѣдка *е* вм. *я*: теле, ялѣце; формы дат. на *оѣ*, твор. всегда на *оў*, *еў*: костеў (=костью), род. мн. *костѣй* и *костий*, мѣстн. мн. на *ахъ* и *охъ*, *ѣхъ*: о полѣхъ, ворошпѣхъ, 1 л. мн. на *ме*: будеме, іхалі-сьме. Частица *лемъ* не употребляется³⁾.

¹⁾ Archiv für slav. Phil., тт. XIV и XV, ст. Верхратскаго. Мы не успѣли воспользоваться ея окончаніемъ.

²⁾ Головацкій, Пѣсни, IV, стр. 366 сл. (Вислоцк.), стр. 521 сл. (Высово).

³⁾ Червоная Русь (газета) 1890 г. № 112, ст. «Замѣчанія о нарѣчій русекыхъ селянъ надъ горнымъ Сяномъ».

Говоръ неизвѣстныхъ мѣстъ Сяноцкаго округа: спорадическое *ä* вм. *я* послѣ шипящихъ: *дiучä*, *ружä*, частое *дж* (*меджи*), отсутствие *j* между *а* и *у* въ формахъ *грау*, *грауѣ* и т. п., *ÿ* вм. *я* въ *стiÿ* (= *столь*), твердое *л* въ *палца* (род.), твердые конечные согласные: *казала-сз* (2 л.), *матiрз*, гласный *р* или глухой гласный послѣ плавнаго согласнаго: *крззавый*; формы род.-вин. ед. *мя* и *ня*, *ю*, *мого*, *яворовоз* дерева (въ *пiснi*), *же гз* *колыше* = *же ю* (его) *колыше* (въ *пiснi*), дат. *ми*, *ти*, *му*, *ей*, вин. ед. *ю*, *ей*, твор. на *оÿ* (*нiÿ* = *ю*), им. мн. *воям*, дат. мн. *людiмъ*, 3 л. на *тз* (*купатз*, *сiдатз* и др.), 1 л. на *ме*, возвр. зал. съ *ся* и послѣ и передъ глаголомъ. Еще: *шо* и *шо*, *быти* и *бути*, *она* = *она*, *лэмз* ¹⁾.

Еще нѣсколько замѣчанiй о говорѣ галицкихъ Лемковъ (мѣстность неизвѣстна). «Лемки, якъ всѣ горняки ²⁾, строго наблюдаютъ въ выговорѣ различiе межн звуками *и*, *ô* (т. е. *i* изъ *o*), *ь* (т. е. *i* изъ *ь*), *ы*; *ы* произносятся всегда глубоко (низко), напримѣръ *рыкъ*, *ь* всегда мягко, якъ iотоване *iе* напр. *тiнь*, *ьсти*, и смягчить попережающую согласную; *и* середину держать между глубокимъ *ы* а высокимъ *ь*; *ô* сновъ иначе произносится, такъ что всякiй узнае, что оно повстало зъ *o*, напр. *сиôпъ*. Различно про тое произносить Лемко *бити* а *быти*, *кôнь* а *тiнь*, *мôгъ* а *мiхъ*». — «Выговоръ буквы *и* цѣлкомъ мягкiй въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ оно у прочихъ Русиновъ середнѣ произносится; напр. они *быдi*, они *ходiлi* совсѣмъ такъ звучить якъ польское *oni byli* или словацкое *oni buli*». Лемки, «какъ и прочiи горняки», имѣють *ы* послѣ *к*, *г*, *х*: *глухой*, *гьнути*; у нихъ *р* звучить иногда какъ гласный: *крстити*, *трстина*, конечныя *и*, *с*, *р* тверды: *воробецз*, *робилъ есз*, *писарз* (но въ ф. род. — *ия*, въ ф. им. мн. — *ии*); формы твор. ед. женск. р. на *оÿ* или (часто) на *омз*: *водоÿ*, *водомз* («никогда» на *ою*: *водою*), дат. мн. муж. р. на *имз* съ предъидущимъ твердымъ согласнымъ: *клопiмз*, *конiмз*, им. ед. прилагательныхъ *добрыi*, *добра* («никогда» *добрая*), *добре* («никогда» *доброе*), им. мн. *добры* («никогда» *добрыи*), 1 л. ед. (между прочимъ) на *аÿ*: *маÿ* (но *ÿ* произносится иначе, чѣмъ въ формахъ прошедшаго врем., *поляÿ*), 1 л. мн. на *ме* (всегда), глаголы на *ати* рѣдко имѣють формы наст. вр. на *аю*, *аеишз*, *ае* и т. д., а обыкновенно на *амз*, *ашз*, *атз*, *аме*, *ате*, *аютз* ³⁾.

Наконецъ, мы знаемъ, что Лемки въ Шляхтовѣ, близъ Новаго Сандеча, имѣють на мѣстѣ *ь* дифтонгъ *iÿ*: *лiÿсз*, *квiÿтокъ*, также *ремiÿнь*, что у Лемковъ близъ г. Лиско на мѣстѣ укр. *i*, вр. *o* слышится (какъ часто?)

¹⁾ Головацкiй, Пiсни, I, 85, 130, 149, 171, 173, 196, 232, 335; II, 35, 95, 116, 133, 145; III, 66.

²⁾ Это и ниже слѣдующее обобщенiя автора лишены основанiя.

³⁾ Зоря галицкая, ст. Торонскаго.

звукъ и ¹⁾, что какіе-то галиціе Лемки говорятъ *беизъ*, *бе* вм. *будешъ*, *будо* ²⁾, *абко*, *астрябъ* и т. п. вм. *ябко*, *ястрябъ*.

Теперь передъ нами говоры угорскихъ Лемковъ.

Говоръ Лаборскихъ Лемковъ (с. Лаборець въ Карпатахъ) имѣетъ *i* на мѣстѣ укр. *i*, вр. *o*, съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ (съ кое-какими исключеніями: *вечуръ*), *ы* послѣ *г*, *к*, *х*, изрѣдка *е* вм. *я*: дѣдина, шестічко (=счастье), *ў* вм. *л*: даже *кѣуко*, *тѣуко* (=колько, только), частое *дж* (откуда въ концѣ словъ *ч*: *повічъ* (=повіджъ), *ш* вм. *щ*: *иши* (=еще), твердые конечные согласные въ *двацимъ*, *пятинатцямъ*, формы род.-вин. *мня*, *ей*, *мого* и *моѣго*, *сѣго*, дат. *ѣму*, *моѣму*, мѣстн. *ў* *нѣмъ*, твор. *радостѣў*, *свѣў* дружинчкоу (=своею), *нѣў* (=ею), *собоў*, род. мн. трѣхъ *сынохъ*, 1 л. ед. *мау*, *маву* и *маў* (=маю), 3 л. мн. *мавуть* (=мають), *упрягають*, 1 л. мн. на *ме*; глаголы на *ати* могутъ имѣть формы наст. вр. на *-амъ*, *-амизъ*, *-амъ*, *-аме*, *-аме*; *што*; нарѣчія *добрі* и т. п.; выраженія: *цы добрі есте* днѣвали, дали бы *есте* ³⁾.

Говоръ с. Маковицы, повидному, тотъ же, что въ сосѣднемъ съ нимъ Лаборцѣ. Отмѣчено: *повічъ* (=повіджъ), *божя* (им. ж. р.), *кырви* (=крови, род.), формы род. одной страны, дат. *мѣ(ў)*, вин. *ей*, *ю*, твор. на *оў*, 1 л. ед. *збирамъ*, 3 л. *збратъ*, 2 л. мн. *збирате*; *што*; *оно*=*оно*; прош. вр.: *есъ* *утонула* ⁴⁾.

Кажется, въ этомъ говорѣ иногда встрѣчается, рядомъ съ *i* на мѣстѣ укр. *i*, вр. *o*, также *у*: *двуръ*, *нучъ* и т. п. ⁵⁾.

Вѣроятно, мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ говоровъ угорскихъ Лемковъ въ говорѣ, описанномъ И. И. Срезневскимъ. Его особенности: *и*, не смягчающее предъидущаго согласнаго, послѣ гортанныхъ *ы*—на мѣстѣ укр. *i*, вр. *o*: *димъ* (=домъ), *силь*, *викъ*, *гыркый*, *кырка* (=ворка) ⁶⁾; *i* на мѣстѣ *ъ* и укр. *i*, вр. *e* (между прочимъ въ *сѣрота*, *сѣдіти*, *дѣтина*); *ы*, отличающееся

¹⁾ O g o n o w s k i, Studien, 26, 28 (дифтонгъ *iy* передается черезъ *iy*).

²⁾ Труды, VII, 511.—По Огоновскому (Rozprawy, 80), формы *бу*, *беизъ*, *бе*, *бемъ* = *буду* и т. д.: *тіле* *бе* *короу* *ссау*, *ви* *бете* *робили*,—слышатся «въ Яворовскомъ повѣтѣ».—Кюнерницкій указываетъ у Лемковъ формы прошедш. вр. на *лъ* (т. е. съ сохраннымъ *л*).

³⁾ Научовый сборникъ 1865 г., вып. 2 и 3, ст. Кралицкаго. Отсюда тексты перепечатаны Головацкимъ, Пѣсни, IV, 412 сл., причѣмъ исправленъ языкъ (въ Наук. Сб., напр., просятъ, у Гол. вросятъ).

⁴⁾ Головацкій, Пѣсни, II, 699 сл. Еще (пзъ «Маковицкаго края») III, 418 сл.

⁵⁾ Де-Волланъ, Угро-русскія народныя пѣсни, Спб. 1885. Здѣсь изданъ сборникъ пѣсенъ, составленный учителемъ въ Маковицѣ Гладонникомъ, съ спорадическимъ *у* вм. укр. *i*, вр. *o*. Къ сожалѣнію, эти пѣсни, какъ и всѣ другія у Де-Воллана, очень дурно записаны и не имѣютъ точныхъ датъ. Сходные по языку тексты (тоже съ *у*) въ сборникѣ Дешка, Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отд. этн., I, 1867.

⁶⁾ По Семеновичу, кынь—у галицкихъ Лемковъ и у Крайнихъ Шарншскаго и Спичскаго комитатовъ.

отъ *и*, на мѣстѣ вр. *ы* (между прочимъ въ быти, бывати) и послѣ гортанныхъ: гыну, благаѣ, выдати, глухѣй; глухіе гласные *э* и *ь* при плавныхъ, а иногда и при другихъ согласныхъ: дръва, крѣзавѣй, крѣтица, врьхъ, хрѣстити, водохрѣщи, рѣчу, дѣнь (= дѣнь), пѣнь, теѣарь, замѣняемые иногда черезъ *и* или *ы*: дрива, хрибетъ, яблѣко, гиртанка, кирве (род. отъ кровь), дѣжжъ (= дождь); мягкія шипящія и *и*: жяль, чясть, нашь, нашѣ, щястя, пше-ниця; постоянное *дж*: ходжу, меджо, чюджий; *бя* вм. *бя*: павьяный, памьять, веремья; отсутствіе *ј* между гласными: моа, моу, чуу¹⁾; *я* въ ф. им.-внн. ср. р.: здоровья; формы им. ед. на *ый*, твор. на *оу*, им. мн. на *ы*: воы, чорны, біы, дат. мн. муж. р. на *имз*, *ымз*, *ймз*: воымыз, воынымыз, хлопцѣмз, 1 л. ед. любью, съю (3 л. мн. съятъ), 3 л. на *тз* (даже не-сетз и т. п.), 1 л. мн. на *ме*, 3 л. мн. ходють и т. п.; глаголы на *аю* спрягаются такимъ образомъ: спѣваю, спѣвашь, спѣватз, спѣваме, спѣвате, спѣваутз; формы прош. вр.: быѣ-емз, быѣ-есз, были-сме, были-сте. Еще: *ј* передъ начальнымъ *о*: јострый, јовесь, јорати; быти, быѣ и др. безъ префиксовъ и бути, буѣ съ префиксами; нарѣчія добрі и т. п.²⁾

Говоры сосѣдей Лемковъ на юго-востокѣ Галиціи за рѣкою Сяномъ,—Бойковъ, въ большинствѣ различающіе *з*, *и* и *ы*, имѣющіе *з* на мѣстѣ укр. *з*, вр. *о*, имѣющіе *ы* послѣ *г*, *к*, *х* и сохраняющіе *я*,—въ частностяхъ намъ мало извѣстны³⁾.

Говоръ с. Розгорчя, Стрыйскаго округа: *у* вм. *а* въ горіѣка, *оля*, *мя* вм. *оля*, *мя* въ мовлять, *имзя*, мягкое *р* (даже: господарь), частое *дж*, *дз* въ дзвінъ, твердое *л* въ тлѣце, формы дат. ему и му, твор. на *оу*, им. ед. плечі, калинові мосты, 3 л. на *тз*, 1 л. мн. на *мо*, возвратн. зал. съ ся какъ послѣ, такъ и передъ глаголомъ. Еще: она (= она), оволо; *шо*; *буѣ*⁴⁾.

Говоръ с. Тишевицы, того же округа (недалеко отъ Розгорчя): *дж*, *дз* въ дзвінъ, *оля* вм. *оля*: мовлять, 3 л., формы род. его, го, дат. ему, дат. на *ови*, твор. на *оу*, 3 л. на *тз*, 1 л. мн. на *ме*, 1 л. мн. повед. ходѣмъ, неопр. н. на *ти* и на *тз*; *дз*, *идз* = къ: *идз* нимъ⁵⁾.

Говоръ с. Синеводска, того же округа (недалеко отъ Розгорчя и Тишевицы), отличается отъ предыдущихъ говоровъ употребленіемъ мягкаго *т*

¹⁾ По тому же Семеновичу, у всѣхъ угорскихъ Русскихъ рядомъ съ ф. 1 л. ед. знау—ф. 2 л. знаешь.

²⁾ Срезневскій, Русь угорская (Вѣстникъ И. Р. Географ. Общ., ч. IV, 1852 г.).

³⁾ О территоріи Бойковъ въ Галиціи см. у Головацкаго и у Коперницкаго. Коперницкій считаетъ говоры Бойковъ болѣе другихъ горскихъ говоровъ близкими къ украинскому.

⁴⁾ Головацкій, Пѣсни, II, стр. 14, 18, 21 и др.

⁵⁾ Тамъ же, IV, стр. 12, 14, 16 и др.

вм. *к* (твердаго): паненьтѣ (=паненько, зв.), господароньтю (=—ку, зв.), службоньтю (вин.), сыновнті (им. мн.). Еще: очень рѣдкое *е* вм. *я*: гледѣе, спорадическое *у* вм. неударяемого *о*: *убувѣу*, *еа* въ *здорѣлечко*, *ѡж*, твердое и въ *окончы*, *дверчы* (твор. мн.), формы род. *ѣго*, дат. *ѣму*, *му*, дат. на *оми*, 3 л. на *тѣ*, 3 л. ед. возвр. 3. ся *кланятѣ*, *выхваляеся*, 1 л. мн. на *ме*, 3 л. мн. *повѣдауть*, *шиуть*, *выхапуются*. Также: *она* (= она); *що*; *итѣ ній* (= къ ней) ¹⁾.

Въ говорѣ с. Славска, того же округа (близь угорской границы) отмѣчены формы дат. *ѣму*, 3 л. на *тѣ* (*волатѣ* и т. п.), 1 л. мн. на *мо*; *що* ²⁾:

Въ говорѣ дер. Козѣвы, того же округа, близь Славска, отмѣчены формы род. *ѣго* и *го*, дат. *ѣму*, твор. на *ою*, *оу*, *омѣ* и *оыю*: *бѣдочкомѣ* (= бѣдою), *горосыю*, *другосыю* (= горою, другою), 1 л. ед. мау, 1 л. и др. *нѣю* и т. д., 3 л. са *гнѣватѣ*, 1 л. мн. на *мо*, возвр. 3. *уверися*, *летѣи* (= лется); пол. формы прош. вр. и сосл. н.: *би мѣ казау*; *она*; *що*; *ѡз нѣ* (=къ ней) ³⁾.

Говорѣ глухой горной деревушки Лѣблинѣ извѣстенъ намъ больше другихъ (ея населеніе, по словамъ наблюдательницы, ничѣмъ не отличается отъ другихъ Бойковѣ). Мы не имѣемъ указаній на то, что въ немъ есть различіе между *и* и *ы* (хотя бы только послѣ гортанныхъ). Въ немъ отмѣчено: *і* изъ *о*, *е* болѣе частое, чѣмъ въ собственно-галицкомъ говорѣ: *крѣліуна* (= королевна), *прѣпью* (= пропью), *мѣду* (род. отъ *мѣдъ*=медъ), *у* вм. *л* частое: *сокіу*, *міукий*, *горіука*, *стріуба* (=стрѣльба); *ѡж* частое: *виджу* и т. п., но *межа* (им. ед.), *межи* (нарѣчіе); *шпяціе* передъ *а* мягкіе: *жяти*, *лежяти*, *діучята*, *чясто*, *щясливий*; конечныя *и* и *с* твердыя: *хлопецѣ*, *есѣ* казау. Еще: *я* въ ф. им.-вин. *зілѣ*, *весілѣ*, мягкое *р*, *мѣя*, *нѣя* вм. *мя*, *нѣя*: *румѣяний*, *нѣятий*, твердое *л* въ *сѣделце*, очень рѣдко *и* вм. *е*: *чипецѣ*. Формы: им. ед. прилагательныхъ на *ий*, *ая* (и *а*), *ое* (и *е*), род. *мня* и *нѣя*, *ѣго* и *го*, *твеі*, дат. на *оми*, дат. *ми*, *ти*, *си*, твор. на *оу*, мѣстн. на *конѣи*, въ *вінци*, *о души*, им. мн. *огні*, *крегуле* (рѣдко), 1 л. ед. *топлю* (при поправляти, поправлевъ и т. п.), 3 л. на *тѣ* (3 л. ед. изрѣдка на *атѣ*), 3 л. возвр. на *еся*, 1 л. мн. на *ме*: *дамѣ* (рядомъ, рѣже, ва *мо*), 2 л. мн. повел. на *тѣ*, возвр. зал. *ся* *кланяю*; формы прош. вр. *есѣ* казау, *що-сѣ* казау; *она* (=она); *сі* - вм. *си* -; *ѡз нѣи* (=къ ней) ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ ж с, II, 22; IV, 3, 17, 66—68 и др.—Мягкое *т* вм. *к* (твердаго) есть у Бойковѣ и въ другихъ мѣстахъ, а также въ с. Дулѣбахъ, подъ г. Стрийемъ: *доньта*, *маленькой* (им.-ед.), *соненьтѣ*. Ogonowski, Studien, 65.

²⁾ Тамъ ж с, IV, 53 (данныя, кажется, сомнительнаго достоинства).

³⁾ Житоцкій, Оч., стр. 329.

⁴⁾ Zbідг, X. Этотъ говорѣ очень близокъ къ говору текстовъ откуда-то изъ Стрийскаго округа, названныхъ Головацъкимъ (Пѣсни, II, 572—624), также сохраняющему *я* (въ немъ еще: *фістѣ*).

О говорѣ (или говорахъ) сосѣдей Бойковъ на юго-востока Галиціи, Тухольцевъ ¹⁾, мы знаемъ лишь то, что онъ близокъ къ говорамъ Бойковъ ²⁾.

Говоры сосѣдей Бойковъ и Тухольцевъ на угорской сторонѣ Карпатъ, Верховинцевъ, повидимому, очень близки къ говорамъ Лемковъ и Бойковъ ³⁾. Между ними есть имѣющіе спорадическое *у* на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о*: *нужка*, *овунъ* (= онъ), при *і* на мѣстѣ *ъ* и при формахъ твор. на *оу*, 3 л. ед. на *атъ* (*вохатъ*) 1 л. мн. на *ме* ⁴⁾.

Говоръ сосѣдей Тухольцевъ на юго-востока Галиціи, Гуцуловъ ⁵⁾, въ Коломыйскомъ округѣ близокъ къ собственно-галицкому. На существованіе въ немъ рядомъ звуковъ *и* и *ы* и на употребленіе *ы* послѣ гортанныхъ нѣтъ указаній (напротивъ: *хѣба*, *високі* гори и т. п.). Онъ имѣетъ *є* или *ѣ* изъ *я*: *єкъ*, *тресу*, *ѣзети*, *пеницеми* (твор.), *мне* (вин.), *жѣль*, *шѣпка*, *пташа*, *часть*, *віряджати*, рядомъ съ *я* и рѣдимъ *і*: *присѣгати*, *изрѣдка* *к* вм. *т*: *вѣшко*, мягкіе шипящіе: *щясливий*, *Польшия*, *ѣншия*, *щѣ* или *шѣ* (*ш* вм. *щ*, = *шо*), *чюти*; сверхъ того: *горіука*, *горіочка*, мягкое *р* (даже *ворьчма*; но теперь, *царъ*), частое *дж* (но *чужий*), твердое конечное *с*: *де-сѣ* (гдѣ-то), *бѣя* вм. *бѣ*: *голѣбѣ*, твердое *л* въ *силю*, *ѣ* въ *ѣистъ*, *ѣуска* (= *хустка*), *т* въ *дѣтько*.
Формы: им. ед. на *ий*, род. мовѣ, дат. *ми*, *ти*, *си*, *ей*, твор. на *оу* (при *оу*).

¹⁾ «Въ темныхъ горахъ нашихъ Боякидовъ, въ сторонѣ протягивающейся отъ Самборскаго обвода до Станиславскихъ верховъ, лежитъ земля давнѣйшо Тухольщина названа». *Львовянинъ*, мѣсяцословъ на рокъ 1861, Львовъ, стр. 22. Еще о территоріи Тухольцевъ см. у Коперницкаго.

²⁾ Говоры ближайшихъ къ Лемкамъ, Бойкамъ и Тухольцамъ Галичанъ-долиннѣ должны быть болѣе или менѣе близки къ говорамъ сосѣдей-горцевъ. По Торонскому, различіе между *и* и *ы*, «хотя не такъ рѣзко, якъ у горняковъ, все однакъ и у подолнѣ замѣтно... Коло Перемишля, напр., *ы* не выговорюеть такъ низко, якъ въ горахъ, все однакъ низше, чѣмъ *и*, которое снова адѣ тоньше звучитъ, якъ въ горахъ (т. е. по-галицки), и въ якій-сѣ способъ протягася». *Зоря гал.*, стр. 425.

³⁾ Галиціе Бойки никогда не называютъ себя Бойками; они любятъ называть себя Верховинцами. Нѣкоторые изъ угорскихъ Верховинцевъ слытуть подъ именемъ Бойковъ, хотя сами не примѣняютъ его къ себѣ. *Срезневскій*, Русь угорская, стр. 8.

⁴⁾ *Де-Волланъ*, Угро-русскія нар. пѣсни. Здѣсь рядъ пѣсень, помѣченныхъ вообще Верховиною, и сборникъ верховинскихъ пѣсень, составленный Бачинскимъ. Къ сожалѣнію, по нимъ трудно составить ясное понятіе о говорахъ. Границы верховинскихъ говоровъ (съ *і* въ *кѣн* и т. п.) на западѣ указаны въ ст. *Петрова* (*Ж. М. Нар. П. р.*), стр. 455.

⁵⁾ «Въ восточно-полудневои сторонѣ нашего краю, межи Дѣбстромъ отъ полночи а Угорциною отъ полудня, розпростерлася земля—прекрасне *Покутье*; а въ остатнохъ въ сторону полудневу глубоко втисненому его закутъ, помѣжи рѣвами бѣлымъ *Черемошомъ* та потокомъ *Путьловъ* отъ всходу а *Ломницевъ* отъ заходу,—засѣвъ огромный велеть зъ гранитовымъ хребтомъ;... *Карпаты покутскіе*—то, а въ тяхъ... *красный*, *гожій*, *дородный* родъ верховинскій, *Гуцулы*. *Львовянинъ*, мѣсяцословъ на рокъ 1861, стр. 46—47. О территоріи *Гуцуловъ* въ Галиціи и въ *Буковинѣ* еще см. у *Головацкаго* и у *Коперницкаго*.

им. мн. ж. р. кашо^е (отъ каша), юшко^е, 1 л. ед. робю, робью, 1 л. ед. сми (= есмь): казаў-сми, прош. вр., 3 л. ед. на тз (нарѣдка: несетъ и т. п.), 3 л. ед. возвр. з. даесе, даеси, даесе, даеси, 3 л. мн. хотя, стое, 1 л. мн. на мо и на ме (ходили-сме), 2 л. повел. на тз, буд. вр. му бити, возвр. зал. се, си, се, си кланяю; формы прошедшаго вр. естъ казаў и др., сослаг. и. бимз или бихз казаў, бисьте казали (2 мн.) и др.; она (= она); ще; бутти; префиксы *ви-*; *дъ* намъ, тз собі.

О говорѣ Гуцуловъ въ Буковинѣ (около г. Выжницы) мы знаемъ лишь то, что въ немъ есть *е* изъ *я*: еблоко, взело ¹⁾.

О говорѣ Гуцуловъ на угорской сторонѣ Карпатъ, въ восточной части Марамарона, мы не знаемъ ничего.

Говоры Крайнянъ, занимающихъ сѣверо-западную часть угро-русской территоріи (въ Спешскомъ, Шаршскомъ, Земплинскомъ и Абауйварскомъ комитатахъ), сосѣдей Словаковъ ²⁾, заключаютъ въ себѣ очень большое количество словацкихъ словъ и формъ и, кажется, лишь этимъ отличаются отъ говоровъ сосѣднихъ Лемковъ. Изъ нихъ въ говорѣ с. Красный Бродъ (Шаршскаго ком.) отмѣчено: *і* на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о*: *вгнъ*, *пгшоў*, рядомъ съ болѣе рѣдкимъ *у*: *пуйдемъ*, и съ *о* (по-словацки), *ы* послѣ гортанныхъ: *чобогы*, *ноженькы*, мягкое *и* въ *голубиця*, на *руце* (мѣстн., словацизмъ), *ж* въ *прокажати*, формы дат. *ми*, твор. *моёу* *милёу*, *панёу* (отъ *пані*), 1 л. ед. *маў*, 3 л. на *тз*; *што*; *лемз* ³⁾.

А. Соболевскій.

¹⁾ Головацкіѣ, Пѣсни, II, 460—468, IV, 109—126, 339—365 (с. Яворовъ и Космачъ), III, 11 сл. (с. Криворовня); Житецкіѣ, Оч., стр. 323 сл. (разныя села Колом. окр.) Варшавскій дневникъ 1892 г. № 202 (ст. Купчанна о Буковинѣ); двѣ гуцул. пѣсни въ Галичанинѣ, изд. Головацкимъ и Дѣдяцкимъ, 1863 г., вып. 2-й (незв. мѣстность). Въ текстѣ этихъ послѣднихъ: *вино*, *шесливий*, *ше* (=еще), ф. 3 л. *матъ*. При нихъ замѣчанія: «*се* вымавляе Гуцуль вѣсто *ся*»; «*а* и *я* въ тыхъ случаяхъ, гдѣ они отповѣдаютъ старо-славянской носовой (юсу малому), звучить у Гуцула рѣшительно какъ *ье* (т. с. *е*). Навѣтъ въ случаяхъ, гдѣ наше *я* отповѣдае старо-славянскому *я*, выголошуо Гуцуль и тогда *я* *е*: *ско* в.м. *яко*, *сно* в.м. *ясно*». — Коперникіѣ (Zb., XII) отмѣчаетъ какъ особенности говора вѣдѣстныхъ ему Гуцуловъ—мягкія *к* и *з* в.м. обще-малорусскихъ мягкихъ *т* и *д* (по-покутски) и мягкія *д* и *т* в.м. твердыхъ передъ *е*: *двсетий*, *твбс*. — Огоновскій упоминаетъ, какъ о гуцульскихъ, о формахъ 1 л. ед. *пустю*, *ходю*, *видю* (=вижу) и т. п.

²⁾ О Крайнянахъ см. у Д-Воллана, стр. 24.

³⁾ Головацкіѣ, Пѣсни, III, стр. 248—254. Нѣсколько пѣсень, помѣченныхъ вообще Крайною,—у Д-Воллана (также со спорадическими *у*: *пудъ* яворомъ, своєю *шду*, съ *и* въ *дрива*, съ формами 1 л. мн. на *ме*, 3 л. мн. *чеквуть*).

Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ
матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской
(1839—1842).

XXXV.

№ 24.

Легницы (Лигницъ). 1840, 23-е Авг.

Наконецъ я простился съ Вратиславью—и прощался будто съ родиною. Незабвенный Пуркия провожалъ меня до почты, Маркусъ (у котораго я бралъ уроки въ Дольно-Лужицкомъ наръчїи) то-же; Маверле и Шпаверле также не захотѣли остаться дома, одинъ понесъ портфель, другой трубку и табакъ, оба рука въ руку со мною,—и Шпаверле даже шляпу свою забылъ надѣть на голову. Ни откуда, тутъ за границей, я не выѣзжалъ съ такимъ горестнымъ чувствомъ и не былъ провожаемъ съ такимъ сердечнымъ участіемъ. Не могу до сихъ поръ разогнать своей грусти: вотъ ужъ вечеръ, а мы со старикомъ не ходили гулять, и дѣти нейдутъ пожелать мнѣ «доброей ночи»,—и я снова одинокій странникъ!

Путь мой въ Згорѣлецъ (Гѣрлицъ), и я бы не остановился въ Легницахъ, если бы не услышалъ, что въ одной изъ здѣшнихъ церквей есть Славянскія рукописи. Надобно посмотрѣть, чтѣ это за вещи; а между тѣмъ познакомлюсь и съ городомъ.

Между тѣмъ—подѣвзая къ какому нибудь городу (въ Германїи почти всюду такъ) прежде всего видишь владбище: такъ и приближаясь къ какой нибудь Славянской землѣ не минуешь гробовъ Славянской народности... и разумѣется на землѣ болѣе могилъ нежели живыхъ людей. Тутъ то-же: еще я между Нѣмцами, еще Лужичане-Вѣнды далеко,—а уже все напоминаетъ Славянщину — и физиогномїи, и одежды женщинъ, и архитектура домовъ, и самые плетни, и самыя вербы и липы, идущія за Славянами всюду. Глажу на эту страну какъ на поле: жатва уже снята, остаются сухіе корешки, а бурьянъ вылѣзъ всюду. Была-ли сжатая жатва зрѣла? уже-ли безъ паханья не выростетъ новая?—кто знаетъ!

Чѣмъ ближе къ Легницамъ, тѣмъ природа разнообразнѣе, веселѣе: лѣсу больше, есть уже и горки, и низменныя мѣста, и виды.

24-е.

Легницы лежат при втеченіи Черной воды въ Качу (Кацбахъ). Мѣсто довольно низко, по крайней мѣрѣ не скучное. До 7-и-лѣтней войны тутъ была крѣпость, теперь осталось только нѣсколько башенъ, а на мѣстахъ прежнихъ стѣнъ тянутся аллеи для гулянья. Въ срединѣ города площадь, и по срединѣ площади домъ ратуши съ разными частными пристройками, какъ и во Вратислави, какъ и во многихъ другихъ городахъ. Улицы, расходящіяся въ разныя стороны кривыми углами, поворачиваютъ то вправо, то влево, то расширяются, то суживаются, то сходятся къ одному трехугольному междуулку, то, раскланявшись одна другой, поворачиваютъ каждая въ свою сторону. Церквей три, но всѣ хороши, а Фрауенкирхе, разбитая въ 1822 году молніей и вновь отстроенная, очень хороша. Видъ съ колокольни на окрестности, особенно къ Исполиновымъ горамъ, прекрасный. На поляхъ Легницкихъ было 4 битвы, и самая знаменитая изъ нихъ—съ Татарами; до сюда доходили они, были разбиты, и поворотили назадъ. Легницы сдали лучше нежели сблизн: дома большею частію грязны, малы, некрасивой формы: есть пословица, что мертвымъ въ Легницахъ лучше нежели живымъ (*Die Todten leben in Liegnitz besser als die Lebendigen*). Кладбища въ самомъ дѣлѣ милы: хорошенькіе памятники, окруженные цвѣтами и деревьями, разставлены рядами, а между ними тянутся дорожки, усыпанные пескомъ, обшитыя лентами резеды. Легницы славятся своими огородами (*Kräutergeien*): вокругъ города и въ предмѣстьяхъ ихъ множество. Жителей въ Легницахъ 12.000, и между тѣмъ я весь городъ и въ срединѣ и вокругъ обходилъ не болѣе какъ $\frac{3}{4}$ часа.

25-е Августа. Кинастъ.

Посрединѣ террасы надъ крутымъ утесомъ стоящимъ на горѣ, возвышающейся надъ моремъ на 1600 футовъ, т. е. почти 230 сажень, разставлены столы и лавки, какъ всюду въ лѣтнихъ кофейныхъ домахъ, а за ними кто читаетъ, кто пьетъ кофе или пиво, кто любитъ видами, Я пишу, и тоже пью кофе, и курю трубку, и люблюю видами. Маменька! да пожалуйте сюда! Рассказать, право, не умѣю, а очень, очень хорошо. Направо, сквозь пихты и развалины замка, подъ стѣнами котораго я сижу, видны Исполиновы горы, гѣбѣ и далѣе кругомъ обширная равнина, покрытая горами, рощами, лѣсами, деревьями.... вонъ и Герисдорфъ, изъ котораго я поднялся на Кинастъ, вонъ и Вармбрунъ, откуда я пришелъ въ Герисдорфъ, вонъ и Гиршбергъ, откуда я пришелъ въ Вармбрунъ, вонъ чуть видна и дорога, по которой я ѣхалъ въ Гиршбергъ изъ Легницъ. Исполиновы горы хоть и близко, но уже покрываются фіолетовою тѣнью, и солнце спускается къ нимъ, освѣщая дорожку,

по которой я пойду въ горы. Проводникъ стоитъ сзади меня и ждетъ. Гдѣ ночевать буду, не знаю; а гдѣ буду ночевать, тамъ и раскажу болѣе. Теперь буду любоваться: окрестность горитъ, освѣщенная послѣдними лучами солнца, и глаза горятъ радостью, глядя на дивную картину. Кинастъ гора и замокъ. Замокъ построенъ въ XIII столѣтїи, разбитъ былъ молніей въ 1675 году и съ тѣхъ поръ остается развалиною. А вотъ пафъ... и эхо Исполиновыхъ горъ повторило выстрѣлъ семь разъ.

Маріенталь.

Маленькая комнатка, заваленная разнымъ хламомъ; по срединѣ столикъ, на столикѣ стаканъ со сливками, черный картофель и масло, пять букетовъ цвѣтовъ, подаренныхъ мнѣ дѣвочками, у которыхъ я купилъ малины и грушъ на зальберггрошъ, когда взбирался на Кинастъ, далѣе тоненькій огарочекъ, ближе портфель и моя рука; подлѣ столика кровать только что внесенная и на которой я надѣюсь славно заснуть послѣ 2-хъ часовой ходьбы между горъ: вотъ гдѣ я. Съ одной стороны подъ бокомъ большая комната, гдѣ при свѣтѣ лучины десятка полтора мужиковъ пьютъ пиво и водку, а въ углу съ огаркомъ, подобнымъ моему, ужинаютъ путешественники, подобные мнѣ; съ другой стороны въ маленькой комнаткѣ вуча путешествующихъ дамъ, болтовня и хохотъ, подо мною музыка и танцы, потому что сюда зашли Тирольскіе музыканты и поселянки хотятъ поплясать. Моя комнатка не остается пустою: то старикъ хозяинъ придетъ искать чего нибудь, то старуха хозяйка, то служанка, то всѣ вмѣстѣ. А между тѣмъ огарокъ догораетъ; придется объясненія отложить до завтра. Добрая ночь.

26-е Авг. Еще въ Маріенталь.

Шестого половина. Я всталъ, выспавшись прекрасно. Свѣчера меня убавляли говоръ, музыка и тупотня танцующихъ; а проснувшись ночью, я слышалъ Тирольскія пѣсни и подъ ихъ оригинальныя мелодїи заснулъ опять.

Скажу же нѣсколько словъ о моемъ теперешнемъ путешествїи. И въ Вратислави, и въ Легницахъ я то и дѣло слышалъ о путешествїи я путешественникахъ по Силезскимъ горамъ: Король Саксонскій прошелъ черезъ нихъ недавно въ роли ботаника; наша Императрица съ Ольгой Николаевной, Лейттенбергскими и вся Прусская королевская фамилія также тамъ; ждутъ и Императора; и на водахъ Вармбрунскихъ гостей много, и отовсюду сходятся путешественники полюбоваться Исполиновыми горами. Какъ не пожертвовать парой дней, чтобы видѣть ихъ, когда я такъ близко. Оставивши въ Легницахъ у одного изъ знакомыхъ мой багажъ, вчера въ два часа утра я сѣлъ въ дилижансъ и въ 10 часамъ былъ уже въ Гиршбергѣ. Отсюда до Вармбруна

съ небольшимъ часъ ходьбы, а если бы ждать, то бы надобно было ждать до 2 часовъ пополудни и пропадать со скуки: я пошелъ пѣшкомъ, и въ четверть 12-го былъ въ Вармбрунѣ. Часть общества была въ концертѣ, другая гуляла. И я сталъ гулять. Центръ Вармбруна есть площадка передъ гостинницей Чернаго Орла: у Чернаго Орла останавливаются лучшіе гости, у него же собираются обѣдать, а противъ него аллея ведущая къ театру и такъ называемой галлерей, и по бокамъ аллеи лавочки съ разными товарами, начинаая отъ грошеваго куска мыла до Турецкой шали. Я гулялъ до часу, до звонка, скликающаго у Чернаго Орла къ обѣду; потомъ обѣдалъ. Гулянья и обѣда было достаточно, чтобы узнать хоть сколько нибудь Вармбрунское общество и городъ. Домики малы, но уютны и большею частью убраны внутри и снаружи очень мило. Гости, пріѣхавшіе на воды, составляютъ большую часть населенія, и живутъ тѣсно, впрочемъ болѣе на открытомъ воздухѣ: вотъ напр. домикъ въ 2 окошечка, окруженъ цвѣтникомъ, подъ окнами стулья и столы, вокругъ него цѣлая сѣмья, кто работаетъ, кто читаетъ газеты или книжку, дѣти играютъ подъ деревьями. Одѣты все щеголевато. Болѣе всего слышенъ Нѣмецкій языкъ; нерѣдко слышенъ и Польскій; Французскій очень рѣдко. За столомъ было до 150 особъ, садятся по фамиліино, все вольны, но знакомства холодны.—Насмотрѣвшись на Вармбрунъ и Вармбрунцевъ, полюбившись Исполиновыми горами, поднимающимися за Вармбрунской долиной, я надѣлъ портфель черезъ плечо и пошелъ въ Гернедорфъ, а оттуда въ Уктер-Кинастъ. У подошвы Кинаста и по дорожкѣ ведущей на Кинастъ, уже идешь не одинъ: проводники, которыхъ и тутъ и вообще въ горахъ много и отличены особенною одеждою идутъ съ вами, напрашиваясь вести васъ въ горы; путешественники попадаютъ на каждомъ шагу; дамъ, разумѣется не бѣдныхъ, несутъ носильщики на носилкахъ; а тутъ и мальчики и дѣвочки съ малиной, съ грушами. Выбравши проводника (ему платятъ обыкновенно около 2-хъ рублей въ сутки) я передалъ ему свой мекинтошъ и портфель и пошелъ далѣе. Куда я дошелъ, вы уже знаете. На Кинастѣ я обходилъ развалины замка, исходилъ на башню и пр. Дорога отъ Кинаста до Маріентала тяжела: идешь съ горы на гору по каменистымъ дорожкамъ, переходя ревущіе ручьи, лѣса... И все это еще цвѣтѣи.—Однако пора въ путь. Лучше отдохнуть на пути когда устанешь, нежели тутъ тратить время. —

Цакенфаль.

Въ двухъ часахъ пути отъ Маріентала; впрочемъ мой проводникъ такъ бѣжитъ впереди меня, что мы сдѣлали этотъ переходъ въ часъ. Я сижу теперь въ лубочной бесѣдкѣ; водопадъ гремитъ въ нѣсколькихъ шагахъ, падая

съ вышины 120 футовъ, разбиваясь три раза о скалы. Огъ падаетъ въ ущелье, окруженное скалами какъ стѣнами и тамъ на днѣ бѣжитъ черезъ камни. Пихты надъ ущельемъ, пихты въ ущельи; природа дикая и прекрасная. Я сходилъ на дно ущелья, чтобы лучше видѣть водопадъ и весь обрызганъ былъ пылью водопада... Обыкновенно потокъ бываетъ сверху запруженъ и воды падаетъ мало; но по желанію путешественника воду пускаютъ на волю, и водопадъ загремить, зареветь, обольется пѣною. Это же стоитъ всего одинъ зильбергрошъ.

По дорогѣ изъ Маріентала сюда я заходилъ на Рабенштейнъ. Это двѣ гранитныя стѣны, между которыми въ глуши лѣса бурчитъ потокъ Цавенъ. И этихъ видовъ было бы довольно, чтобы идти въ Исполиновы горы.

На память я купилъ у Цавенфала табакерку изъ Кингольца съ видомъ водопада.

Neu Schlesische Baude.

Это еще первая буда, которую встрѣчаю я на пути; но ихъ тутъ въ горахъ множество. Такъ называется отдѣльно стоящій горный домикъ, безъ двора, безъ пристроекъ. Остатокъ Славянства, по крайней мѣрѣ, по названію.

И я уже на высотѣ 3600 футовъ слишкомъ надъ моремъ. Переходъ отъ Цавенфала былъ невеликъ, но въ это время я поднялся вверхъ почти на 300 сажень. Маріенталь лежитъ подъ ногами и за нею далеко, далеко равниною горы и долины, полуподернутые туманомъ. Небо какъ будто выросло надъ головою. — У дверей бесѣдки, гдѣ я сажу, пишу и пью молоко, играютъ 2 дѣвушки на арфахъ, разумѣется въ ожиданіи зильбергроша. Дамъ, дамъ, лишь бы перестали: играютъ порядочно, но мелодія такая прѣсная, Нѣмецкая, что смотрѣть на горы, любоваться природой и слушать ее просто непристойно... Ба... заиграли другое... польку... поютъ... по Чешски... — Чехи какъ будто родные мнѣ. Я выпрыгнулъ изъ бесѣдки, спрашиваю, какъ онѣ, эти дѣвушки, попали сюда. Отвѣтъ: живутъ здѣсь, тутъ и родились, отецъ умеръ, а Нѣмцы, у которыхъ онѣ живутъ, ихъ родныя. Въмѣсто одного зильбергроша я далъ два. Въ знакъ благодарности они все еще играютъ и поютъ Чешскія пѣсни. Буду же и я въ знакъ благодарности слушать ихъ.

Schneegrubenbaude. Поддень.

Все далѣе въ горы, все выше въ горы. Я вовсе не усталъ; но поднимаясь все выше и выше дышешь тяжело, сгибаешь колѣни и наконецъ падаешь или по крайней мѣрѣ садился; впрочемъ я вовсе не усталъ.

Переходя черезъ Рейфенштейнъ, я былъ на высотѣ 4300 футовъ надъ моремъ. Немного далѣе Кваркштейнъ. Сѣвши тутъ отдохнуть на камнѣ, я

любовался видами въ одну сторону на Силезію, въ другую на Богемію. Тутъ граница между ними. И какъ чудно я сидѣлъ: сидѣлъ на камнѣ, принадлежащемъ Императору, а ноги мои опирались на камень, принадлежащій королю. Далѣе я проходилъ мимо Тафельштейна, на которомъ, какъ говоритъ преданіе, колдунъ Рюбецаль, о которомъ тутъ ходитъ много сказокъ, обѣдывалъ съ своей почтеннѣйшей супругой.

Далѣе идучи все по границѣ, я дошелъ до истока Эльбы. Въ обширной равнинѣ течетъ маленькій свѣтлый ручеекъ, выходя изъ колодца, подлѣ котораго стоятъ лачужка: вотъ истокъ Эльбы. Вода прекрасная, но болѣе ничего.

Въ четверти часа отсюда, ниже, Эльбскій водопадъ. Надъ водопадомъ лачужка. Чтобы видѣть водопадъ, надобно спуститься на дно оврага. Я спустился, сѣлъ, воду пустили на волю,—она взревѣла, широкимъ волнисто-снѣжнымъ платомъ рванулась внизъ и образовала вокругъ себя туманную атмосферу. Солнце выглянуло изъ-за облака, и эта пыль тумана покрылась радужнымъ блескомъ. Зрѣлище единственное. Природа у Цакенфала дикая, но нѣтъ видовъ, и вотъ почему тамъ болѣе любешся самимъ водопадомъ, а тутъ видами на дикія скалы, голыя, покрытыя мохомъ или влагой, и тянуціяся вѣтвобразно далѣе и далѣе.

Оставивши Эльбу влѣво, я сталъ подниматься къ Гогенраду и послѣ тяжелаго перехода черезъ горы по темени ихъ, такъ что ни Богемія ни Силезія не скрывались ни на минуту, пришелъ сюда. Буда Шнеегрубенская—очень милый домикъ въ вкусѣ русскомъ. Обѣдъ былъ невеликъ, но хорошо приготовленъ. Послѣ обѣда я спускался въ глубокой оврагъ посмотрѣть на снѣгъ, остающійся тамъ цѣлый годъ, и самъ удивлялся своей смѣлости: стоило отступить, чтобы навсегда пропасть. За то какъ смотришь на людей вверху снизу, такъ кажутся мухами. Эхо поетъ. Я закричалъ: «Маменька!»—и горы повторили: аинька.—Тутъ есть и телескопъ. О видахъ ни слова: чѣмъ выше на горы тѣмъ виды обширнѣе. Довольно сказать, что смотришь горизонтально, и видишь землю, а не небо; поднимаешь глаза еще выше, и все еще земля, а потомъ, гдѣ земля, гдѣ небо—не знаешь—слилось.

Снѣжка, т. е. по-Нѣмецку Schneekorpe.

Таки добрался, куда хотѣлъ. Я на Снѣжкѣ, на возвышеннѣйшемъ пунктѣ Исполиновыхъ горъ, въ 5000 футовъ надъ моремъ, или по русски безъ малаго въ полторѣ верстѣ. И вотъ какъ я добрался сюда.

Прежде всего надобно было перейти черезъ Гогенрадъ. Два раза отдыхалъ я пока взошелъ на эту вышину 4650 футовъ. Дорожка есть, но что это за дорожка! Обломки скалы, на которыхъ вмѣсто моха слѣды человѣче-

свихъ ногъ. Прыгаешь съ камня на камень то вправо, то влѣво, и съ каждымъ прыжкомъ на футъ выше. Похвастаюсь при этомъ случаѣ: обыкновенно дѣлаютъ тутъ путешествіе по горамъ съ помощью порядочнаго костыля, и почти въ каждой будѣ можно купить готовый, — и проводникъ мой еще вчера вырѣзалъ себѣ костыль и идетъ опираясь о него; я же положилъ себѣ вчера же начать путь, вести и кончить, не имѣя въ рукахъ ничего. Взявшись на Гогерадъ не разъ я чувствовалъ необходимость костыля и опирался на свои колѣни; но тотчасъ вспоминалъ, что это противъ условія, — и выпрямлялся. Что-жь, ничего! Все дѣло возможное. Гогерадъ есть высшій пунктъ въ этихъ горахъ послѣ Снѣжки. Взобрался на Гогерадъ, взобрался и на Снѣжку безъ палки. — Видъ съ Гогенрада — само собою разумѣется каковъ. Чудный да и только. Что до природы, она уже другая: хоть день и свѣтлый и слѣдовательно внизу жаркій, хоть потъ съ лица капалъ тяжелыми каплями, но вовсе не отъ жару; напротивъ — прохладно, и эта прохлада освѣжаетъ силы. Вчера и сегодня утромъ я былъ еще въ лѣсахъ пихтовыхъ, еловыхъ и т. п., въ странѣ, гдѣ сѣютъ и жнутъ; тутъ уже не то: собираютъ прекрасную траву, но хлѣбъ не растетъ, а вмѣсто деревьевъ ползучій кустарникъ, жирной, низенькій, что-то въ родѣ гигантскаго моха. Кстати о мохѣ: и самъ не знаю какъ стало, только моя шапка украшена пышнымъ вѣнцомъ изъ моха. Не знаю кто вздумалъ это сдѣлать въ Шнеегрубен. будѣ; впрочемъ не я одинъ несу на себѣ это горное украшеніе: каждый кто прошелъ черезъ горы, ворочается съ нихъ въ вѣнцѣ. Милый обычай. —

Поднявшись нѣсколько разъ на гору и спустившись съ нея, я подошелъ къ Петерсъ Баудѣ. Еще я шагахъ во ста отъ нея, а уже слышу музыку, взглядываюсь, и вижу у буды — 6 музыкантовъ, встрѣчая меня, играютъ приветственный маршъ. Очень хорошо; но тутъ не отдѣлаешься зильбергрошомъ. Почесалъ за затылокъ и далъ 5, да и далѣе.

Черезъ четверть часа пришли мы къ Штурмбаудѣ. Подхожу къ ней я опять слышу музыку и пѣніе. Вхожу — говорятъ по Чешски, поютъ по Чешски, — и тутъ старичокъ, двѣ дамы, нѣсколько человѣкъ простаго народа, а въ центрѣ мальчишка съ арфою играетъ польку и поетъ подъ нее Чешскую пѣсню, мнѣ знакомую. Я взомелъ и сталъ также пѣть. Дамы очень рады были встрѣчѣ съ человѣкомъ говорящимъ по Чешски. Въ двѣ минуты я былъ и съ ними и съ ихъ старичкомъ знакомъ какъ нельзя лучше. «Будемте же танцовать польку!» закричала одна дама, подбѣгая ко мнѣ. Будемте! и начали: я съ одною дамою, старичкомъ съ другою, мужики съ поселянками. Пылъ подняли столбомъ, хохотъ къ небу. — Тѣмъ грустнѣе было разставанье: я шелъ на Снѣжку, дамы со Снѣжки. Пожелали другъ другу добраго пути и разстались.

XXXVI

№ 25.

Сгорѣлецъ (Görlitz) 6-е Сент. 1840.

Такъ я, какъ видите, душенька Маменька, въ Сгорѣльцѣ; живу тутъ уже недѣлю, и останусь еще недѣли на двѣ. Иначе нельзя: кандидатъ богословія Смоларь¹⁾, что въ Нѣмецкомъ переводѣ Шмалеръ, учитъ меня Горно-Лужицкому нарѣчію, а между тѣмъ я перечитываю и переписываю драгоценныя рукописи библиотеки здѣшняго ученаго общества и, гуляя по окрестностямъ, знакоплюсь съ остатками древности—городищами и тѣмъ, что въ нихъ отрываю. На все это нужно время и я его не трачу. Вотъ какъ оно проходитъ:—Въ 6 часовъ стучится дѣвка и приноситъ кофе: этимъ начинается мое утро. Отъ 6 до часу я, безвыходно и безвызвотно, самъ себѣ дома. Ничто не мѣшаетъ, и я занимаюсь прилежно: устанетъ-ли рука писать, я ложусь на софу и читаю; а отдохнула рука, снова за перо. Утро проходитъ незамѣтно. Въ часъ иду обѣдать къ Оленю, въ концѣ втораго ворочаюсь и опять за работу до 4-хъ. Въ 4-е или я къ Смоларю, или онъ ко мнѣ. Если онъ ко мнѣ, то занимаемся до 8; а потомъ, оставшись одинъ, я занимаюсь до 10. Въ 10 ложусь, и до 11-ти читаю. Если я иду къ Смоларю, то вечеръ погибаетъ. Смоларь живетъ у Гаупта²⁾, и я въ сѣмействѣ Гаупта какъ свой. Болтовня, а иногда и пѣсни и танцы и Gesellschaftsspiele=фанты продолжаютъ до половины 11-го. Вечерній картофельный завтракъ бываетъ обыкновенно въ 8, потомъ приходятъ гости, также отужинавши, приходятъ съ чулками и трубками, и мало по малу разыгрываются. Пляшу и я. Съ тѣхъ поръ какъ я тутъ, гости у Гаупта чаще, потому что Русской въ Згорѣльцѣ—чудо невиданное.

7-е Сент.

Вчера воротился въ 11-ть, и мокрый какъ губка. Подумаете, дождь пзмочилъ: ничуть не бывало—плясалъ. Вчера было воскресенье. Я пошелъ къ Гаупту въ 3. Къ 5 собралось много, въ 6 заплясали и плясали до нѣтъ-мочи. Кавалеровъ было только четыре: Шмалеръ, совѣтникъ полиціи Келеръ, еще нѣкто Тейслеръ да я, а дамъ чуть не вдвое—и мадамъ Гауптъ, и мад. Келеръ, и мад. Тейслеръ, и мад. Директорша, и фрейлейнъ Адель (племянница Гаупта), и фрейлейнъ Августа (племянница Тейслера) и еще нѣсколько

¹⁾ Лия-Эрнестъ Смоларъ (Schmalcr)—самый замѣчательный и одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ представителей Лужицкаго возрожденія 1830—1840-хъ гг., глубокой знатокъ Лужицкихъ нарѣчій и Лужицкой народности. Имъ вмѣстѣ съ Гауптомъ при нѣкоторомъ участіи И. И. Срезневскаго издано обширное собраніе Лужицкихъ пѣсонъ (Pjesnički Pogruh a Dolnych Lužickich Serbow wydato wot L. Nawpta a Smolerja. Grymi 1842 — 1843).

²⁾ Гауптъ (L. Nawpt)—пасторъ, секретарь Сгорѣльскаго ученаго общества, вадатель Лужицкаго Магазина—одинъ изъ дѣятелей Сербо-Лужицкаго возрожденія 1830—1840 гг.

маленькихъ. Время прошло, какъ обыкновенно, очень весело: всё дурачились, дурачился и я, какъ бывало дома. Не только галопировалъ и вальсировалъ, но даже съ Смоларёмъ дернулъ по Вендски, а потомъ и по Чешски польку и рейдовакъ, а потомъ и по Русски козачка.

8-е Сент.

Вчера цѣлое послѣ обѣда гулялъ: въ часъ пошелъ къ Гаунту и отъ него съ Смоларёмъ, Кёлеромъ, какимъ то докторомъ да Гаунтомъ изъ города вонъ. Сначала въ деревню Эберсбахъ, гдѣ есть старинное городище, потомъ еще далѣе верстъ за 12 къ Кёнигсгайнскимъ горамъ. Какъ слоное тѣсто выдвинулись тамъ изъ горъ гранитныя скалы и прекрасно обрисовались оловымъ лѣсомъ. Виды видали, а между тѣмъ не забыты были и поиски старыхъ вещей. Мы съ Кёлеромъ лазили по разнымъ трещинамъ, искали урнъ, и нашли много черепковъ, а я нашелъ и бронзовый браслетъ и нѣсколько кусочковъ сжженныхъ человѣч. костей.

10 Сент.

Вчера опять послѣ обѣда не былъ дома, опять гулялъ. Все наше общество—до десятка дамъ, до десятка кавалеровъ, до десятка дѣтей—кто пѣшкомъ, кто въ Gesellschaftswagen'ѣ, помѣщающемъ 14 особъ—отправились къ горамъ Яворницкимъ, и тамъ пили кофе, пиво, вино, ѣли хлѣбъ съ масломъ, колбасы, пироги, пѣли пѣсни, и т. д. Шли иза ваше здоровье, милая Маменька, и я былъ увѣчанъ вѣнцомъ. Виды съ горы прекрасныя. Тутъ есть и старинное городище. Туды я ѣхалъ; оттуда шелъ пѣшкомъ.

Сегодня за то ни шагу изъ дому. Утро занимался самъ, не увидѣлъ какъ прошло утро,—и обѣдъ прогулялъ—не замѣтилъ какъ ударило три часа. Что-же за бѣда. Напился кофе, да и дѣло съ конпомъ. А вечеромъ со Смоларемъ напился чаю—и вовсе не голоденъ. Еще и лучше: четвертакъ въ карманѣ остался!!

12 Сентября.

Боже мой, сколько радости разомъ!—Что за радость? спросите Вы. Не опять-ли какаянибудь прогулка?—Нѣтъ, нѣтъ, лучше всякой прогулки, дороже всѣхъ мимолетнихъ знакомствъ, конечно пріятныхъ для одинокаго странника, но все таки мимолетнихъ.... Письма отъ Васъ, душенька Маменька, разомъ три (№ 6, 7, 8)—вотъ отъ чего моя радость. Такъ долго не получать (уже три мѣсяца какъ я выѣхалъ изъ Праги)—и вдругъ... Вы захотите знать, какъ я получилъ ихъ: очень легко и очень скоро: рѣшившись остаться въ Сторфьльдцѣ, я написалъ къ Доктору Станьку письмо, прося переслать все, что получено на мое имя хозяиномъ, Шафарикомъ и пр. Прошло дней пять-шесть и я все это получилъ—и письма отъ Васъ, и письма отъ моихъ старыхъ

друзей, и отъ разныхъ новыхъ знакомыхъ. Работы отвѣчать будетъ дня на полтора — и прежде всего вамъ:

Въ № 6 Вы повторяете, о чемъ писали прежде, что ноты получили всѣ кромѣ «Аве Магіа», — и между тѣмъ прежде писали, что получили 20 тетрадей: если получили по счету всѣ, то и «Аве Магіа» тамъ, или можетъ быть вмѣсто Аве я взяла что нибудь другое. — Такъ Листъ Вамъ не нравится? Жаль! Не потому жаль, что хорошо пишетъ (онъ и меня не восхищалъ, а только изумлялъ ¹⁾), а потому что я могъ бы прислать другое. Лабицкаго вышло еще одно попури: пришлю изъ Праги. — Если увидите незабвеннаго «бѣлобрысаго» Иванъ Васильевича ²⁾, то скажите ему, что онъ можетъ писать ко мнѣ на Шафарика въ Прагу, а я ему напишу можетъ быть изъ Др..., не скажу отъ куда, потому что мнѣ хотѣлось бы не говорить о томъ, куда ѣду, до самаго возвращенія въ Прагу: Вы, маменька, будете догадываться, а я воротясь въ Прагу буду любоваться Вашими догадками. — Къ брату я писалъ и надѣюсь получу отвѣтъ въ Прагѣ: письмо важное касательно высылки мнѣ денегъ изъ Министерства.

Въ № 7 Вы описываете Вашу переписку съ братомъ. Что я не могъ не плакать, что плакалъ и слезами радости и слезами гордости, имѣя такую мать, объ этомъ писать нечего; но не могу не повторить, что Вы, душенька Маменька, напрасно беспокоитесь обо мнѣ, о моихъ нуждахъ, о недостаткѣ денегъ въ моемъ карманѣ: не знаю, что будетъ далѣе, а до сихъ поръ, не отказывая себѣ ни въ чемъ, ни разу не грозилъ себѣ пальцемъ. Вина не пью и другихъ имъ не потчую, не наряжаюсь, въ карты не играю: только отъ этого и остерегаюсь (легко остерегаться отъ того, что для человѣка излишне). Все остальное — путешествіе, гулянье, концерты, театры, книги — стоитъ столько, что живу безъ всякаго разсчету. Одно поставилъ себѣ за правило: что оставляетъ по себѣ менѣ слѣдовъ на то менѣ и денегъ. — Далѣе о издержкахъ на письма: меня удивляетъ, что Вы платите такъ дорого! я за полученіе письма плачу 14 крейцеровъ = около пяти-алтыннаго, а за отправку — 20 = двугривенный. Поручите, Маменька, мнѣ отправлять Ваши письма, — и я буду платить несравненно дешевле. Впрочемъ безъ шутокъ: почта наша обманываетъ. Отправляя, платите только до границы, до Радзивилова, а остальное предоставьте мнѣ, — и увидите, что я не буду платить за полученіе болѣе пятиалтыннаго. — У васъ громы, а тутъ только дождички. За то урожай на фрукты — удивительный.

¹⁾ Въ подлинникѣ написано: «не изумлялъ, а только восхищалъ». Надстрочными цифрами порядокъ словъ измѣненъ, но по ошибкѣ вставки неврѣно. Подъ этими словами приписано: !?!?

²⁾ Иванъ Васильевичъ Росковшечко, товарищъ И. И. Срезневскаго по университету; встрѣтъ съ нимъ И. И. С-ій издалъ въ Харьковѣ въ 1831 г. Украинскій Альманахъ.

Въ № 8—описаніе поѣздки въ Ахтырку. Очень радъ, что и она и ея окрестности Вамъ понравились. Какъ-бы я желалъ быть тамъ вмѣстѣ съ Вами. Одного уже тамъ нѣтъ: добраго, почтеннаго отца Іоанна! Если увидите Чудновскаго, кланяйтесь ему, и пусть онъ кланяется всѣмъ Ахтырскимъ знакомымъ моимъ, а милой сестрицѣ поцѣлуетъ ручку и поздравитъ ее! Дай Богъ ей счастья!—Прощайте, Маменька, до завтра или послѣ завтра.

Вашъ старикъ.

XXXVII.

№ 26. Сгорѣлецъ. 20 Сентября.

Работаю днемъ какъ должно; а придетъ вечеръ, прибѣжать дѣти Гаупта (дочь 12 лѣтъ Теодора, другая маленькая Матильда да 2 сына Карлъ и Рудольфъ) и именемъ Маменьки говорятъ, что «картофель ждетъ». Черный картофель съ масломъ—это обыкновенный Гауптовскій ужинъ. Отужинавши садимся вокругъ стола, болтаемъ, читаемъ, играемъ въ фанты. Если соберется много, то столъ въ сѣни и начинаются танцы. О танцахъ я уже писалъ; о фантахъ еще нѣтъ. Болѣе другихъ любимы нами два:—является грифельная доска. Одинъ записываетъ на одной сторонѣ вопросъ, передаетъ кому хочетъ другому, тотъ, не зная вопроса, пишетъ на другой сторонѣ отвѣтъ,—и такъ доска ходитъ кругомъ стола. Соединеніе вопросовъ съ отвѣтами бываетъ чудное, подастъ поводъ къ смѣху, къ другимъ вопросамъ и т. д. Другая игра: Одинъ изъ общества выходитъ вонъ изъ комнаты, остальные назначаютъ слово для разгадки, такое слово, которое не легко отгадать, то есть которое имѣетъ много значеній: напр. листъ, странникъ, перо, ручка, шея. Выходившій призывается и спрашиваетъ поочередно всякаго трема вопросами: Гдѣ вы это любите? Какъ вы это любите? Почему вы это любите? Напр. Гдѣ вы это любите? Одинъ: подъ ногами, другой: подъ столомъ, третій: въ воздухѣ, 4-ый: въ вѣнкѣ, 5-ый: въ башнѣ, 6-й въ рукахъ и т. д. Какъ вы это любите?—1-й: желтый, 2-й: измятый, 3-й: летающій, 4-й зеленый, 5-й: старый, 6-й: большой. Почему вы это тамъ и такъ любите? 1-й: потому что люблю мечтать, 2-й: потому что мнѣ наскучило сидѣть за столомъ, 3-й: потому что напоминаетъ мнѣ о моей судьбѣ, 4-й: потому безъ него пестрота была бы неприятна, 5-й: потому что мнѣ хотѣлось бы найдти гдѣ нибудь старое новос, 6-й: потому что люблю своихъ родныхъ и друзей. Спрашивающій угадываетъ, и при чьемъ отвѣтѣ угадаетъ, тотъ заступаетъ его мѣсто. Угадали ли Вы, милая Маменька, отвѣтъ? Это 1) листъ осенній, 2) листъ печатанный 3) листъ оторванный отъ вѣтки, 4) листъ травы, 5) листъ старой рукописи, 6) листъ письма. Эта игра очень мила.

23-е.

Работы мои въ Сторѣльцѣ приходятъ къ концу: съ рукописями почти со всѣми сладилъ; сколько можно было собрать для исторіи литературы Вендской—собрано; этимологическій словарь Горно-Лужицкаго нарѣчія почти оконченъ.—Завтра или послѣ завтра прошусь съ Сторѣльцемъ.

А между тѣмъ начинаются прощанья.—Третьяго дни сѣмейство Гаупта ходило встрѣчать сестру г-жи Гауптъ на почту—изъ Бреслау. Отобѣдавши пришелъ и я. Въ ожиданіи мы велѣли подать себѣ кофе. При этомъ были сухари. Каждый съѣлъ по два: остался еще одинъ. «Съѣдимъ Vielliebchen!» сказала Гауптова.—Радъ, отвѣчалъ я, но прежде скажите, что это Vielliebchen?—«Съѣвши съ другимъ Vielliebchen, надобно постараться сказать ему на другой день: «guten Morgen, Vielliebchen!» прежде нежели это онъ успѣетъ сдѣлать.—и кто прежде скажетъ, тотъ выиграетъ, т. е. получить что нибудь на память». Очень хорошо: потчую. И такъ я раздѣлился сухаремъ съ Гауптовой, Аделью, Теодорою, Шмалеромъ и діаконшею Генрихенъ. Вчера чуть свѣтъ вбѣгаетъ ко мнѣ Теодора и кричитъ: «Guten Morgen, Vielliebchen!»—Програлъ. Въ 9 часовъ приходитъ Шмалеръ, говоритъ «Guten Morgen»—я въ отвѣтъ «Vielliebchen, guten Morgen!»—выигралъ. Дамы ждали меня цѣлое утро, и все время держали дверь на замкѣ. Въ часъ, когда я обыкновенно обѣдаю, онѣ перестали ждать, а я какъ тутъ: влетѣлъ,—и выигралъ. Смѣху было до слезъ. Я подарилъ Теодорѣ коробочку, она меня отдала тоже коробочкой, Гауптова подарила мнѣ тоже коробочку, Адель—видъ Герлица. Другихъ подарковъ еще не получилъ. Сегодня собралось у меня до полдесятка альбомовъ. —

24-е.

Сегодняшнюю ночь я почти не спалъ: легъ въ концѣ 2-го, а всталъ въ 6. Цѣлый день занимались съ Шмалеромъ. Подъ вечеръ пришелъ ко мнѣ Гауптъ, потомъ Тейслеръ, потомъ дѣти съ «картофель ждетъ». Пошли. Послѣ ужина собрались разныя разности. Болтали, я гадалъ и смѣшилъ, предсказывая Spektakel-Geschicht'ы. Читали, что я написалъ въ альбомы. Адель знаетъ по русски одно слово «прошу»,—и я написалъ ей:

Прошу

Своихъ друзей старинныхъ вспоминая,

И обо мнѣ, Срезневскомъ, вспомнить кой-когда—

Хоть такъ: «Изъ дальняго былъ странникъ края!»

Хоть такъ: «Бывалъ намъ странникъ страненъ иногда.

Изъ памяти жъ все злое выметая,

Забуть и обо мнѣ все злое навсегда

Прошу.

Теодоръ я написалъ:

Теодора, Теодора!

Сохранишь-ли мой листокъ?

Иль, какъ дикаго для взора,

Изъ альбомнаго узора

Вырвешь вонъ ты мой листокъ?

Теодора, Теодора,

Мой листокъ?

Теодора!

Этотъ пустякъ понравился всѣмъ такъ, что Гауптъ съѣлъ за фортопяно, сдѣлалъ для этого музыку,—и всѣ стали пѣть по Русски, приговаривая, что Русскій языкъ очень нѣженъ и звученъ. Я и забылъ сказать, что я былъ весь вечеръ въ цвѣточной гирляндѣ. Діаконша принесла мнѣ свой Vielliebchen. Это была кожаная подкладка подъ бумагу, что бы мягче было писать. Она была свернута въ трубку и обвита прекрасною цвѣтною гирляндю. Я снялъ ее съ кожи и надѣлъ на себя черезъ плечо. Гауптова надѣла мнѣ на шею шнурокъ, который носила нѣсколько лѣтъ, говоря, чтобы я помнилъ о ней по нему, Теодора привязала къ нему букетикъ незабудокъ,—и я выглядывалъ въ этомъ уборѣ такимъ солдаончикомъ, особенно когда началъ строить рожи и гадать, что всѣ помирали со смѣху.

Въ десять часовъ вечера разошлись,—а мы съ Шмалеромъ отправились ко мнѣ оканчивать словарь и работали до половины втораго.

Завтра въ путь.—Всѣ жалѣютъ, что я уѣзжаю; я также жалѣю, что расстаюсь съ Сторѣльцемъ: городъ не видный, но жилое мнѣ въ немъ хорошо.

Завтра ѣду. Прощайте, милая Маменька! Поклонитесь всѣмъ, кто меня не забылъ. Вотъ-вотъ дни черезъ четыре будетъ годъ какъ я выѣхалъ изъ Харькова: время слишкомъ большое для человѣческой памяти. Я не забылъ никого, но это другое дѣло: можетъ быть никто болѣе странника, одинокаго разумѣется, не живетъ въ прошедшемъ.

Гауптова приказала вамъ передать свой сердечный поклонъ.—

Скажите мнѣ, Маменька, что я долженъ дѣлать: просить-ли позволенія еще на полгода остаться за границей или нѣтъ? Какъ человѣкъ, какъ сынъ, я желалъ бы въ Харьковъ; но съ другой стороны въ годъ невозможно окончить путешествій, которыя мнѣ предстоятъ. Если я буду проситься и мнѣ не позволятъ, я буду радъ; но можетъ быть буду жалѣть что не получилъ позволенія.—Самъ не знаю что дѣлать.

Да не сердятся на меня, если я пришлю свой 2-й отчетъ позже, нежели слѣдуетъ. Въ дорогѣ писать невозможно, потому что много другихъ работъ.

Цѣлую ручку Вашу.

Дороговизна писемъ заставитъ, можетъ быть, меня писать рѣже. Не беспокойтесь: я здоровъ, слава Богу, какъ слѣдуетъ ¹⁾.

XXXVIII ²⁾.

.....
.....
.....

XXXIX.

№ 28.

Дрезденъ. 19-е Окт. 1840 ³⁾.

Угадали-ли Вы, милая Маменька, что здѣсь я начну мой № 28-й? Проѣхать мимо было-бы во всякомъ случаѣ непростительно: ворочаясь въ Прагу, я буду — можетъ быть навсегда, — прощаться съ сѣверозападнымъ угломъ Славянской Европы, въ Саксонію уже не приѣду, Дрездена не увижу; какъ-же не заѣхать въ него?—И я приѣхалъ сюда и я останусь здѣсь по крайней мѣрѣ $\frac{1}{2}$ мѣсяца. Тутъ отдохну отъ моихъ странствій по Лузаціи, поживу въ мирѣ художествъ; а мое Славянское дѣло будетъ идти своимъ чередомъ: время не будетъ потеряно.

Вчера, приѣхавши въ Дрезденъ въ 6 часовъ утра, и остановившись на время въ Hotel de Pologne, я таскался часовъ 5 по городу, посѣтилъ придворнаго капеллана Грабѣту, съ которымъ познакомился еще въ первый проѣздъ мой черезъ Дрезденъ, выслушалъ обѣдню въ католической церкви, а вечеромъ былъ въ театрѣ.—Прежде всего нѣсколько словъ о Дрезденѣ. На равнинѣ въ близи горъ и украшенной гористыми берегами Эльбы, на обонхъ берегахъ ея лежитъ онъ зеръ фрейндлихъ: на лѣвомъ берегу Старый городъ, на правомъ Новый, кругомъ нихъ предметія, расходящіяся по разнымъ направлениямъ все далѣе и далѣе. Красивыя, впрочемъ черныя зданія перемѣшаны съ домами чисто Нѣмецкими, небольшія, но довольно широкія и полныя жизни улицы съ переулками, грязными и глухими. Площадей много, но всѣ,

¹⁾ Приписано съ края письма.

²⁾ Это письмо было начато въ 1 книгѣ «Живой Старини» за 1891 г.; въ немъ идетъ рѣчь о путешествіи по Сербскимъ Лужицамъ, о знакомствѣ съ докторомъ Клинномъ, известномъ Сербо-лужицкомъ патриотѣ, съ Зейлеромъ, составителемъ Горно-лужицкой грамматики, со Смоляромъ и Гауптомъ.

³⁾ Письмо сохранилось въ двухъ вариантахъ; печатаемъ по болѣе полному; другой помѣщенъ въ приложеніи.

кромѣ Старого рынка или малы, или неправильны: за то ихъ такъ много, что заблудиться невозможно. Садовъ и алей еще болѣе, болѣе нежели въ предмѣстіяхъ Вѣны,—и это составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній Дрездена. Лучшимъ украшеніемъ Дрездена разумѣется остается Эльба съ ея превосходнымъ мостомъ (длиною до 600 шаговъ), съ ея живописными берегами. Словомъ: будь Дрезденъ чище, бѣлѣе и опрятнѣе, его можно бы назвать милымъ городомъ. О жителяхъ незнаю что сказать. Вчера было Воскресенье, и я видѣлъ Дрезденцевъ въ ихъ лучшихъ одеждахъ, видѣлъ разнообразіе вкусовъ и еще болѣе безвкусіа: о изяществѣ простоты тутъ кажется вовсе не имѣють понятія. Вчера-же, искавши себѣ квартиры, я заходилъ въ очень многіе дома, и не могъ не замѣтить, что входы въ дома, лестницы, сѣни, корридоры ужасно, жалостно нечисты. Развѣ въ одинъ изъ 20 домовъ не отвратительно войдти, а въ иномъ встрѣчаешь такую вонь, что поскорѣе направо кругомъ да подалѣе. Ужъ разумѣется причиною нечистоты не что другое какъ то-же безвкусіе жителей. Безвкусіе — внѣшность безхарактерности — неотъемлемое качество Дрезденцевъ. — Католическая церковь, лучшая въ Саксоніи, въ самомъ дѣлѣ хороша. По воскресеньямъ въ 11 часовъ бываетъ тутъ торжественная обѣдня въ присутствіи короля и королевской фамиліи и съ превосходной музыкой: побывать въ это время въ церкви точно стоять: пѣвіе разумѣется не чета нашимъ, но музыканты — мастера, а органъ, послѣднее твореніе Зильбермана, удивителенъ. — Театръ новый отстраивается и будетъ великъ и хорошъ; старый же покамѣстъ отмѣнно тѣсенъ и грязенъ. Взявши мѣсто въ *Segele* (что у насъ называется — въ кресла), я вошелъ: смотрю на указанную мнѣ скамью, — вся полна; пробираюсь, продираюсь, ищу, нахожу свой № между двумя дамами, говорю имъ — не отвѣчаютъ; что дѣлать! вспомнилъ, что я между Нѣмцами, сказалъ: «*um Entschuldigung*», и сѣлъ на моихъ сосѣдовъ какъ въ кресло. Вы хотите, милая Мамонька, и называете меня невѣжкою; иначе нельзя: не сдѣлай я этого, и не получилъ бы своего мѣста. Притомъ-же что страна то обычай: многое что въ Россіи показалось бы страшнымъ невѣжествомъ, тутъ не возбуждаетъ и мысли о невѣжествѣ. Еще не поднялся и занавѣсъ, а я уже былъ съ моими сосѣдами пріятелемъ... Я успѣлъ въ это время осмотрѣть публику: рядовъ много на такъ называемыхъ дамахъ, но безвкусіе, рожи, а общество кавалеровъ не годилось бы и для Харьковскаго театра. Наконецъ занавѣсъ поднялся... раздалась скрипка Липинскаго, потомъ вышла Шрёдеръ-Деврианъ... было уже не до публики. Давали Монтекки и Капулетти, и Шрёдеръ играла роль Ромео. Ея альтъ не такъ чистъ и полонъ, какъ у незабвенной Брамбиллы, но изящество управленія голосомъ, удивительное *sotto-voce*, одушевленіе и притомъ драматизмъ игры, вѣрность тѣлодвиженій тѣмъ болѣе поразительная.

что въ роли мужчины не видишь женщины, восхитять хоть кого. Особенно превосходны сцена погребенія и весь конецъ: слышишь Липинскаго, видишь Шрёдеръ, вспоминаешь Шекспира — наслаждаешься. Жаль что Кортенъ въ роли Джульетты была слаба, если не отъ недостатка дарованія, то отъ трусости (это былъ ея дебютъ на Дрезденской сценѣ).—День окончился для меня совершенно неожиданно: выходя изъ театра, слышу русскіе голоса, оборачиваюсь — Калиновскій¹⁾, Берлинскій знакомецъ передо мною. «Давно Вы здѣсь?» — Сегодня пріѣхалъ; таскался по Лузаціи. А Вы?—«Недѣлю живу; былъ въ Саксонской Швейцаріи, и черезъ 2 недѣли ворочаюсь въ Берлинъ»²⁾.— Пошли ко мнѣ, потомъ къ нему,—и проболтали до одинадцати.

20-е Окт.

Только что воротился изъ театра. Былъ въ немъ третьяго дня, былъ и вчера, былъ и сегодня. Вчера давали «Коварство и любовь», и дали превосходно: Девриенъ игралъ Карла, Аншюцъ—Луизу, Бауеръ—Мильфордъ,— и можно бы исчислить всѣхъ. Особенно удивительна была Бауеръ: кажется самъ Шиллеръ не могъ бы придумать лучшаго исполненія для характера леди. А Аншюцъ... глядя на нея, я вовсе забылъ, что она Аншюцъ... видѣлъ въ ней... угадаете-ли кого?—М. Fanny³⁾: и физіономія, и ростъ, и походка, ну все, все какъ у Фанни, даже голосъ. Сегодня опять опера, но уже не на Итальянскомъ языкѣ, а на Нѣмецкомъ: Пуритане. Марксъ играла Эльвиру, а ея милаго—Тихачекъ. Опять чудесно, особенно музыка.—Утромъ и вчера и сегодня ходилъ въ картинную галерею. Что за галерея! Слишкомъ 2000 картинъ, и какія есть!—Прежде всего о препрославленной Рафаелевой Мадоннѣ. Рафаеля такъ хвалятъ и Рафаель такъ мало удовлетворялъ моему ожиданію, что я прежде всего пошелъ отыскивать эту Мадонну, что-бы или увѣриться, что для живописи должна еще наступить эпоха, или пасть передъ доселѣ непонятнымъ мною гениемъ Рафаеля. Отыскать было не трудно: около нея всегда много зрителей... Держа на правой рукѣ Спасителя, Она паритъ на облакахъ; св. Варвара на лѣво у ногъ ея опустила глаза въ землю, папа Сикстъ на право молится — оба тонутъ въ облакахъ; въ самомъ низу, облокотившись на доску, два ангельчика смотрятъ на публику; все освящено свѣтомъ, исходящимъ отъ Дѣвы и Спасителя; въ небѣ, вверху, какъ сквозь туманъ видны тысячи ангельскихъ головокъ. Я сѣлъ, и съ полчаса смотрѣлъ, не сводя глазъ. Божія Матерь не красавица, но очень мила, и физіономія не выра-

¹⁾ О немъ см. въ письмѣ XIV.

²⁾ Во втор. вариантѣ: въ Лейпцигѣ.

³⁾ Ф. С. Питра.

жасть ничего кромѣ невинности, ликъ Спасителя напротивъ поразительно одушевленъ, а с. Варвара красавица полная жизни. Если для Богоматери довольно одной чистой невинности, то Рафаель достигъ своей цѣли: лучше выразить и отгнѣить невинность не возможно. Чѣмъ болѣе глядишь, тѣмъ болѣе понимаешь святость невинности, тѣмъ болѣе проникаешься чувствомъ, что никакая красота не можетъ быть сравнена съ невинностію... Но... и тутъ я вѣрно показался бы смѣшнымъ для многихъ живописцевъ. Между картинами Венеціанской школы я замѣтилъ одну—Петра Ротари—Ночь бѣгства св. сѣмейства: Б. Матерь держитъ на лѣвой рукѣ Спасителя, а правую приподняла немного, и мыслию несется къ Богу, ему поручаетъ судьбу свою и Младенца. Сзади смотритъ Іосифъ на Младенца; въ одномъ углу осель пьетъ воду, въ другомъ какія то двѣ женщины, на верху ангелы въ разныхъ положеніяхъ. Ночь; все освѣщено свѣтомъ, исходящимъ отъ Младенца. Объ обстановѣ ни слова; но сколько величія въ выраженіи лика Б. Матери: таже невинность, и тутъ-же святое чувство преданности Богу и надежды на Его помощь. Б. Матерь Ротари мнѣ нравится болѣе нежели Рафаелева, болѣе меня одушевляетъ. Всѣ другія Мадонны мнѣ не нравятся, ни даже Мадонна моего стараго пріятеля Франчески Франчіи ¹⁾.—О другихъ картинахъ послѣ. Теперь спать: бьетъ 11.

XL.

№ 28.

Дрезденъ. 1840. Окт. 28 ¹⁾

И такъ я въ Дрезденѣ, — и Вы, милая Маменька, конечно, угадали, что я сюда направляю свой путь. Быть такъ близко отъ Дрездена и не вернуться въ него — это было бы по крайней мѣрѣ странно. Я же тутъ не только отдыхаю отъ Лужицкихъ приключеній и работъ, но и занимаюсь—занимаюсь, сколько позволяетъ время. Не подумайте, что я завелъ тутъ какія нибудь знакомства, отнимающія время: кромѣ дѣловыхъ никакихъ нѣтъ, да и нѣ къ чему; но картинная галлерей, но разные музеи и кабинеты... они отворены, а я хоть и плохой, но все же любитель художествъ. И день за днемъ проходятъ такъ, что и не видишь.

Впрочемъ прежде всего о моемъ жительствѣ. Зная, что въ отели нельзя

¹⁾ Франческо Франчія—герой одного изъ юношескихъ произведеній П. И. Срезневскаго «Rhapsodia Sonatina» (Московский наблюдатель. 1837. XI. 21—75).

²⁾ Этого письма два варианта. Одинъ болѣе полный и болѣе отдѣланный почтателемъ адъсъ; другой помѣщенъ въ приложеніи. Письмо это сходно и №-мъ, и отчасти содержаниемъ съ предыдущимъ, какъ отличающееся въ общемъ, отъ него почтателемъ нами въ текстѣ. Весьма вѣроятно, что оба письма были посланы по назначенію.

издерживать въ день менѣе 2-хъ талеровъ, я остался въ *Hôtel de Pologne* только два дни: Въ *Wilsdruffer Gasse*, въ № 28, первый этажъ занимаетъ вдова Мильднеръ, и, сама занимая крошечную горенку, другія отдаетъ въ помѣсячный наемъ пріѣзжимъ: у вдовы Мильднеръ живу и я. И я! Нѣтъ, живу я да еще одна молоденькая Польская графиня съ теткой да и только. Мои сосѣдки занимаютъ одну большую комнату и шляфъ-кабинетъ, я тоже шляфъ кабинетъ и комнату не такъ большую. Наши комнаты сходятся дверями, ничѣмъ незаставленными, и, что нельзя не замѣтить, мы, сосѣди, довольно другъ другомъ какъ нельзя болѣе: отъ меня не слышно ни одного слова, потому что я самъ съ собою не говорю; отъ сосѣдокъ же слышу только шопотъ. Молоденькая графиня отправляется каждый день куда-то учиться (ей только 14 лѣтъ), а г-жа тетюшка пресмирная женщина. Только вечеромъ, въ 10-мъ часу, слышу я довольно внятно «Отче нашъ» и еще нѣкоторыя молитвы и потомъ все смолкаетъ. Мнѣ даже досадно, что не могу слышать болѣе. Я уже говорилъ объ этомъ моей хозяйкѣ. Хозяйка же передала мнѣ слова г-жи тетюшки такъ: «Онъ долженъ быть прекрасный человекъ: съ вами говоритъ такъ вѣжливо и тихо, и все дѣлаетъ такъ тихо. Онъ долженъ быть литераторъ: я только и слышу отъ него, что или скрипъ пера или шелестъ листовъ». Можете представить какъ у насъ тихо, когда и перо мое не плохой ораторъ. Въ прошлое воскресенье послѣ обѣда лежалъ я на софѣ, и вздремнулъ; дремалъ, дремалъ,—и вотъ слышу—молоденькая графиня начинаетъ напѣвать какую-то пѣсенку громче и громче. Дремлю и слушаю. Это продолжалось бы вѣроятно долго, если бы моему носу не вздумалось подать голосъ одобренія. Я чхнулъ... пѣсня прервалась, — и вмѣсто пѣсни я услышалъ только шопотъ «видишь, я тебѣ говорила, что онъ дома». У графини есть дѣвушка служанка, Полька; но и это не разрушаетъ покоя: я только два раза говорилъ съ нею по Чешски, и то въ потьмахъ, а потому и не знаю даже ея физиогноміи. Хозяйка моя — старушка и предобрая, преуслужливая: она очень рада, что я вступаю съ нею въ разговоръ и сажаю на софу, и за это величаетъ меня всегда «милостивымъ господиномъ». Этого мало: она убрала и постель мою тюфякомъ и одѣяломъ—по русски, и подлѣ постели разложила коверъ. Съ ея служанкой Каролиной, завѣдывающей чистотою и теплотою моей комнаты, сапогами, платьемъ, кофе и пр., мы также въ миру.—За комнату плачу 1½ талера въ недѣлю.

День мой проходитъ такъ: въ 7-мъ часу встаю и пью кофе, и до 10-го занимаюсь. Потомъ вонъ изъ дому—въ галлерей, библіотеку и т. п. и обѣдать. Въ 2 домой и занимаюсь. Въ 6 — въ театръ — почти каждый день. Въ 9 домой, пью чай и занимаюсь до 11. Исключенія рѣдки. Придворный капелланъ Грабѣта, Чехъ, и библіотекаръ Публичной библіотеки

Клемъ ¹⁾—единственные знакомые, меня посѣщающіе. Въ Тиву ²⁾ собираюсь идти, но до сихъ поръ не собрался. У Липинскаго тоже еще не былъ. Съ нѣсколькими Русскими говорилъ въ театрѣ да и только. Былъ правда тутъ и Калиновскій изъ Берлина, но уже уѣхалъ.

Что же сказать Вамъ о Дрезденѣ. Онъ не больше Харькова, и Эльбою раздѣленъ на двѣ части: на лѣвомъ берегу Altstadt, на правомъ Neustadt. Neustadt чище, правильнѣе улицами, новѣе домами, но смиренъ какъ наша Залопань ³⁾; Altstadt шуменъ какъ ярмарка. Отъ Эльбскаго моста идешь прямо къ Georgenthor, видишь на право католическую церковь и за нею театръ, на лѣво, изъ-за строеній Frauenkirche, прямо передъ собою старый шлюссъ, и черезъ Georgenthorходишь въ Schlossgasse, и въ три минуты доходишь по ней до прекрасной площади Altmarkt, заворачиваешь на право, и по Wilsdruffergasse доходишь въ 2 минуты до почты; оттуда на право до Цвингера не далѣе какъ до церкви Дмитрія ³⁾ и оттуда до театра, какъ отъ церкви до острога; оттуда, мимо Католической церкви, Georgenthor и моста 200 шаговъ до Брюлевой террасы; оттуда до Neumarkt, гдѣ и картинная галлерей не далѣе какъ до церкви Рождества ⁴⁾, оттуда шаговъ 300 — 400 до Altmarkt: это центръ города и шума и дѣятельности. Въ Neustadt'ѣ отъ моста до Японскаго дворца, гдѣ и библіотека, не далѣе какъ отъ Лопанскаго моста до Коллегиума. Въ Neustadt'ѣ Hauptstrasse и Königsstrasse широки и украшены деревьями; въ Altstadt'ѣ кругомъ главной части города идутъ аллеи. Лучшее украшеніе Дрездена — Эльба; не Нева, но всетаки роскошная рѣка. Мостъ черезъ нея 600 шаговъ длиною, прекрасный. Виды съ моста на Дрезденъ и окрестности очень милы. И самъ Дрезденъ былъ бы очень милымъ городомъ, если бы не этотъ мерзкій сѣрой цвѣтъ всего—отъ мостовой до постарѣлыхъ черепичныхъ крышъ. Магазины на Schlossgasse и Wilsdruffergasse богаты и красивы: такъ бы вотъ и купилъ то и другое. Толкотня на этихъ улицахъ, какъ и на мосту, непрерывная—до 10 часовъ. Въ 10 все ложатся спать. Разговоръ Англійскій, Французскій, Польскій слышишь почти такъ-же часто, какъ и Нѣмецкій; Русскій разговоръ также не рѣдкость. Пріѣзжіе каждый день сотнями. Вообще Дрезденъ кажется мнѣ городомъ на водахъ: коренные жители—слуги пріѣзжихъ. Столичнаго—ничего невидно. Я впрочемъ не понимаю, что привлекаетъ сюда пріѣзжихъ и особенно на зиму: я бы не промѣнялъ Вѣну на Дрезденъ.

¹⁾ Friedrich Gustav Klemm (1802—1867)—извѣстный историкъ и археологъ.

²⁾ Christian Fridrich Tieck (1776—1851)—скульпторъ.

³⁾ Въ Харьковѣ.

⁴⁾ Въ другомъ вариантѣ этого письма: «не далѣе какъ отъ Университета до церкви Рождества».

Пора бриться, и въ библиотечку, а послѣ обѣда въ Porcelain-Sammlung: вчера вечеромъ былъ у меня Клемъ, и мы условились съ нимъ.

Вечеромъ.

Цѣлое послѣ обѣда не былъ дома, и только что воротился. Въ 2 часа пошелъ въ Porcelain-Sammlung, гдѣ меня дождался Клемъ, и до четырехъ проходили съ нимъ по заламъ или лучше сказать погребамъ этого превосходнаго и оригинальнаго музея. Передъ глазами вашими цѣлая исторія глиняныхъ, работъ, начиная отъ простаго горшка Индійскаго или Германско-Славянскаго до чудныхъ произведеній Мейссенской фабрики въ послѣднемъ вкусѣ. Вещи надобно считать не 1000-ми, а десятками тысячъ. Особенно богаты собранія Китайскихъ и Саксонскихъ фарфоровъ. И чего тутъ нѣтъ: о вазахъ и говорить нѣчего; самыя скульптурныя произведенія, истинно прекрасныя, безъ сщету. Не знаю, какъ попался сюда и Монгольскій храмъ со всѣми принадлежностями. Клемъ самъ приводилъ въ порядокъ это собраніе, и потому ничто занимательное не было нами упущено безъ вниманія. Потомъ мы пошли за городъ въ Присницкую долину и, наплавшись порядкомъ по этимъ прекраснымъ мѣстамъ, закусили въ Waldschlöschchen, куда собираются Дрезденцы пить знаменитое пиво. Видъ отсюда на Эльбу и Дрезденъ чудесны.

Завтра же начну другое письмо о Дрезденѣ, о галереѣ и пр., а теперь покойную ночь.

Кланяйтесь, милая Маменька, всѣмъ нашимъ знакомымъ. Цѣлую ручку Вашу.
Срез.

XLI.

№ 29.

Д р е з д е н ь . Окт. послѣднее.

Баста! чего не довидѣлъ, не досмотрѣлъ, уже не довижу, не досмотрю. Баста! Всѣ собранія драгоцѣнностей заперты и отворятся только для того, кто захочетъ платить за каждый входъ по 2 талера. Теперь можно сказать: «прощай, Дрезденъ!»—Хоть нѣсколько словъ, но все же надобно Вамъ сказать, милая Маменька, о томъ что я видѣлъ и чего уже не увижу въ Дрезденѣ.

Начну съ картинной галереи, этого солитера въ Дрезденскомъ фермуарѣ собраній рѣдкостей. Она помѣщается въ такъ называемомъ Stallgebäude, зданія вовсе не красивомъ, на Neumarkt'ѣ, и занимаетъ весь бель-этажъ—14 залъ. Снизу до верху всѣ стѣны плотно увѣшаны картинами: ходи и любуйся, жаль только, что плохое освѣщеніе иногда не позволяетъ любоваться, тьмить картину такъ, что съ какой стороны ни подходи, не увидишь хорошо. Ну, какъ бы

ни было, пойдемъ. Входя, я не забылъ, что тутъ же и знаменитая Рафаэлева Madonna di san Sisto. Къ ней, къ ней! Къ сожалѣнію я не Франція, ни художникъ, ни ремесленникъ въ дѣлѣ живописи, и хоть нашелъ ее безъ труда, но за то и глядѣлъ на нее какъ-то хладнокровно ¹⁾. Извольте видѣть: картина большая — 9 футовъ вышины, 7 лирины, фигуры въ естеств. величинѣ. Св. Дѣва съ Младенцемъ на правой рукѣ поднимается выпрѣ на свѣтломъ облакѣ; св. Варвара, на лѣво, ниже св. Дѣвы, глядитъ на двухъ ангельчиковъ, которые, опершись на что-то деревянное, разсматриваютъ—публику; на право Папа Сикстъ преклоняетъ колени передъ св. Дѣвой и грузнеетъ въ облакѣ, на которомъ стоитъ; въ верхней части неба видно множество ангельскихъ головъ; часть неба съ обѣихъ сторонъ закрыта занавѣсомъ. Лице св. Дѣвы красота и невинность, тѣмъ болѣе поразительная, что ее не видишь ни на одномъ изъ другихъ лицъ: лице младенца выражаетъ какую то буйность, разумѣется, въ хорошемъ смыслѣ этого слова; св. Барбара немножко кокетка; Папа лице портретное; ангельчики—жирныя дѣти. Теперь спрашиваю васъ: понравилась ли бы вамъ такая Мадонна? И спрашиваю себя: ужели я не могу восхищаться только потому, что другіе восхищались, и что самъ я не могу написать ни такъ, ни въ тысячу разъ хуже? Я не говорю о такъ называемой правильности, о которой судить можетъ только тотъ кто изучилъ анатомію и перспективу: но мысль... она всякому приступна. Мысли—я не вижу въ этой картинѣ. Папа молится, но св. Дѣва не обращаетъ на него никакого вниманія, а Младенецъ занятъ совершенно другимъ; ангельчики смотрятъ на публику, а св. Варвара на нихъ: что-же тутъ цѣлаго? Если бы я былъ Рафаелемъ и долженъ былъ писать картину въ такихъ предѣлахъ, я бы сдѣлалъ такъ: мѣсто ангельчиковъ поставилъ бы людей молящихся, лице Варвары выражало бы «молитесь», а ликъ св. Дѣвы долженъ былъ бы выражать не только невинность, но и упованіе на Бога и на того, кого матерію быть избрана Богомъ. Или, лучше сказать,—я бы вовсе не писалъ такой картины. Впрочемъ невинность св. Дѣвы—такая невинность, какая можетъ быть только у св. Дѣвы и какую написать могъ одинъ Рафаель. Еще два слова: мнѣ кажется или и гдѣ-то читалъ, что картина эта не до чиста отдѣлана, и думается, что, если-бы Рафаель совершенно докончилъ ее, то на лицѣ св. Дѣвы увидѣли бы не только невинность, но и вѣру. Невинность и вѣра—это все, что можетъ небесно угѣшать, возносить къ небу земное.—Въ той же комнатѣ есть три Мадонны Корреджіо и нѣсколько другихъ: глядя на нихъ понимаешь величіе Рафаэля, отварачиваешься отъ нихъ. Только въ св. ночи Корреджіо поражаетъ мысль: вся картина освѣщена свѣтомъ, исходящимъ отъ родившагося младенца, и одни пали передъ нимъ, другіе не могутъ сно-

¹⁾ Ср. описаніе Сикстинской Мадонны въ письма № 28.

свать своими преступными глазами чистоты божественнаго свѣта. За то сама Богоматерь—обыкновенная женщина. Въ томъ же родѣ Ночлегъ бѣгства Ротари, и молящійся ликъ св. Дѣвы прекрасенъ... «Гдѣ Сальваторъ Роза? Тутъ есть Сальваторъ Роза: гдѣ онъ?»—Пожимаютъ плечами, не знаютъ. Перебираю поочередно картины всѣхъ Неаполитанцевъ,—и вѣтъ Розы. Наконецъ выхожу въ предположеніи, что его картина по какому нибудь случаю снята. Глядь на двери—это что за маракса? Ни неба, ни земли; въ уголку прижались люди, да ихъ почти не видно: просто—сѣрозеленая маракса... №?—№ 357. Ищу въ книгѣ... Ба, да это Сальваторъ Роза, его ночная буря! Ну, прошу покорно, куда его запртали! Впрочемъ самъ виноватъ: размѣръ картины слишкомъ малъ для предмета. Займи онъ этой картиной стѣну, а не 7 футовъ,—и его картина пугала бы не на шутку.—О другихъ картинахъ внутренней, т. е. Итальянской галлерей умолчу: иначе конца бы не нашель письму. Виѣшная галлерей начинается Французской школой,—и по дѣломъ: этой Французской школѣ лучшее мѣсто въ передней. Далѣе старые Нѣмцы: препочтенные люди съ своими Японскими физиогноміями и безтѣнностію тѣни, безсвѣтностію свѣта. Далѣе—Саксонцы, далѣе ¹⁾ отъ нихъ. Далѣе—все еще Нѣмцы; однако тутъ есть Сивилла и Весталка Анжелики Кауфманъ, и тутъ же Зейбольда Старикъ и старуха. Спросить бы этого старика и старуху: «когда они умрутъ?» Старье,—а такъ вотъ и живеть, и старуха еще хочетъ казаться молодою, а старикъ еще и смѣется. Въ слѣдующей залѣ Рембрандцы и другіе Нидерландцы. Войдешь въ залу, оглянешься,—и непременно замѣтишь Снейдерсову Дичь: дичь какъ мертвая, а тутъ еще и собака съ костью и со щенками, и огрызается на другую, и во весь ростъ кухарка съ мужемъ цѣлуются во весь ротъ ²⁾. И какъ встать: подлѣ этой картины Рембрантово Жертвоприношеніе Моноа и жены. А тамъ—что тамъ за картиночка, или лучше что это за 2 пятнущка на черномъ полѣ? Подхожу, присматриваюсь,—на силу увидѣлъ: дѣвушка у бочки, а подлѣ нея съ лампою хлопчикъ, и толкуютъ. Это произведеніе милаго Жерарда Dow. Люблю я эти темныя картины,—и ихъ есть въ галлерей нѣсколько: еще одна, того-же Дау—дѣвушка у окна, Шалькона бюстъ Венеры, разсматриваемый художникомъ, Рубенсова Старуха съ угольями, Эльстовъ Старикъ передъ угольями, Метцовы Мужъ съ женою, Доуова-же парочка Нѣмецкихъ или Голландскихъ любовниковъ. Нельзя не любоваться. Впрочемъ что-бы не сбиться съ толку, ворочаюсь въ ту залу, гдѣ Дичь. Тамъ же большая картина Гонторста: зубной лѣкарь вырываетъ мужику зубъ, другіе смотрять; и смѣшно, и жалко. А вотъ Рембрантовъ орелъ схватилъ дитя и летить: ай, ай, ай—поневоля у...са. Тутъ же многія вещи Теньера, худо освѣщенныя.

¹⁾ Въ подл.: дѣлѣе.

²⁾ Въ подл.: ростъ.

Въ слѣд. залѣ... ба! какой-то чудакъ съ обезьяною на плечѣ: Сальваторъ Роза «властною рукою». А вонъ и другой чудакъ, жена подъ рукою, вино на столѣ, и хоть свѣтъ пропади: «рукою властною» Рембрантъ. Въ слѣд. залѣ между прочимъ Дауовъ писарь съ очками на носу чинить перо: не мѣшайте, осердитесь, — вѣдь онъ перо чинить; очинить и потомъ — будетъ писать. Въ слѣд. залѣ Нѣмцы смѣшаны съ Испанцами и Итальянцами. Нѣмецкаго особенно замѣчательнаго ничего нѣтъ; за то тутъ же 5 видовъ Венеціи Каналетто, и Сегалова женщина — земная красавица, и Цурбаранова Магдалина — нельзя сказать, что не Магдалина. Тутъ же Муриллова Мадонна — хорошенькая, болѣзненная и прехитрая: чудное понятіе о Мадоннѣ. — Но довольно. Хорошо все это разсматривать, хорошо описывать подробно; а такъ, въ письмѣ — скучно и для васъ, и для меня. Въ Дрезденской галлерей слишкомъ 2000 картинъ: есть что выбрать. Я ходилъ въ нее почти каждый день, и каждый день находилъ новое, незамѣченное — и въ томъ, чего не видѣлъ, и въ томъ, что видѣлъ. Счастливыцы Дрезденцы: они могутъ съ Мая до Ноября, съ 9 до 1 часу ходить. А мнѣ уже не видать какъ затылка своего!

Въ томъ же Stallgebäude въ низу... но нѣтъ. Право спать пора. Мои сосѣдки покоятся, и все уже покоится. Сегодня празднуютъ Реформацію: я знаю это потому, что хозяйка принесла къ кофе Reformationsbrödchen.

Вашъ Сра.

XLII.

№ 30.

Д р е з д е н ь . Ноября 1.

Продолжаю описаніе Дрезденскихъ заведеній. — Въ томъ же зданіи, гдѣ картинная галлерей, находится и Оружейная палата, со многими любопытными старыми вещами, и превосходная галлерей Менгсовыхъ отливокъ (или какъ это называется? — Abgüsse) лучшихъ Итальянскихъ произведеній ваянія. Жаль (!), что ихъ черезъ чуръ много: глазу трудно уединиться, и онъ забываетъ цѣну того, на что смотреть. Впрочемъ я и не охотникъ до ваянья.

Далѣе. Надъ Эльбою возвышается нѣчто въ родѣ бульвара и называется Брюлевскимъ садомъ; съ другой стороны этого возвышенія проходятъ улочка въ родѣ канала: Брюлевскій дворецъ перекинулся сводомъ черезъ эту улочку, и, одною стороною выходя къ саду, другою выходитъ, пересѣкая собою весь кварталъ, на другую улицу. Отличнаго въ зданіи впрочемъ ничего нѣтъ. Въ этомъ дворцѣ есть собраніе видовъ Саксоніи Каналетто и Тиле и 6 ковровъ съ картинами по Рафаелю. Кое-что видѣлъ, но не многое; потому что дворецъ поправляется. Ковры полняли; а виды Каналетто прекрасны — особенно Дрезденскіе.

Во дворцѣ показывается только такъ назыв. Grüne Gewölbe. 8 небольшихъ залъ съ разными драгоценностями: есть прекрасныя вещи изъ слоновой кости, янтара, много брилльянтовъ, много старинной утвари; поразительнаго ничего. За входъ платится отъ 6 особъ 2 талера. Объясненія ведущаго довольно глупы, а заглядывать въ описаніе некогда.

Цвингеръ, дворъ для нестроенаго и не имѣющаго строиться дворца, чудной архитектуры, но болѣе мелочной, нежели изящной, заключаетъ въ своихъ настѣнныхъ зданіяхъ натуральные кабинеты, физикоматематическій, моделей, историческій музеумъ и кабинетъ гравюръ. Я былъ только въ двухъ послѣднихъ: въ первомъ много старыхъ вещей, на которыя я и обращалъ особенное вниманіе, а во второмъ надобно прожить мѣсяць, чтобъ узнать что-нибудь, а я пробылъ три часа.

Въ Японскомъ дворцѣ, довольно большомъ и порядочномъ по архитектурѣ, кромѣ библіотеки, занимающей 2 верхніе яруса, и гдѣ кромѣ 300,000 книгъ и 150,000 диссертаций, находится около 3000 рукописей и болѣе 20,000 ландкартъ, помѣщается еще Мюнцкабинетъ и Собраніе Древностей, а въ подвалахъ (иначе нельзя назвать этихъ подземныхъ корридоровъ)—собраніе фарфоровъ. Въ собраніи Древностей много статуй, много урнъ, есть и муміи: разставлено прекрасно, но собраніе не богато. Собраніе фарфоровъ за то и разставлено хорошо и очень богато. Я уже не говорю о фарфорахъ Европейскихъ: въ этомъ собраніи можно слѣдить исторію этого искусства въ Европѣ; самое собраніе фарфоровъ Китайскихъ и Японскихъ удивительно огромно. Не знаю съ какой стати тутъ же помѣщена и Монгольская модельня.

Во многія изъ сихъ собраній ходили мы съ Клеммомъ, библіотекаремъ Публ. Библіотеки. Онъ занимается Германскими древностями, и, поспоривши сначала со мною о германизмѣ многихъ старыхъ вещей, захотѣлъ потомъ знать, что я считаю не Германскимъ. По этому случаю я осмотрѣлъ и то, что не принадлежало къ нашему вопросу, обстоятельнѣе и подробнѣе. Клеммъ во многихъ кабинетахъ свой, и объяснялъ мнѣ самъ все, заслуживающее вниманіе.

Ну, о чемъ же теперь?—О театрѣ?—Очень хорошо. Вы уже знаете, гдѣ стоитъ онъ въ Дрезденѣ. Новый строится, и будетъ прекрасенъ, а старой плохъ, очень плохъ, и снаружи и внутри. За то оркестръ чудо: всѣ до одного мастера, между которыми не стыдится сидѣть и Липинскій; исполненіе столь же одушевленное, сколько и отчетливое, и фиглярства нѣтъ. Между астерами есть также замѣчательные таланты, да и вообще вся труппа хороша, жаль, что иногда роли не по лицамъ. Девріану даютъ первое мѣсто. Глубины характера въ немъ нѣтъ; но въ драмахъ изъ обыкновенной жизни онъ очень хорошъ: естествененъ и умѣетъ заставить Нѣмца поплакать и посмѣяться. Паули—комикъ, жаль, что для ролей однихъ стариковъ. О дру-

гихъ мужчинахъ молчу. Изъ женщинъ — несравненная дѣвица Бауеръ: женщина молодая, статная, прекрасная собою — и все, только не любовница и не мать семейства; леди Мильфордъ (въ Коварствѣ и Любви) — ея настоящая роль. Не могу не вспомнить и о дѣвицѣ Аншюцъ, хоть она тутъ и гостья: во первыхъ она напомнила мнѣ — о д. Фанни, на которую изумительно похожа и лицомъ, и голосомъ; а во вторыхъ прекрасно играетъ. Въ роли дѣвушки простаго званія, дѣвушки въ добромъ сѣмействѣ, дѣвушки наввно-влюбленной — она сама природа, — и всякую ролю умѣетъ такъ отгѣнить, что всюду видишь ее какъ будто въ первый разъ. Она играла даже Фенеллу — и ту не испортила, хоть эта роль принадлежала бы не ей, а танцовщицѣ: она была воодушевлена и понимала музыку, которую должна была выражать жестами, прекрасно. Въ иныхъ мѣстахъ я не могъ безъ слезъ глядѣть на ея заплаканные глаза. Я видѣлъ ее и въ роли Луизы (Коварство и любовь): она и Бауеръ вмѣстѣ; глядя на нихъ, можно было назвать театръ изящнымъ искусствомъ. О дѣвицѣ Гельвицъ скажу только, что ея талія — лучшая въ Дрезденѣ. — Въ оперѣ отличаются Тихачекъ, г-жа Шредеръ-Деврианъ и д-ца Марксъ. Тихачекъ (Чехъ) — прекрасно поетъ (теноромъ), дурно жестикулируетъ. Шредеръ — пѣвица и развратница, погубившая свой превосходный контральтъ, но всетаки восхищаетъ и пѣніемъ и драматизмомъ игры: въ роли Ромео (Монтекки и Капулетти) она была превосходна. Марксъ — сопрано, не то что Фрецолини, Унгарь, Люцеръ; но очень мила, хоть и вовсе не мила собою. — Балетъ... что балетъ безъ Тальони! —

28 Ноября.

Уже-ли Измайлуша все въ Дрезденѣ? — подумаетъ Маменька. Нѣтъ: я уже въ Прагѣ три недѣли. Изъ Дрездена сдѣлалъ 2 поѣздки-походки: одну въ городищамъ на Черный Эльстеръ, другую въ Саксонскую Швейцарію. Въ послѣдней велъ дневникъ и пришлю мѣсто слѣдующаго письма. А теперь о Прагѣ. Я пріѣхалъ сюда съ бывшимъ воспитанникомъ Военной Академіи, офицеромъ Свиты Милютинымъ ¹⁾, милымъ молодымъ человѣкомъ, и первыхъ два дни провелъ съ нимъ вмѣстѣ. Проводивши его въ Вѣну, перебрался на частную квартиру, и сталъ заниматься. Я засталъ въ Прагѣ товарища по занятіямъ, Прейса. День проходитъ такъ: до 1 часу дома; въ концѣ 1-го приходитъ Прейсъ, идемъ обѣдать, потомъ въ кофейню Мельцера читать газеты; въ ¹/₂ 3-го домой, — приходитъ Горданъ — и занимаемся по Лужицки;

¹⁾ Дм. Алексѣевичъ Милютинъ (?) — впоследствии Военный Министръ, членъ Государственнаго Совѣта, авторъ сочиненія «Исторія войны Россіи съ Франціей... въ 1799 г.» (С.-Петербургъ 1852—1853).

вечеръ то дома, то гдѣ-нибудь. Этотъ мѣсяцъ я живу у одной штаб-лекарши. Дочка прекрасно играетъ на фортопяно, и теперь учить тѣ самыя ноты, которыя когда-то вы играли: Тальберга № 5, да его же Русскія пѣсни. Можете представить, какъ это мнѣ пріятно; но вотъ бѣда: у васъ, подѣ вашу игру я считалъ цифры—смертности и рождаемости ¹⁾ теперь при нѣкоторыхъ пассажахъ тѣ-же цифры лѣзутъ въ голову и мѣшаютъ заниматься фразами.

Въ Прагѣ я не останусь уже долго—какой-нибудь мѣсяцъ не болѣе. Въ Вѣнѣ то-же не думаю остаться долго. Слѣзшу на югъ. Въ Прагу уже не пишите, пишите въ Аграин (in Ungarn; Agramer Comitatus in Croatiaen), Herrn Doctor E. J. Dewitz Gaj, a was prošu predat'. Какъ пойдутъ мои дѣла, буду писать. Деньги на полгода получилъ вчера; а то было приходилось хоть занимать: оставалось не болѣе 150 рублей.

Ваши письма тоже получилъ. Буду мало по малу отвѣчать на нихъ—съ слѣдующаго письма. Теперь только, прося васъ передать мою искреннюю благодарность Марьи Федоровнѣ ²⁾ и д. Фанни, скажу, что Альберту ³⁾ въ Россіи несравненно лучше, нежели тутъ: тамъ онъ только будь прилеженъ, а тутъ главное дѣло деньги. Что-же до процентовъ, то тутъ даютъ 6, 10 и даже болѣе; но подѣ залогъ съ процентами монѣ 6 законъ не велитъ, а безъ залога очень опасно. Какъ въ Сѣв. Германіи, не знаю.

Цѣлую ручку вашу. Поцѣлуйте за меня брата, если онъ уже у васъ.

Срз.

XLIII ⁴⁾.

№ 30.

2 Ноября. Пирна.

Хочется немного прогуляться по Саксонской Швейцаріи,—и вотъ почему я здѣсь. Хотѣлъ было ѣхать до Шандау, и оттуда уже начать странствіе пѣшкомъ; но вчера забылъ записаться, а сегодня не засталъ уже мѣста. И такъ до Пирны. Это все равно, только планъ другой. Буду вести журналъ моего странствія,—въ письмѣ къ Вамъ; а когда, Богъ дастъ, ворочусь, перечтемъ его, и я доскажу, чего не запишу здѣсь.

Я пообѣдалъ, напьюсь кофе,—и въ путь. Проводникъ уже есть и кажется порядочный человѣкъ. Пирна—городъ съ 5000 жителей, мило расположенный на лѣв. берегу Эльбы. Пирна—имя Славянское, въ чемъ согласны сами Нѣмцы. Подлѣ самаго города къ востоку лежитъ Зонненштейнъ—замокъ

¹⁾ И. И. Срезневскій въ то время читалъ въ Харьковскомъ университетѣ статистику.

²⁾ М. Ф. Питра.

³⁾ Альбертъ Самуиловичъ Питра, впоследствии профессоръ Харьковского университета.

⁴⁾ Судя по предыдущему письму, это письмо не было послано Е. И. Срезневской, хотя и является важнымъ дополненіемъ путевого дневника; считаю поэтому не лишнимъ включить его въ печатающееся собраніе писемъ.

на горѣ, болѣе красивый на картинкѣ, нежели въ природѣ. Теперь въ немъ домъ сумасшедшихъ, а прежде былъ онъ крѣпостью и темницей для государственныхъ преступниковъ. Въ 1705—7 содержался тутъ и несчастный Паткуль.

Bastey.

Перенравившись на челнокѣ черезъ Эльбу, мы вошли въ деревню Пусту. Долина за деревней носитъ то-же названіе—жалкій остатокъ бывалой жизни Славянъ въ этихъ мѣстахъ. Ни деревня впрочемъ, ни долина вовсе не занимательны, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ ожидаешь многого. «Позвольте васъ спросить—сказалъ мнѣ проводникъ: хотите-ли вы сегодня почевать на Bastey, или далѣе?»—Да, да, на Bastey.—«Такъ не угодно ли вамъ ein Umweg machen, посѣтить Либеталь и нашъ Ломень?» А вы изъ Ломена? «Да, и мнѣ бы хотѣлось переодѣться въ дорожное наше, проводничье платье: мы успѣемъ все сдѣлать, увидимъ и Liebethalerggrund, и Ломенскій замокъ, и Ottowaldeggrund съ его частями, и Bastey».—Очень хорошо. «Ну, такъ пойдете на лѣво, мимо ступни великана». И мы поднялись на гору. Эта ступень великана—углубленіе въ камнѣ, напоминающее о ногѣ. «Была такая же и на той сторонѣ долины, но ломающіе камень и ее раздробили». Горюю пошли мы далѣе. и черезъ полчаса были у Liebethal, то есть: Либеталь лежитъ на правомъ берегу рѣчки Везеницъ (опять Славянское названіе), а мы были на лѣвомъ, и далѣе спустились къ Lochmühle. Я только что хотѣлъ сказать «да тутъ нѣтъ ничего особеннаго», какъ смотрю: скалы сперлись, рѣчка безъ береговъ гремитъ между ними. Нельзя-ли сверху взглянуть на эту дичь? «О да! Пои-демте къ мосту». Пошли,—и въ самомъ дѣлѣ было чѣмъ любоваться.—Отсюда Ломень въ $\frac{1}{4}$ часа. Предлинная деревня. Проводникъ мой пошелъ переодѣваться, а я на такъ называемый альтанъ, примкнутый къ старому замку, построенному на скалѣ, стѣною спустившемуся къ Везеницу. «А знаете, что тутъ было?» спросила меня старушка, отворившая мнѣ альтанъ. А что? «Да вонъ читайте надпись. Былъ у старова господина слуга, Hausknecht; вотъ и пришелъ онъ сюда, а рѣшетки-то въ то время не было. Сѣлъ да и сидитъ; а потомъ и уснулъ. А потомъ вздумалось ему, что онъ у себя, у своей постели; раздѣлся да хотѣлъ видно спать лечь. Кровать-то его стояла вотъ-такъ, на право отъ скамейки. Онъ на право, перевалилъ ногу, другую, да и бухъ. Иисусъ, Марія! Вѣдь спасъ же его Богъ: упалъ въ Везеницъ, ногу расшибъ, а живъ остался». Проводникъ не замедлил явиться, переодѣтый, съ мѣднымъ Номъ на лѣвой рукѣ, съ кожаной котомкой черезъ плечо, гдѣ улеглись пара моихъ дорожныхъ вещицъ, и мы отправились къ Ottowaldeggrund. Дорога до него не занимательна, но и не продолжительна—полчаса, что-ли. Мы спустились

въ него по каменной лестницѣ въ 144 ступени,—и остались какъ въ пещерѣ: только клочокъ неба видѣвъ сверху, по бокамъ скалы, поросшія пихтами и соснами, покрытыя мохомъ, разузоренныя различными травами, вырывающимися изъ разсѣлинъ. Въ иныхъ мѣстахъ скалы противоположація такъ близко сошлись, что дровосѣки перекладываютъ мостики черезъ нихъ, и по нимъ перевозятъ дрова. Очень хорошо, и особенно хорошо теперь, осенью, когда листья такъ разноцвѣтно-одноцвѣтны, такъ пестро буры, какъ разъ подъ цвѣтъ скалъ. Очень многія мѣста имѣютъ особенныя названія: есть тутъ «каменный домикъ», построенный природою изъ массивныхъ плитъ; есть тутъ «чертова кухня», пещерка съ трубою, идущею вверхъ сквозь скалы; есть тутъ «театръ»; есть «зонтикъ»; есть «заала». Дорожка идетъ у потока, то по сю, то по ту сторону его; виды на каждомъ шагу. Гигантскаго ничего нѣтъ; но мило. Изъ Оттовальдегрунда мы завернули въ Гёлегрундъ, стали подниматься мало по малу на гору, поднялись и черезъ четверть часа были на Basteu. Пошли къ рѣшеткѣ, къ тому мѣсту, откуда обыкновенно любуются видомъ; но уже ничего не видно: Эльба лентою вьется, горы сѣрѣютъ кругомъ, да и только. До завтра. Въ гостиницѣ мнѣ отвели комнатку, гдѣ я поужиналъ и пишу. Завтра рано встану и осмотрю; а теперь, хоть и не болѣе какъ 9, да на постель: въ комнаткѣ моей холодно, да и спать хочется. Проводникъ мой пошелъ между тѣмъ домой въ Ломень и обѣщалъ воротиться завтра къ 8-ми. Прощайте.

3-е Ноября. Basteu.

Хоть нѣсколько словъ, пока дощю послѣднюю чашку кофе. Проводникъ пришелъ раньше обѣщаннаго, я одѣлся,—и мы пошли осматривать Basteu съ ея частями. Отъ гостиницы, построенной въ Швейцарскомъ вкусѣ и такъ, что двумя нижними ярусами она совершенно привнула къ горѣ и только третьимъ поднялась надъ нею, мы пошли на лѣво. Желѣзная рѣшетка вьется на два вершка отъ обрыва скалы: опершись на нее, можно видѣть прямо подъ собою Эльбу, и обрывъ главный имѣетъ почти такую форму (см. рис.), и вышиною чуть ли не 300 футовъ. Эльба какъ лента; тропинки, тянущіяся по луговымъ берегамъ, словно ниточки; а кругомъ горы, то покрытыя лѣсомъ, то сѣро-голубыя поднимаются со всѣхъ сторонъ, до половины довольно круто, а потомъ обрываются. Виды тянутся къ Богеміи и къ Дрездену. Превосходно; это не

описывать, а видѣть нужно. Потомъ разными изворотами по ступенькамъ, черезъ мостики и т. п. спустились мы къ т. наз. Verbindungs-Brücke, мосту, прекрасно сдѣланному вновь по остаткамъ стариннаго. Отсюда видъ еще красивѣе, потому что видишь и Bastei, и глядишь на виды изъ за скалъ столбами поднимающихся надъ головою. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Можно часъ описывать и все не опишешь. Надобно видѣть. И я очень радъ, что вижу это осенью: хвойная зелень зеленѣетъ, а всѣ другія деревья уже то желты, то красны. то голы, дуга совершенно бархатно зелены, и туманъ легокъ какъ дыма, какъ паутина. Ну, пойду далѣе.

Гонштейнъ.

Утренній нашъ переходъ конченъ. Онъ не представилъ ничего подобнаго Bastei, впрочемъ многое было, чѣмъ любоваться. Горы чудныхъ формъ около Bastei, Ziegenfücke, Наполеонова липа, груды скалъ, называемыя Гонштейномъ, долина, по которой протекаетъ Поленецъ, и самъ Гонштейнъ. Тутъ я осматривалъ и старый замокъ, и съ башни любовался видомъ.

Шандау.

Изъ Шандау до Гонштейна почти также далеко, какъ Bastei, а между тѣмъ еще свѣтло. Бравеской переходъ. Я посѣтилъ и два старыя городища: и тутъ есть они, и называются то Вендскими, то Шведскими. Далѣе Brandt, напомнившій мнѣ Бастей. Видъ даже лучше, огромнѣе, разнообразнѣе. Эльба какъ лента видна изъ за горъ, и кругомъ горы. Лѣтомъ тутъ можно пить прекрасный кофе; теперь все уже пусто. Спустившись въ долину, мы пошли ею по потоку къ Эльбѣ. Очаровательныя мѣста.—Кое-гдѣ встрѣчались домики. Архитектура ихъ совершенно такая, какъ въ Лужицахъ. Проводникъ мнѣ сказалъ, что это всей Саксонской Швейцаріи. Въ Чехіи, я знаю, тоже такая. Бѣдный слѣдъ Славянства.

Подъ вечеръ ходилъ изъ Шандау на гору Острау (точно—Острую). Съ нея прекрасный видъ на Эльбу. Одно мѣсто на ней напоминаетъ о Вендскомъ королѣ: за нимъ гнались разбойники, а онъ бѣжалъ, хотѣлъ перескочить съ камня на камень, не смогъ перескочить, и упалъ—мертвый.

Но какое гадкое перо! Сколько ни чиню, нейдетъ. Просилъ, чтобъ принесли свѣжее, не несутъ. Придется не писать.—Сяду у окна и буду смотрѣть, какъ играютъ дѣти.

Въ Шандау, говорятъ, живетъ какой-то Русскій Генераль—и уже нѣсколько лѣтъ.

Ноября 4-е.

Въ 6 часовъ пришелъ Гаускнехтъ за сапогами и платьемъ, въ половинѣ 7-го мѣдхепъ принесла кофе, въ 7 я былъ одѣтъ, готовъ, расплатился (за комнату, вчерашній вечерній чай съ хлѣбомъ и масломъ и сегодняшній кофе— 16 грош.),—и въ путь.—Тепло, но вѣтеръ; небо то ясно, то сѣро.—Путь нашъ лежалъ на востокъ по долинѣ, узкой, обставленной живописными громадами скалъ, вверхъ по теченію Кирнича. Скоро дошли мы до такъ назыв. Bad, дома съ минеральными купальнями и гостиницы вмѣстѣ. Здѣшняя минеральная вода извѣстна была еще въ прошломъ вѣкѣ; въ 1803 нашли новый источникъ, изслѣдовали, прославили—и теперь лѣтній путешественникъ можетъ въ Саксонской Швейцаріи не только любоваться природою, но и лѣчиться. Купальни чисты, хозяинъ услужливъ, есть и танцевальная зала, и бильярдъ.—За Bad'омъ долина суживается, горы становятся выше, красивѣе,—идешь, задирая голову, то направо, то налево. Сначала проходишь Ostraumühle; потомъ видишь на право красивый Kroatenstein; потомъ проходишь мимо Mittelndorfermühle, которая лѣтомъ должна красиво рисоваться изъ за яблонь и грушъ, ее окружающихъ; за нею встрѣчаешь слѣды рудокопень, въ которыхъ до 30-лѣтней войны выработывали мѣдь; немного далѣе долина опять расширяется лугомъ, и потомъ между двухъ скалъ видишь дикую, черную, заросшую лѣсомъ Kroatensluchte (не только тутъ, но и въ другихъ мѣстахъ Саксонской Швейцаріи имя Кроатовъ попадаетъ, иногда вновь придѣланное, иногда и изстари извѣстное); далѣе идешь мимо обломковъ скалъ, черезъ которыя переливается водопадомъ Beuthenwasser, и селяне предлагаютъ спустить воду, чтобы показать водопадъ во всей красѣ; далѣе проходишь сквозь разсѣлину скалъ, ничтожную въ сравненіи съ Моравскими, но для Сакс. Швейцаріи все-таки годную, — и скоро приходишь до Heidemühle, уютно приклонившуюся подъ красивымъ обрывомъ скалы, наз. Heidemadstein; отъ Bad'a досюда часть пути, и можно идти по шоссе, узкомъ, но очень покойномъ. Далѣе проходишь мимо Лихтенгейнскаго водопада, годнаго для картинки, заворачиваешь направо, поднимаешься въ лѣсъ на гору, — и, когда уже не ждешь ничего кромѣ темнаго лѣса, вѣчно зеленыхъ, вѣчно красивыхъ пихтъ, внезапно раскрывается передъ глазами сквозная пещера, извѣстная подъ именемъ коровьяго' хлева—Kuhstall. Около 30 шаговъ шириною, около 20 вышиною, она хороша какъ бесѣдка въ паркѣ такого размѣра, какова Сакс. Швейцарія, но какъ произведеніе природы, кажется, не заслуживаетъ излишнихъ восклицаній. Видъ изъ нея лучше ея, а преданія, если-бы онѣ были рассказаны художникомъ, были-бы еще лучше. Преданій множество. Всѣ, или почти всѣ относятся ко времени войнъ за вѣру и къ безвременному времени

разбойничьихъ проказъ, — и каждый уголокъ напоминаетъ о чемъ-нибудь занимательномъ. Говорятъ, напр., что на горѣ надъ пещерою, куда можно забраться по довольно покойной лѣстницѣ, продѣланной въ расщелинѣ скалы, стоялъ замокъ «Neu Wildenstein», и владѣлецъ его, какой-то грозный баронъ, былъ страшилищемъ для окрестныхъ жителей. Задумали они отомстить ему, и придумали сказочное дѣло: однажды когда баронъ выѣхалъ изъ замка куда-то далеко и на долго, жители всѣ, сколько ихъ было, пришли въ замокъ, давай его ломать, разломали до основанія, сбросили все сломанное съ горы въ пропасть, лежащую подъ нею, и хворостомъ и разной дрянью покрыли мѣсто; самую дорогу, ведущую къ замку, завалили, а другую провели въ чашу лѣса. Ну, баронъ приѣхалъ, искалъ, искалъ своего замка, не нашелъ и поѣхалъ назадъ, увѣренный, что это дѣло рукъ дьявольскихъ. Еще болѣе увѣрился онъ въ этомъ, когда, ворочаясь, слышалъ раздающееся по лѣсу и повторяемое эхомъ дикое ха-ха-ха: онъ крестился и молился, и спѣшилъ на чемъ свѣтъ стоять прочь да подалѣе отъ этихъ чудесъ. Я не знаю только, какъ могъ тутъ помѣститься замокъ: мѣсто небольшое; а впрочемъ есть примѣты, что тутъ жили люди: есть еще колодець, попадаетея кирпичъ, видны въ самой скалѣ остатки старой работы. Направо отъ Kuhstall есть пещерка съ окошечкомъ въ пропасть, называемая Pfaffenklunst—и вотъ почему. Лихтенгайнскій попъ не хотѣлъ измѣнить католицизму, не внималъ убѣжденіямъ протестантовъ; а было это въ XV что-ли вѣкѣ, — и скрылся въ этихъ мѣстахъ въ одной пещеркѣ, называемой Pfaffenloch. Враги его однако нашли его и тутъ, перебросили въ Pfaffenklunst, да и вышвырнули въ пропасть сквозь окошко, или, какъ говорятъ другіе, оставили его умереть голодною смертію, заваливши камнями входъ въ пещерку. Недалеко отъ этой пещерки есть другая, и теперь не для всякаго доступная: называется Schneiderloch, по имени Шнейдера, атамана разбойничьей шайки, имѣвшаго въ ней свой кабинетъ. Съ другой стороны Коровинъ есть пещера, защищенная довольно порядочно отъ вѣтра и называемая Wochenbett: она была, какъ говоритъ преданіе, спальнею для какой-то знаменитой родильницы, спасавшейся тутъ во время войнъ за вѣру. Она умерла, а ребенокъ, выросши, былъ страшнымъ гонителемъ враговъ матеря. И пр. и пр. Самое имя Kuhstall относится къ этимъ временамъ. Рассказывающіе преданія эти разногласятъ между собою только въ томъ, что касается до обитателей этихъ мѣстъ: одни говорятъ, что тутъ скрывались католики отъ протестантовъ, а по словамъ другихъ протестанты отъ католиковъ. Изъ одной изъ пещерокъ я снялъ видъ окрестныхъ скалъ, изъ за которыхъ вдали видѣнъ Лилиентейнъ, и потомъ съвозъ разсѣлину между скалами и далѣе по довольно крутой, хотя впрочемъ покойной, дорожкѣ спустился въ Nabichsgtund, надъ которымъ скалы Kuhstall'и поднимаются на 500 футовъ, если не болѣе.

Направленіе нашего пути здѣсь перемѣнилось: мы пошли на югъ. И шли сначала по лѣсистой долинѣ, потомъ все выше и выше, все лѣсомъ, на *kleine Winterberg*. Дорожка прекрасная, какъ дорожка очень покойна, но отъ самой подошвы до самого верху горы очень крутая: я хоть и взомель на самую гору безъ отдыха, однако, пришедши къ такъ наз. *Jägerhaus*'у, легъ, разлежся. Я еще такъ не уставалъ никогда. И стоило же взбираться! видъ правда хорошъ, но такихъ видовъ я видѣлъ уже много. Я снялъ видъ на *Kuhstall*, и выслушалъ слѣд. преданіе:—Домикъ стоитъ на обрывѣ. Курфиреть Августъ въ 1558 году гонялся тутъ за оленемъ. Олень, преслѣдуемый на горѣ собаками, добѣжалъ до того мѣста, гдѣ теперь домикъ; а курфиреть стоялъ подъ обрывомъ ниже и то-же надъ обрывомъ въ долину. Оленю оставалось одно:—броситься съ обрыва на курфирета и повалить его съ собою въ пропасть. «Или обоимъ, или одному», сказалъ курфиреть,—выстрѣлилъ, и олень легъ на мѣстѣ. Сынъ Августа Христіанъ построилъ тутъ домикъ, поставивши на кровлѣ его скелетъ оленя. Въ 1818 построили новый съ Латинскою и Нѣмецкою надписью, напоминающей о смерти оленя и спасеніи курфирета. Я впрочемъ надписи не прочелъ.—На *klein Winterberg* уже видѣнъ базальтъ. По пути съ нея на *grosse Winterberg* тоже. На *gt. Winterberg* уже въ большемъ размѣрѣ. Хотя эта гора 1710 футовъ вышиною, но всходъ очень легокъ. На горѣ есть нѣсколько домиковъ для прихожихъ и строится большая гостинница съ башнею. Я взлѣзалъ на башню, но видомъ любоваться не могъ, потому что вѣтеръ слишкомъ пронзителенъ и силенъ. А видъ долженъ быть очень хорошъ,—видъ на Эльбу до Лиліенштейна и далѣе къ Дрездену и за Дрезденъ, а съ другой стороны видъ на Богемію къ Течину и далѣе. За то я тутъ прекрасно пообѣдалъ: супъ былъ на чудо, а кусокъ жареной кабанины заставилъ меня запитъ себя двумя рюмками горькой водки (что и стоило 8 грошей). Тутъ продаютъ различныя вещи изъ Богемскаго стекла и хрустала съ видами Сакс. Швейцаріи. Лѣтомъ приходятъ сюда изъ Богеміи музыканты и пѣвцы и увеселяютъ публику. Гора вся покрыта лѣсомъ и не хвойнымъ, а потому вся завалена опавшимъ листьемъ; идешь и нехотя играешь предивный концертъ. Проводникъ мой, обращающій мое вниманіе на все романическое, замѣтилъ и романичность этого, не замѣчая того, что романистъ-проводникъ всего романичнѣе. Онъ уже надоѣлъ своими романическими напоминаніями: на какую скалу ни взглянешь, видишь или носъ, или ухо, или цѣлую голову какого нибудь животнаго, иногда цѣлаго быка или кабана, или замокъ, и приправляетъ все это сладковзвучнымъ носовымъ «гхе-гхе». Такого человѣка можно сравнить со скалою унизанную надписями перебивавшихъ подлѣ нея странниковъ: разница только та, что скала вѣрно сохраняетъ надписи и даетъ понятіе о писавшихъ, сама оставаясь неизмѣнною; у человѣка же такого умъ

превращается въ укусъ этихъ надписей, вонючій и кислый какъ это «гхе-гхе»!. Кстати: и Kuhstall покрыта тысячами надписей, между которыми есть преудивительныя. Напр: «Природа! я твой сынъ и —прости—любвникъ!» Этотъ сынъ природы, конечно, родился или воспитывался in einer Kuhstall.

— Здравствуй, здравствуй, Богемія! правда еще Богемія, а не Чехія, но всетаки здравствуй. О, я знаю красоты твоей природы—и надѣюсь.—Я надѣялся не напрасно. Сошедши съ gros. Winterberg, мы завернули на юго-востокъ, пошли по границѣ лѣсомъ, лѣсомъ долго пустымъ то съ горы, то на гору,—и вотъ онъ сталъ просвѣчивать, вотъ показались скамейки подъ деревьями, вотъ показалась закраина надъ пропастью... Богемія показала передо мною очаровательнымъ ландшафтомъ. Подъ ногами пропасть, густо заросшая пихтами, отсюду поднимаются скалы, однѣ изъ за другихъ, группами, рядами, столбами, стѣнами, изъ за нихъ видны луга, поля, деревни, холмы, и скалы, и далѣе поднимается прелестный Розембергъ какъ гигантская могила, покрытый лѣсами, отгѣняя собою далекую даль; а на право смѣлою рукою природы перекинутый сводъ Пребиштора. Этотъ видъ надъ Пребишгрундомъ. Видъ со скалы надъ Пребишторомъ и другой скалы, соединяющейся съ нею подъ прямымъ угломъ еще богаче: кажется, летишь на воздушномъ шарѣ, такъ видъ открытъ; Розембергъ уже въ сторонѣ, на лѣво, и отъ него на право развертываются горы за горами, долины за долинами до Лилленштейна, а отъ Эльбы видны только вершки бережныхъ скалъ. Ходить по этимъ скаламъ очень покойно: всюду закраины, на которыя, глядя подъ себя, можно безъ страха опереться, а гдѣ скалы разорвались, тамъ перекинуты мостики, гдѣ круто, продѣланы ступеньки. Къ Пребиштору спускаешься по лѣстницѣ. Пребишторъ, вышиною до 65, шириною до 80 футовъ, и точно изумителенъ, смѣлъ. Всѣ стѣны, всѣ уголки въ немъ испещрены надписями,—и право стоитъ повторить знакомому и незнакомому: «и я былъ тутъ». Подъ скалою домикъ, гдѣ лѣтомъ можно достать все что угодно для желудка, который не насыщается видами. Вообще въ Саксонской Швейцаріи этихъ горстинницъ много всюду; но теперь онѣ пусты. Налюбовавшись, мы спустились въ долину, и прямо къ Эльбѣ—вдоль по потоку Геернскреченскому (Горшанскому). Долина узкая, обставленная громадами скалъ, потокъ быстрый, —глушь—и тутъ-же человѣческая дѣятельность:—безпрестанно мельницы, на бережныхъ, домики, люди, будто подлѣ большого города. Въ Гернскреченѣ я напился кофе,—и вдоль по берегу Эльбы пошелъ въ Шандау. Тропинка очень покойна, только подходя къ Шандау, вѣтся между каменоломень; но за то, что за виды! Вечерѣло, Лилгенштейнъ и окрестныя горы сдѣла радужною мглою, бережныя горы направо отражали солнце, на лѣво, покрытыя лѣсомъ чернѣли... И прочая. Выражая словами впечатлѣнія, произведенныя природою,

пародируешь и ее и себя; и потому лучше замолчу.—Наконецъ я въ Шандау—опять.

Половина 10-го.

Только что воротился изъ концерта. Дивный концертъ. Вечеромъ, часу въ 7-мъ, когда я только что хотѣлъ сѣсть за письмо, приходитъ мой проводникъ, и подавая мнѣ афишку говорить ученымъ тономъ: читайте. Читаю: «Die Geschwister Gredler, Тирольцы, дадутъ National Concert, въ 3-хъ отдѣленіяхъ, и пр. Цѣну 1 мѣсту 4 гроша. Начало въ половинѣ 8-го». Прекрасно, иду. «Пожалуйста достаньте билетъ».—И въ началѣ 8-го я пошелъ. Пришелъ—никого нѣтъ, ни души. Воротился. Въ $\frac{3}{4}$ восьмага опять пришелъ: двѣ души. Только въ половинѣ 9-го собралась достопочтенная публика. Чужой былъ я одинъ. Можете представить, какъ на меня глазѣли... Передъ 36 стульями, поставленными въ 3 ряда, поставили столъ длинный и передъ нимъ короткій, на этомъ короткомъ угораздили другой короткій, а на длинномъ два стула. Комната была освѣщена 6-ю сальными свѣчами. Пришли брать съ сестрою, влезли, сѣли, начали—и кончили. Было и нитро(ду)ціоне на цитрѣ, были и народныя пѣсни, былъ даже Mantrommelconcert на 12 варганахъ, перебираемыхъ попарно. Публика была очень довольна... Въ продолженіе концерта она курила и пила пиво. Остался и я доволенъ, насмотрѣвшись на Шандавскую публику.

Шандау, городъ маленькій, съ одной стороны уперся въ горы, съ другой прилегъ къ Эльбѣ. На картинку—очень хорошъ.

Ноября 5-е. Пирна.

Ворочаюсь въ Дрезденъ. Изъ Шандау сюда пріѣхалъ. Дорога по лѣвому берегу Эльбы—очень мила. Проѣзжала мимо Кѣнигштеина (гора и знаменитый замокъ—крѣпость).—Теперь жду пока запрягутъ лошадей—и въ Дрезденъ.— Тамъ останусь не долго. Можетъ быть даже завтра—въ Прагу, т. е. опять въ Пирну, и потомъ не на лѣво, а на право.—

Прага. Декабря 15-е.

Я получилъ Ваше письмо за № 11. Тутъ же письмо Метлинскаго съ приписками Костомарова и Рославскаго.

И Вы, милая Маменька, и доброй Амвросій, хлопчите о моемъ здоровьи. Правда, что я не быкъ; но, благодаря Бога, не могу пожаловаться. Еще Вы пишете, что меня могутъ назвать хвастуномъ. Мнѣ и въ голову не приходило никогда считать чѣмъ-нибудь особенно важнымъ мое пѣшеходство. Это моя страсть, а страстью не хвастаются. Я забылъ, какъ выразился въ письмѣ къ Браевскому, и жалѣю если могу подать поводъ людямъ смѣяться надъ тѣмъ,

что мнѣ вовсе не кажется смѣшнымъ¹⁾.—Еще вы пишете объ отерочѣ моего путешествія, позволяете мнѣ просить ее, и прибавляете слова Амвросія, что я могу пополнить и дома, чего не приобрѣту на пути. Нѣтъ, это не возможно. Тутъ могу и похвастаться: теперь не Шафарикъ мнѣ, а я Шафарику поправляю карты Чехи, Моравіи, Силезіи, Лужицъ, а Лужичанинъ Іорданъ, составляющій Лужицкій словарь, приходитъ ко мнѣ списывать изъ моего словаря слова. Безъ личнаго посѣщенія всехъ земель Славянскихъ, я не буду преподавателемъ, какимъ бы хотѣлъ быть. На другихъ плоха надежда. Книгами я занимаюсь только рѣдкими. Словомъ: воротившись я могу привести въ лучший порядокъ собранное, но новаго уже не достану. А мнѣ остается цѣлая Иллирія, Венгрія, Галиція, Польша. Ужасно. Теперь заниматься началъ по Венгерски; для путешествія по Венгріи это необходимо.

Амвросій писалъ мнѣ о планѣ журнала²⁾. Если онъ будетъ отъ Университета, то литература беллетристическая должна быть выброшена. Самая критика не можетъ быть ни смѣла ни игрива. Если бы можно было издавать не отъ Университета, а съ пособіемъ Университета, какъ издавалъ Склабовскій³⁾. Хлопочи о цензурѣ.—Ворочусь, поговоримъ подробнѣе, и затѣмъ. Ахъ, если бы я только могъ собрать и о другихъ Славянахъ столько, сколько собралъ о тѣхъ, которыхъ посѣтилъ. Въ Прагу изъ Дрездена я привезъ 65 фунтовъ бумагъ; матеріаловъ уже есть года на два.—Николаю Иван., Александр. Петровичу, Сем. Семен.⁴⁾ и т. д. поклонъ.

Цѣлую васъ. Прощайте. Срз.

¹⁾ Письмо И. И. Срезневскаго, напечатанное въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 г., т. XII, смѣсь, стр. 20—23; въ этомъ письмѣ трудно найти что-нибудь подобное хвастовству; Е. И. С—ая скорѣе только боялась, чтобы другіе не заподозрили ея сына въ хвастовствѣ, чѣмъ сама видѣла въ письмѣ этотъ недостатокъ.

²⁾ Эти строки—отвѣтъ на письмо А. Л. Метлинскаго отъ 31 окт. 1840 г.; въ немъ Метлинскій пишетъ: «Недавно пригласилъ меня князь Цертелевъ (помощникъ попечителя харьковскаго учебнаго округа) и говорилъ о довольно важныхъ предположеніяхъ—журналъ при университетѣ, общество литоратурномъ изъ студентовъ, собранія студентовъ для чтенія сочиненій... Все это очень хорошо, но для дѣла надобно рукъ и головъ побольше. Журналъ, затѣя большая и, признаюсь, страшная! Если и выхлопотать позволеніе, то безъ пособія университета можно сѣсть на первой книжкѣ... Не осрамимся ли этимъ? Смѣты, расходы, приходы—это самая отвратительная часть человѣческой дѣятельности—и я даже своихъ не умѣлъ свести. Еслибъ эту часть можно отдѣлить? Дѣло за горами; но однако жъ ему хочется программы. Напиши свое мнѣніе. Мнѣ вѣжется, кромѣ ученыхъ статей, какъ въ Запискахъ Московскаго университета, надобно непременно литературу... Но гдѣ взять? Еще 3-й отдѣлъ—матеріалы мѣстности и народности округа, и запасу для нихъ требовать отъ гимназій учителей etc.»

³⁾ Здѣсь идетъ рѣчь объ «Украинскомъ Журналѣ», издававшемся въ 1824 и 1825 гг. отъ Харьковскаго университета; это одинъ изъ лучшихъ журналовъ того времени.

⁴⁾ Н. И. Костомаровъ, А. П. Рославскій, С. С. Лукьяновъ.

ОТДѢЛЪ II.

О вліянніи корельскаго языка на русскій въ предѣлахъ Олонецкой губерніи.

Въ Олонецкой губерніи, точнѣе въ западной и сѣверо-западной ея части, происходитъ соприкосновеніе двухъ разнородныхъ элементовъ—русскаго и корельскаго. Оба эти народа находятся въ самомъ близкомъ другъ къ другу отношеніи. Живутъ нерѣдко въ однихъ селахъ (напр. въ с. Ялгубѣ, Петрозаводскаго уѣзда, половину народонаселенія составляютъ русскіе, а другую кореляки), рождаются посредствомъ браковъ, угощаются, не говоря уже объ обычныхъ международныхъ отношеніяхъ. Результатомъ такого близкаго общенія является то обстоятельство, что какъ русскіе, такъ и кореляки многое перенимаютъ и заимствуютъ другъ отъ друга, начиная отъ языка и обычаевъ и кончая покроємъ одежды.

Языкъ, вообще, сильнѣе всего испытываетъ чужеземное вліяніе; онъ, какъ самый чувствительный приборъ, до мельчайшихъ подробностей можетъ отражать на себѣ это вліяніе, показывать его силу и степень, а потому и въ данномъ случаѣ вліяніе двухъ народностей—корельской и русской прежде всего сказывается во взаимномъ вліянніи ихъ на языки. Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ русскій, какъ языкъ народа, болѣе образованнаго, создавшаго свою культуру, достигшаго известной степени цивилизаціи, по степени вліянія занимаетъ первое мѣсто. И это тѣмъ удобнѣе могло случиться, потому, что кореляки въ пору своего подчиненія русскому вліянію, были народомъ очень мало развитымъ, почти дикимъ, а потому, перенимая отъ русскихъ готовые понятія, новыя, долготѣ имъ невѣдомыя представленія, должны были заимствовать и самыя слова для обозначенія ихъ. Этими и объясняется существованіе въ корельскомъ языкѣ массы словъ чисто русскаго происхожденія. Слова русскія, перешедшія въ лексиконъ кореляковъ, очень мало терпятъ измѣненій. Только, по особому свойству языка корельскаго, удареніе на нихъ переносится на первый слогъ (если только оно въ употребленіи у русскихъ не стояло тамъ), и нѣсколько измѣняется окончаніе: напр., русск. слово «стекло» у кореляковъ произносится «стѣкле» или «стѣклу», самоваръ—«самоваре» или «самовару»... Но не въ заимствованіи только словъ оказывается вліяніе русскаго языка на корельскій, оно обнаруживается и въ самомъ построеніи, конструкціи корельской рѣчи. Въ корельскомъ языкѣ словорасположеніе и зависимость между словами точно такая же, какъ и въ языкѣ русскомъ: подлежащее стоитъ на первомъ мѣстѣ, потомъ сказуемое и потомъ уже дополненіе; слово опредѣляющее всегда ставится ранѣе своего опредѣляемаго (я разумѣю рѣчь, безъ логическихъ удареній), глаголъ всегда непремѣнно требуетъ того самаго падежа, какова и въ языкѣ русскомъ. Для примѣра можно взять такое предложеніе: по русск.—моя мать была хорошая женщина; она любила меня и приготавливала мнѣ всю, какая только была необходима для меня, одежду; по корельски

эта же фраза будетъ такъ: минунъ (моя) муамо (мать) оли (была) лювя (хорошая) инегмине (женщина); пийнъ (она) сувайхи (любила) минудъ (меня) и валмиштели (приготовляла) минуле (миѣ) кай (всю), кудамадъ вой пиди (какая только была необходима), собать (одежду). Вообще, коротко сказать, влияние языка русскаго на корельскій очень велико. Но подробности распространяться объ этомъ влияніи—не входитъ въ задачи нашей статьи. Если же нами и дѣлается въ нѣкоторой степени отступление отъ поставленной темы, такъ только въ тѣхъ видахъ, чтобы далѣе, говоря о влияніи исключительно языка корельскаго на русскій, языка слабѣйшаго на болѣе сильный, не показаться слишкомъ одностороннимъ (тенденціознымъ), опускающимъ изъ виду главное и говорящимъ о второстепенномъ: «слона то и не пригѣтилъ»...

Вліяніе языка корельскаго на русскій главнымъ и почти исключительно образомъ сказывается въ томъ, что русскіе Олонецкой губ. употребляютъ въ своей рѣчи множество словъ корельскаго корня. Какимъ образомъ и почему русскіе заимствовали тѣ или другія слова (соотвѣтствующія которымъ есть и въ русскомъ яз.) изъ корельскаго языка—рѣшить я не берусь. Я отмѣчаю только тотъ фактъ, что рѣчь русскаго олончанина пересынается массой корельскихъ словъ. Не говоря уже о деревенскихъ жителяхъ, даже и Петрозаводскіе мѣщане, народъ, по всей вѣроятности, пришлый, говорящій съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ на а, вмѣсто о, и большая часть чиновничества, которое не упускаетъ никогда случая посягаться надъ своеобразнымъ говоромъ кореляка, и тѣ употребляютъ въ своей рѣчи множество корельскихъ словъ, не подозревая, что они происходятъ отъ корельскихъ корней. Миѣ самому приходилось слышать изъ устъ чиновниковъ такіа фразы: я цѣлую комшу набралъ ягодъ... А векотка твоя хороша. Мы ходили въ лажбу удить рыбу. Сегодня я не кехтаю пристать за перенеску бумагъ... и т. д. Природнаго олончанина не поражаетъ такая пестрота рѣчи; его ухо съ младенчества привыкло слушать эту смѣсь языковъ, но совсѣмъ другое впечатлѣніе она производитъ на пріѣзжаго, не олончанина; онъ часто становится въ тупикъ, приходитъ въ недоразумѣніе, не понимая многихъ словъ своихъ собесѣдниковъ, а въ концѣ концовъ, уѣзжая изъ Олонецкой губерніи, приходитъ къ тому заключенію, что у русскихъ олончанъ въ рѣчи очень много и много корельскаго. Я по возможности и постараюсь перечислить всѣ тѣ слова корельскаго корня, которыя употребляются русскими Олонецкой губерніи ¹⁾.

Арандаты—ворчать (старуха арандае). Въ корельскомъ языкѣ есть созвучный глаголь «ариста», означающій тоже самое. Только онъ рѣдко употребляется въ смыслѣ ворчанья людей, а больше прилагается для обозначенія ворчанья собакъ (койру аризовъ).

Арда—вѣшалка (см. у Барс). Это слово безъ измѣненій заимствовано изъ корельскаго яз., гдѣ «ардо» значитъ шесть, на которомъ сушатъ неводъ, сѣти и бѣлье.

Бугра—землянка рыбаковъ и полѣсовщиковъ. У кореляковъ употребляется слово «бугри»; только первоначально оно значитъ—небольшой пологъ, устраиваемый надъ постелью въ лѣтнее время для защиты отъ мухъ, а потомъ уже—всякое укромное мѣсто, темное, тѣсное, гдѣ спать.

+ Бурайдаты—ворчать (вѣчно старикъ бурайдае), происходитъ отъ корельскаго глагола «буриста», что значитъ также ворчать.

+ Верва—дратва; отъ корельск. «бирби» или «вирви»—сапожная дратва (можно, впрочемъ, сл. верва производить отъ славянск. вервь, вервье). Ветошка—мочалка, которой моютъ посуду или моются въ банѣ. Происходитъ отъ корельск. слова «вихко», что значитъ также мочалка. Слово «вихко» употребляется и въ финскомъ яз. и означаетъ пучекъ соломы или сѣна.

Вычикурдывать—выдѣлывать губами трели, высвистывать. По всей вѣроятности представляетъ передѣлку корельск. глагола «вичердіа»—щебетать; прилагается почти исключительно для обозначенія щебетанія ласточекъ.

¹⁾ При перечисленіи словъ я руководился своими наблюденіями, словаремъ Барсова и словаремъ Далия.

+ Вяньгать или венгать—хныкать, плакать, говорить нѣмо, вяло, медленно, невнятно, говорить жалобно;—отъ корельск. «вингуа»—свистѣть, завывать (о вѣтрѣ), пщать (о дѣтяхъ).

Вячандать, вячать—говорить, болтать. Оба эти глагола, надо полагать, корельскаго происхожденія. Въ корельск. яз. есть глаголь «вѣджистѣ» (звуки *дж* не вполне передаютъ звукъ корельск. яз. Чтобы получить соответствующій звукъ, нужно привести части рта и языкъ въ такое положеніе, какое они имѣютъ при произнесеніи звука «ч» (червь), и потомъ стараться произнести звукъ «ж»—спорить, переругиваться, возражать, и вѣчкѣй—болтать, говорить безъ умолку, повторять одно и тоже нѣсколько разъ.

Габукъ—ястребъ; это слово несомнѣнно корельскаго происхожденія. У кореляковъ ястребъ всегда и вездѣ называется «габукъ».

+ Галить и гальяндать—смѣяться. Въ корельск. яз. есть глаголь «галистѣ»—шумѣть, звенѣть, брэнчать,—часто прилагается и къ смѣху, нестройной болтовнѣ.

Гарьюки—литки, могарычи; отъ корельск. «гарьюкатъ», что значитъ тоже самое. Корень корельск. «гарьюкатъ» происходитъ отъ «горье»—грива; и такое происхожденіе объясняется тѣмъ, что кореляки и до сихъ поръ большею частью пьютъ литки только при куплѣ и продажѣ лошадей.

Гурандять—тихо гремѣть вдали. Корельск. «гуриста»—означаетъ звукъ, производимый какинъ-нибудь катящимся предметомъ—колесомъ, шаромъ и т. п. Этотъ же глаголь употребляется для обозначенія шума, производимаго текущей водой, напр., въ рѣкѣ, ручейкѣ и т. д.

Засяряндать—засѣменить, быть въ неловкомъ положеніи. Въ корельск. яз. есть глаголь «сѣристѣ», означающій единственно дрожать, дрожать ли то отъ страха или отъ холода, безразлично.

Кава—колышекъ, тычекъ; происходитъ отъ однозначущаго корельскаго слова «куави»—колышекъ, забитый въ землю.

+Калаидать—издавать звуки, брэнчать. Въ корельск. яз. есть слово «калиста»,—означающій однако не всякій звукъ, но только происходящій отъ столкновенія двухъ небольшихъ предметовъ. Равнымъ образомъ, этотъ же глаголь прилагается для обозначенія звона небольшихъ колокольчиковъ, напр. привязываемыхъ на шею домашнимъ животнымъ. Тоже происхожденіе, должно быть, имѣетъ и глаголь кляндать—издавать тонкій звукъ.

Каржани или каршаки—коты, сапоги безъ голенищъ,—отъ корельскаго—«каршутъ». Первое значеніе каршутъ, это—веревочки, завязки, посредствомъ которыхъ берестяные лапти привязываются къ ногамъ, а потомъ уже худые истоптанные лапти, рваные, истоптанные сапоги безъ голенищъ.

Карзатъ—обрубать сучья дерева; въ корельск. — «карзѣзъ» имѣетъ то же значеніе.

Каска—срубленный для пожоги лѣсъ, подсѣка; отъ корельскаго созвучнаго «васки», которое также значитъ выжженный участокъ.

Кенъги—сапоги. На языкѣ русскихъ слово «кенъги» означаетъ большіе, неудобные сапоги, сшитые изъ бѣлой кожи, худо смазанные дегтемъ. Кореляки же «кенгять» называютъ всякую кожаную обувь.

Кердега—сѣть. По всей вѣроятности, это названіе происходитъ отъ корельск. глагола «киердѣи»—сучить, скать нити; для сѣтей же всегда употребляются сканные нити.

+Канабра—растеніе богульникъ (*ledum palustre*). У кореляковъ словомъ «канабру» означается то же самое растеніе.

+Кережа—брюханъ, обжора (ругательное слово). Кореляки употребляютъ слово «кережъ» также для обозначенія большаго желудка. Корень корельск. «кережъ»—«керея»—клубокъ, шаръ.

+Кехтатъ—имѣть желаніе, охотиться (я сегодня не кехтаю ничего дѣлать). То же самое означаетъ и корельскій глаголь «киехтѣнъ»

Кирза—верхній слой земли. Кореляки словомъ «кирза» называютъ верхній слой

глинистой почвы, которая послѣ зимы, при первой весенней оттепели трескается (кнрзот-той—трескаться) и образуетъ зыбкую, вязкую поверхность.

+ К о б р а—горсть, отъ корельск. «кобра» —пригородня, горсть (финск. «жорча»).

К о к ш а т ь—копать (у Барс.). Въ корельск. есть глаголь «куоккiэ», первое значеніе котораго разбивать на полѣ комки (предъ посѣвномъ), а потомъ и копать небольшую ямку.

К о л к а т ь—стучать задвижку, запоромъ, щеколдой, стучаться въ двери; въ ворота отъ корельск. «колката» (по финск. kolcata)—хлопать.

+ К о м ш а—корзана, ситенная изъ бересты. Корельское «комшу» имѣеть то же самое значеніе.

К о р б а — густой, высокій ельникъ. То же значеніе имѣеть и корельское слово «корби».

К у б а н д а т ь—почесать, поскоблить. Въ корельск. «кубайнтоа» употребляется съ тѣмъ же значеніемъ.

К у е к ь—гагара (у Барс). Кореляки гагару называютъ «гуйка» или «куйка».

К у к к ы ш ь - к а р а и г ы ш ь —цвѣты дикой розы, отъ корельск. «кукойнъ-карангайнэ». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ол. губ. эти же самыя цвѣты называются «пѣтушками»; это названіе есть буквально переводъ корельскаго—«кукойнъ-карангайнэ».

К у к р ы—печи (таскать на кукрахъ); отъ корельск. «вуккури» —верхняя часть плечь.

К у р а н д а т ь—журчать; отъ корельск. звукоподражательнаго глагола «куриста». чтò значить выпѣть, бить ключемъ, булькать.

+ К у р и к ь—деревянный молотъ, отъ корельскаго курикку (въ финск. kurikka), означающаго то же самое.

К у р и л ь ь—рыбный пирожекъ; по корельски «курникку» значить то же самое.

К у т ы ш к а т ь —щекотать. По всей вѣроятности, происходитъ отъ созвучнаго корельскаго глагола «кутукутай», чтò значить также щекотать.

+ К я б р у ш к а—поплавокъ, поддерживающій сѣть на верху воды (у Барсова). Въ корельск. яз. слово «кябрю» значить—шишка еловая или сосновая, а потомъ и берестяныя полавки, которые привязываются къ сѣтямъ.

+ К я б р а—стая собакъ (во время, такъ называемой, собачьей свадьбы); отъ корельск. «кярбю» —несчастіе, неудача, а потомъ и сутулока, послѣднее, безтолковое дѣло (вѣроятно, словомъ «кябра» русскіе хотять обозначить ту сутулоку, которая происходитъ въ собачьей стаѣ во время течки суки).

К я р з а—челюсти. Въ корельск. есть тоже слово «кярзэ», обозначающее свиную морду и прилагаемое иногда къ человѣческой физиономіи только въ ругательномъ смыслѣ.

+ Л а м б а—небольшое озеро. Кореляки словомъ «ламби» называютъ небольшія, лѣсныя озера.

Л а л а к и—десна; по корельски дѣсна—лайлакать.

Л а й м а т ь—стучать, отъ корельск. «лѣмиста», производить стукъ, ударяя какии-нибудь широкимъ предметомъ, напр., доской.

Л а с т е ж к а—дранки, полагаемыя между нитками въ ткацкомъ станкѣ. Это слово заимствовано отъ корельск. «ласта» или «лаште» —широкая тонкая лучина, пѣз которой дѣлають корзины и сидѣнья въ дровняхъ (корельск. «ласте» происходитъ отъ общераспростр. корельск. же «ласту» —щепка).

Л е в к о н у т ь—промелькнуть; и корельское «лиухкоа» имѣеть значеніе—мелькать; промелькнуть.

Л е г а н д а т ь—колыхаться. Заимствовано отъ корельск. «легиста», которое значить то же самое и прилагается только для обозначенія колыханія паруса, пламени и пзрѣдка, одежды.

+ Л е м б о й—чортъ. То же и въ корельск. языкѣ. Въ финскомъ «lempo» въ дохристианскія времена, по свидѣтельству Калевалы и преданія, означало представителя зла въ его обширнѣйшемъ значеніи (M. A. Castren's Vorlesungen über die finnische Mythologie. A. Schiefner 1855. St. Petersburg. стр. 110).

+ **Луда**—отмель; отъ корельск. «луодо»—каменистая мель въ озерѣ.

Лухта—мелкое мѣсто въ озерѣ, покрытое травой; у кореляковъ «лухта» обозначаетъ просто—лужу, образовавшуюся, напр., послѣ дождя.

+ **Макса**—молоки рыбы налима. Съ этимъ словомъ тождественно корельское «макса»—печень (въ финск. «паха»).

Малтатъ—понимать, корельское «малтов» собственно значить—умѣть.

Мёрда—рыболовный снарядъ, вязанный изъ толстыхъ нитокъ. Это слово имѣетъ происхождение отъ корельск. «мерта» (по финск. также «merga»)—маленькая рыболовная верша.

+ **Морошка**—кустъ и ягода—*Rubus chamaemorus*, душистая, желтая ягода, растущая на болотѣ; отъ корельск. «муврой»—морошка (корень корельск. муврой—муредъ—значить—ложкій, рассыпчатый).

Мутникъ—неводъ для мелкой рыбы. Кореляки этотъ неводъ называютъ также «мутнику» отъ слова «мутти»—мелкая рыба, малекъ.

Муштатъ—знать, помнить; отъ корельскаго «муштай» или муштай (также по финск., которое исключительно значить—помнить).

+ **Мянда**, мендовый дѣсь—растущая на низменныхъ мѣстахъ сосна; отъ корельск. «мянту»—ругательное слово—никуда негодный, паршивый (въ финск. «mänty»—мелкая сосна).

Мярядатъ—ревѣть, кричать, тоже означаетъ въ корельск. глаголъ «мярistä».

Мячатъ—мять; у кореляковъ «мячкіа», «мячуктѣй»—означаетъ сильно надѣтъишь трудиться, сильно бить.

Мюрядатъ—мычать, въ корельск. «мюриstä».

+ **Нетина**—травя у рѣпы; отъ корельск. «ниятти», значить то же самое.

+ **Нявгатъ**—мяукать. Въ корельск. есть глаголь «няукоа»—съ тѣмъ же значеніемъ.

+ **Нюгандатъ**—говорить въ носъ, невнятно; отъ корельск. «нюгистä», означающаго то же самое.

Нинда—верхній слой сосноваго дерева; въ корельск. «нинда»—спина, потому верхній слой жиру на спинѣ, напр. у свиньи, и верхній слой дерева.

+ **Ниха**—боръ; отъ корельск. «нихка»—древесная смола, вытекающая изъ сосенъ и елей.

Нирзатъ—плакать; происходитъ отъ корельск. «пирзоттай» или «пързистäй», хныкать, нюня распустить (плакать—но въ ругательн. смыслѣ).

Пойгашъ—молокосось; отъ корельск. «пойга». Сынъ, мальчикъ (въ финск. poika—мальчикъ).

Пярейдатъ—ворчать; отъ корельск. «пярistä»—трещать.

Равандатъ, равайдатъ—кричать; въ корельскомъ «рăвнistä»—со слезами, съ плачемъ кричать.

Рага—деньги (у Даля), это несомнѣнно корельское или финское «раһа» (по фин. гаһа) означающее также деньги.

+ **Резендатъ**—трещать (ледъ резендаетъ); то же самое значить и корельск. «рѣзистä».

Рѣхкатъ—хрюкать (свинья рѣхкае); то же значеніе имѣетъ и созвучный корельскій глаголь «рѣхкэй».

+ **Рибандатъ**—бѣжать тихо; корельск. «рипойтай» означаетъ сыпать, просыпать; въ переносномъ смыслѣ оно прилагается и къ бѣгущему мелкой рысцой.

+ **Рипакъ**—лохмотье, рваные лоскутья. Въ кор. «рипако» означаетъ тряпку, а также дѣтскія пелѣнки.

Рипатъ—часто мигать. Это слово тождественно съ корельскимъ глаголомъ «рипеттѣй»—часто мигать рѣсницами, часто мелькать.

+ **Рохвачъ**—незрѣлая морошка. Въ корельск. яз. слово «рохка» или «руохка» означаетъ вообще «незрѣлый», неготовый и приложимо не только къ незрѣлой ягоде (какой угодно), но и къ несварившемуся кушанью.

Рубыша—берестянная корзина; корельск. «робегъ» означаетъ, корзину сдѣланную изъ одного куска бересты и сшитую древесными прутками.

Рябндать — шуршать; тождественно съ корельск. «рябиста» — шуршать перьями, бумагой...

Рядчандать—трещать; корельск. «рядчандать» прилагается исключительно для обозначенія крика и трескотни спорящихъ.

Рячконуть—хрустѣть (ледъ подъ ногами рячконуть), тождественно съ корельск. «рячкэа».

Себра—община, общее дѣло. Въ корельск. «себра» (въ финск. seuga)—артель, группа людей, занимающихся однимъ дѣломъ.

Сельга—горы; отъ корельск. «селгею»(также и въ финск.)—спина, хребетъ, а потомъ и горы.

Сойма—рѣчное или озерное судно. Это слово тождественно съ корельскимъ и финскимъ «сойма», «сайма»—большое открытое или только на половину закрытое судно.

+ Салага—бѣлая рыбаца (Surginus albus), отъ корельск. «салатти»

÷ Сороба—плотица; отъ корельск. названія этой рыбы «сарга».

Сурузну—немножко; очевидно, произошло отъ корельск. «суурусъ»—крупинка, крошка, а въ видѣ нарѣчія и—немножко...

+ Тарандать, Тырандатель, Турандатель—шумѣть, гремѣть; отъ корельск. «тэ-риста»; служить для обозначенія звуковъ, издаваемыхъ телѣгой, ѣдущей по необтесаннымъ, круглымъ бревнамъ.

+ Торбать—распугивать весломъ рыбу, при ловлѣ ея неводомъ или сѣтями. Съ этимъ словомъ тождественно корельск. «тарбоа» (финск. taigroa)—значить стучать, плескать извѣстнаго рода шестомъ (тарбо).

+ Торвать, тырвать, торнуть, турнуть—среднее между толкать и дергать, тормошить, стучать, колотить (торкать въ двери; торни въ двери; полно тыркать; турни её вонъ изъ избы); отъ корельск. «туркайта» (также и по фински)—тырвать, толкать, давить, тѣснить.

+ Турба—морда у кошекъ и собакъ, а въ ругательномъ смыслѣ—и лицо чело-вѣка (я какъ закачу тебѣ по тюрбѣ); отъ корельскаго «турбедъ, ей»—густой, и прилагается только по отношенію къ мѣху и дѣсу.

+ Туусъ или туесъ—берестянный кузовъ; отъ корельск. «туо(н)и»—береста.

+ Уландать—выть; отъ корельск. «улиста»—сильно—плакать, стелать.

Урандатель—журчать; отъ корельск. «уриста», прилагается только для обозначенія урчанія въ брюхѣ.

Чича—сестра (у Барсова); отъ корельск. ласкательнаго слова «чичи»—сестрица.

Чихкатель—болѣть; въ корельскомъ яз. есть глаголъ «чихкоа», который собственно означаетъ—медленное горѣніе, напр., сырыхъ дровъ; въ переносномъ же смыслѣ значить и—чахнуть, хирѣть.

Чорандатель—журчать; отъ корельскаго «чѳориста» съ тѣмъ же значеніемъ.

Чустякъ—болячка; въ корельск. «чустякко» означаетъ небольшой прыщикъ, нарывъ (bouton d'amour)... Чухкатель—лежать смирно, не издавая звука. Созвучный этому глаголу въ корельск. яз. «чухкэа»—означаетъ быть угрюмымъ, молчаливымъ, изображать на своей физиономіи и во всей вѣншей фигурѣ скуку, апатію и т. д.

+ Шагайдатель—шевелиться въ темнотѣ. Корельское «шагиста» означаетъ шорохъ, производимый предметомъ или какимъ нибудь живымъ существомъ, невидимымъ для лица говорящаго.

+ Шаглы—жабры, происходитъ отъ тождественнаго корельскаго слова «шагзель».

Шалгунъ—дорожная сумка, котомка; итѣтъ происхожденіе отъ корельск. слова «шалгу»—дорожный мѣшокъ, наполненный припасами и разнаго рода вещами.

Шижликъ—ящерица; по корельски ящерица «шижеликко».

Шорпаки—сучки, неровности на какой либо поверхности; тождественно съ корельскимъ «шорпакко» или «шорпу».

Шугандатель—шептаться; отъ корельск. «шугиста», съ тѣмъ же значеніемъ.

Шуня—пристройка у двери (у Барсова); отъ корельскаго «шуня»—ящикъ, помѣщеніе, гдѣ держать мякину.

+ Юкнуть—ударить, стукнуть; очевидно сроденъ съ корельск. «юхкѣта»—ударить какии-нибудь большимъ или лучше тяжелымъ предметомъ.

Юрандаты—грѣмѣть; отъ корельскаго «юрста» съ тѣмъ же значеніемъ (юръ—громъ).

+ Ямега—шевѣ въ рыболовныхъ сѣтяхъ; слово корельскаго происхожденія, гдѣ глаголь «яму»—зашивать сѣти, равно существительное «ямо»—шовѣ въ рыболовныхъ сѣтяхъ.

Ятковать—твердить нѣсколько разъ объ одномъ и томъ же, часто напоминать. Глаголь, очевидно сроденъ съ корельскимъ «яткуо»—продолжать, удлинять и «яткоттоа»—соглашаться съ говорящимъ, поддакивать, ободрять и т. п. Последній, очевидно, по значенію ближе къ русской передѣлкѣ.

+ Чилайдаты—звенѣть. У кореляковъ «чилиста» прилагается для обозначенія звона серебряной монеты или маленькихъ колокольчиковъ.

+ Чуръ—крупный песокъ; корельск. «чууру» значитъ вообще песокъ и крупный и мелкій.

Лявзаты—болтать; отъ корельск. «лявзоттай» съ тѣмъ же значеніемъ (финск. lausaa—говорить много).

Кокачь—особаго рода пирожки продолговатой формы, съ корельск. «кокой»—хлѣбъ продолговатой формы.

+ Шингаты—щипать. Корельск. «шингуо»—значитъ трепать, приводить въ порядокъ, напр., одежду, ленъ, нитки.

Вліяніе языка корельскаго на русскій въ Олонецкой губерніи, кромя заимствованія послѣднихъ изъ перваго массы словъ, сказывается еще въ слѣдующемъ обстоятельстве. Въ Заонежѣ относительно языка замѣчается такое любопытное явленіе. Тамошніе жители произносятъ большую часть словъ противъ ударенія, преимущественно «бабы и дѣвки, замѣчаютъ Даль, переносятъ удареніе» на первый отъ начала слогъ: поди сюда, возьми, табакъ, гляди на гору, кто тамъ иде, цѣлый корманъ набралъ ягодъ, весь падошь оборвалъ, спроси въ городу, живетъ тамо, сиди смирно, скоро приду... Чѣмъ объяснить такое явленіе? Мнѣ кажется, что это происходитъ вслѣдствіе вліянія языка кореляковъ, которые, по преданію, уже издавна живутъ здѣсь въ сосѣдствѣ съ русскими. Въ языкѣ же корельскомъ, по особому его свойству, удареніе всегда стоитъ на первомъ отъ начала слогѣ (даже въ словахъ 4-хъ-сложныхъ—ялгатай...); эта же самая особенность, надо полагать, перешла и въ языкъ русскихъ.

Указаніемъ этихъ особенностей въ говорѣ олонецкянъ я и закончу свои замѣтки о вліяніи языка корельскаго на русскій въ предѣлахъ Олонецкой губерніи.

Н. Лѣсковъ.

Прим. Ред. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ употребляются и въ другихъ мѣстностяхъ нашего сѣвера. Такъ слова, обозначенныя у насъ крестикомъ, такъ или иначе употребительны у русскаго населенія въ Арханг. губ. (См. словарь обл. Арханг. нар. А. Подвысоцкаго, изд. Ак. Н. Спб. 1885). Иныя изъ этихъ словъ вошли въ литературный языкъ, напр.: *замѣчать* и *луда*. Слово же *залитъ*—смѣяться имѣлось и въ древне-русскомъ и въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ, гдѣ *залити* означ. ликовать, радоваться. Въ сербскомъ—*раззалити*, *раззалити*—exhilarare—разсѣять, развеселить, говорится про погоду: *разжалити* разъясниваетъ, разведриваетъ. Въ томъ же смыслѣ и въ русск., какъ въ малор., такъ и въ великор. Сравни *проталина* и въ малор. и въ великор. съ одинаковымъ значеніемъ. Лит. *galand*,—*galasti*—точить (напр. косу) ближе по смыслу къ финск. *salusta*—шумѣть, звенѣть, впрочемъ понятія звона и блеска (отточеннаго оружія) близки къ понятіямъ радости и ликованія. Гот. *goljan*=salutare, grüssen. Вообще это слово нельзя считать заимствованіемъ изъ финск. или готск. Что касается до слова *сѣбра*, то несомнѣнно сродное съ нимъ древне-сербск. *сѣбрь* и русск. *сѣбрь*, *шаберъ* правильнѣе производить отъ финск. и считать однимъ изъ старославянскихъ заимствованій, нежели выводить его вслѣдъ за Шафарикомъ, изъ народн. имени *Сабирова*.

ОТДѢЛЪ III.

КАВКАЗСКІЙ ОВЫЧАЙ,

какъ источникъ изученія первобытнаго права.

Замѣтки по поводу сочиненія Проф. М. М. Ковалевскаго: «Законъ и обычай на Кавказѣ», Москва 1890 г., т. I и II.

I.

Изученіе Кавказскаго права получаетъ все болѣе и болѣе широкій интересъ въ виду важнаго значенія его какъ въ практическомъ отношеніи, въ дѣлахъ отечественнаго законодательства, такъ и въ научномъ отношеніи, въ дѣлахъ изученія живаго матерьяла для построенія системы первобытнаго права. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи является особенно интереснымъ послѣднее сочиненіе проф. М. Ковалевскаго, вызвавшее съ нашей стороны рядъ предлагаемыхъ замѣтокъ. (Съ тѣхъ поръ, какъ за изученіе кавказской жизни принялись такіе видные представители современной науки, какъ Всеволодъ Миллеръ и Максимъ Ковалевскій, наука получила уже весьма много важныхъ и плодотворныхъ выводовъ. Труды проф. М. Ковалевскаго являются особенно цѣнными, если принять во вниманіе, что почтенный ученый самъ наблюдалъ кавказское право въ его живомъ дѣйствиіи, производилъ раскопки могилъ Кавказа, записывалъ преданія и рассказы стариковъ и имѣлъ возможность ознакомиться съ такимъ малодоступнымъ матерьяломъ, какъ неизданные рукописные сборники кавказскаго права и подлинныя дѣла горскихъ окружныхъ управленій. Если къ этому прибавить, что г. Русановъ въ своемъ некрологѣ объ извѣстномъ Бахофенѣ (въ журн. «Русская Мысль») не безъ основанія называлъ проф. Ковалевскаго однимъ изъ самыхъ сильныхъ современныхъ социологовъ¹⁾, то станетъ вполне понятнымъ, что каждый новый трудъ г. Ковалевскаго въ этой области долженъ быть принятъ съ особеннымъ интересомъ. Мы тѣмъ болѣе въ правѣ ожидать самыхъ плодотворныхъ результатовъ (съ новаго труда г. Ковалевскаго, что изданные имъ въ 1886 г. два тома, его соч. «Современный обычай и древній законъ» являются однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ послѣдняго времени получившимъ, къ сожалѣнію, весьма недостаточную оцѣнку въ русской наукѣ, не считая краткой и не обнимающей всего содержанія книги г. Ковалевскаго рецензіи г. Стоянова въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 1887 г. (Октябрь мѣсяцъ). Противъ этой рецензіи г. Ковалевскій счелъ нужнымъ сдѣлать краткое возраженіе въ статьѣ «Шавы», напечатанной въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 1888 г. (мѣс. Февр.), каковое возраженіе вошло и въ разбираемую нынѣ книгу г. Ковалевскаго²⁾. Къ слову сказать, статья «Шавы», помѣщенная во 2-й книжкѣ Юр. Вѣстника за 1888 г. и «Родовое устройство Дагестана», помѣщенная въ 12 книжкѣ Юр. Вѣстн. за тотъ-же годъ, вошли цѣликомъ во II томъ послѣдняго труда г. Ковалевскаго. Въ общемъ г. Ковалевскій поддерживаетъ и развиваетъ взгляды, изложенные имъ въ соч. «Первобытное право» и «Современный обычай и древній законъ».

¹⁾ Ср. также отзывъ сэра Фредерика Поллока въ 3-й кн. Юрл. Вѣстника за 1892 г.

²⁾ М. Ковалевскій, Законъ и обычай на Кавказѣ, т. II, стр. 101, примѣч.

Наиболѣе интересующимъ насъ вопросомъ является вопросъ о значеніи кавказскаго обычая для системы первобытнаго, т. е. примитивнаго, зародышеваго права. Самъ г. Ковалевскій указываетъ на значеніе кавказовѣднія слѣдующимъ образомъ: «европейскіе ученые занимаютъ прежде всего мысль о томъ, въ какой мѣрѣ изученіе юридическаго быта кавказскихъ племенъ подтверждаетъ или опровергаетъ тѣ гипотезы на счетъ древнѣйшихъ стадій общежитія и развившихся на ихъ почвѣ юридическихъ институтовъ, какіе этнологамъ и юристамъ Запада удалось построить на основаніи часто отрывочнаго, неполнаго, и еще чаще плохо провѣреннаго и поэтому сбивчиваго и противорѣчиваго матерьяла» (Зак. и обыч. на Кавказѣ, т. I, стр. 4). Если сопоставить послѣднюю часть приведенной фразы со взглядами г. Ковалевскаго, высказанными имъ въ 1880 г. въ сочин. «Историко-Сравнительный методъ въ юриспруденціи», то не трудно будетъ понять, что отрывочнымъ, неполнымъ, плохо-провѣренными и поэтому сбивчивымъ и противорѣчивымъ матерьяломъ проф. Ковалевскій, вслѣдъ за Мэнномъ, Фриманомъ и друг. ¹⁾ называетъ весь тотъ матерьялъ, который даютъ намъ данныя объ обычномъ правѣ дикихъ и нецивилизованныхъ племенъ Америки, Океаніи и т. д. Если, говоритъ проф. Ковалевскій, одни ученые—на основаніи обычно-правовыхъ данныхъ изъ жизни краснокожихъ племенъ Америки, другіе—на основаніи тѣхъ же данныхъ изъ жизни арійскихъ племенъ Индіи,—пришли къ разнымъ новымъ и важнымъ гипотезамъ о начальныхъ формахъ общежитія, то «этнографія Кавказа, по многочисленности и разнообразію обнимаемыхъ ею народностей и типовъ культуры, далеко оставляетъ за собою бытоисаніе какъ американскихъ и океаническихъ, такъ и индусскихъ племенъ» и потому съ успѣхомъ можетъ быть привлечена къ изученію древнѣйшихъ стадій общежитія *ibidem*, стр. 5—6). Обобщенія ученыхъ о примитивной жизни народовъ, по мнѣнію г. Ковалевскаго, противорѣчивы и верѣдко здѣсь одна теорія исключаетъ другую. Въ виду этого, обобщенія эти нуждаются въ провѣркѣ. «А для такой провѣрки едва-ли не самымъ надежнымъ матерьяломъ является тотъ, какой доставляетъ намъ наука кавказовѣднія» (*ibidem*, стр. 6). «Большее преимущество этого матерьяла, продолжаетъ авторъ, превосходство его надъ тѣмъ, какое даетъ намъ, положимъ, изученіе быта американскихъ, малайскихъ и полинезійскихъ племенъ, а также разнообразныхъ обитателей Индіи, лежатъ въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ народностями, которыя самою природою занимаемыхъ ими мѣстностей, поставлены въ условія, благопріятныя болѣе или менѣе сохраненію ихъ стародавнихъ правовъ и обычаевъ. Народности эти наблюдаемы были съ древнѣйшихъ временъ и продолжаютъ быть наблюдаемы и нынѣ» (тамъ же, стр. 7). Въ силу этого «преимущество, представляемое кавказскимъ матерьяломъ, сводится къ превосходству матерьяла историко-этнографическаго надъ матерьяломъ чисто этнографическимъ. Это превосходство не только дѣлаетъ возможною многократную провѣрку однихъ и тѣхъ же давныхъ, но и раскрываетъ предъ нами порядокъ зарожденія и роста отдѣльныхъ институтовъ, а также ту преемственную связь, которая существуетъ между различными стадіями развивающейся общественности».

Если, судя по всему сказанному, кавказовѣдніе въ состояніи дать намъ матерьялъ для провѣрки гипотезъ о тѣхъ формахъ, въ какихъ проявлялись древнѣйшія общежитія и о тѣхъ правовыхъ институтахъ, совокупность которыхъ можетъ быть принята наукою за систему примитивнаго права или, если можно такъ выразиться, за первоправо, то должно ожидать, что культура разныхъ племенъ Кавказа весьма близка къ той культурѣ, которую мы въ правѣ назвать примитивною, иначе говоря—первокультурою, или же, по крайней мѣрѣ, что культура эта представляетъ изслѣдователю столько пережитковъ отъ временъ младенческаго строя общества, что строй этотъ безъ особенныхъ усилій можетъ быть восстановленъ во всѣхъ своихъ чертахъ.

Въ дѣйствительности, однако, если остановиться внимательно на культурѣ современныхъ кавказскихъ горцевъ, то должно придти къ заключенію, что культуру эту ни на

¹⁾ У насъ: Слонимскій, Башмаковъ и друг.

одну минуту нельзя считать примитивною. Всякій скольконибудь знакомый съ образомъ соціальной жизни кавказскихъ горцевъ, даже въ наиболѣе изолированныхъ аулахъ, легко согласится съ тѣмъ, что, если сопоставить культуру горцевъ Кавказа съ образомъ жизни, положимъ, какихъ-нибудь веддойцевъ (остр. Цейлонъ) или маорисовъ (Нов. Зеландія), то одну изъ этихъ культуръ (Кавказа) придется назвать высшею, а другую низшею, или—что то-же—одну болѣе архаическою, чѣмъ другая. Одна возможность появленія поземельной общины ¹⁾ указываетъ на сравнительную высоту культурнаго развитія. Поэтому въ отношеніи изученія именно первобытнаго права—кавказовѣденіе можетъ служить источникомъ не столько какъ матерьялъ этнографическій, сколько какъ матерьялъ историческій. (Не говоря, конечно, о переживаніяхъ отъ временъ младенческой культуры въ современныхъ обычаяхъ горцевъ). Самъ г. Ковалевскій признаетъ, очевидно, справедливость этого обстоятельства, ибо иногда, хотя, правда, и очень рѣдко, обращается именно къ тому отрывочному, противорѣчивому и плохо проверенному матерьялу, который далъ современной наукѣ первобытнаго права наиболѣе плодотворные выводы, связанные съ именами Бахофена, Моргана, Макъ-Ленана, Леббока и др.

Если, основываясь на такого рода матерьялахъ, наукѣ первобытнаго права приходится прибѣгать къ гипотезамъ о состояніи строя примитивной жизни, той жизни, которая установилась въ первомъ агрегатѣ людей (именно людей въ смыслѣ социологическомъ, а не индивидуумовъ—въ смыслѣ біологическомъ), то намъ кажется невозможнымъ иное изученіе примитивнаго права. Наука первобытнаго права не можетъ быть обращена въ науку чисто наблюдательную. И это не потому, чтобы ощущался недостатокъ въ наблюденіяхъ, а потому, что право вообще, какъ совершенно справедливо выразился Савиньи, есть тоже человѣческая жизнь, лишь съ особой точки зрѣнія разсматриваемая. Право существуетъ среди людей и для людей; однимъ изъ факторовъ процесса правообразованія является личность ²⁾, и потому сумма качествъ, образующихъ личность, не могутъ быть игнорированы правомъ. Отсюда въ изученіи первобытнаго права необходимо пользоваться дедукціей въ такой же мѣрѣ, какъ и индукціей. Проф. Муромцевъ въ своей замѣткѣ на послѣднее сочиненіе Поста говоритъ слѣдующее: «Съ особеннымъ стараніемъ Постъ разъясняетъ то основное положеніе своего воззрѣнія, которое осуждаетъ изслѣдованіе права на почвѣ индивидуально психологической и рекомендуетъ взамѣнъ того изслѣдованіе социологическое. Личныя чувства, на которыхъ покоится правовой порядокъ, замѣчаетъ авторъ (Постъ), сами составляютъ продуктъ соціальнаго развитія; не индивидуальныя юридическія воззрѣнія создаютъ право, но, наоборотъ, эти воззрѣнія сами образуются подъ вліяніемъ дѣйствующаго права, какъ явленія, созданнаго жизнью человѣка въ обществѣ. Таковъ наиболѣе сильный и наиболѣе убѣдительный аргументъ изъ числа тѣхъ, которые приводятся авторомъ въ пользу изученія права, какъ соціальнаго явленія, и противъ господствующей философіи права, стремящейся вывести его изъ личной природы человѣка. Но при всей своей основательности, требованіе Поста и въ этомъ случаѣ односторонне. Конечно, право составляетъ продуктъ общественной жизни человѣка; конечно, общественная жизнь вырабатываетъ въ личности соответствующія соціальныя чувства. — чувство справедливости, свойственное личности, въ значительной мѣрѣ принадлежитъ къ числу таковыхъ чувствъ. Но за всѣмъ тѣмъ въ правѣ сказывается вліяніе личности, какъ личности, безъ отношенія къ ея положенію, какъ члена общества. Все право существуетъ ради регулированія индивида въ его борьбѣ съ подобными себѣ, а между тѣмъ эта борьба, служа однимъ изъ выраженій стремленія индивида къ самосохраненію, есть факторъ личной дѣятельности, существующей независимо отъ сожитія въ обществѣ. Личною, а не соціальною природою человѣка обуславливается и

¹⁾ Елизаровъ, Исслѣдов. по исторіи учр. въ Закавказьи, ч. 1, Сельская община, 1888 года.

²⁾ См. Карѣева, Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи, Сиб. 1890 г., вып. II, гл. 4, стр. 534 и слѣд.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго явствуетъ, что роль Кавказовѣденія для изученія первобытнаго права нѣсколько преувеличена г. Ковалевскимъ и что, съ другой стороны, изученіе примитивнаго права на основаніи одного лишь обычно-правоваго матеріала, почерпнутаго изъ жизни аріійскихъ народностей, не въ состояніи дать прежде всего ряда исходныхъ моментовъ первобытнаго права, а затѣмъ и всей системы этого права. И до родовой организаціи (и именно какъ ее понимаетъ г. Ковалевскій) существовалъ строй общественной жизни; и до родовой организаціи дѣйствовали принципы правообразованія. Поэтому примитивное право есть право до-родовое. Всѣ же принципы, связанные съ родовой организаціей, какъ напримѣръ культъ предковъ, являются не исходными моментами правообразующими, а моментами правоформирующими. Лишь позже, въ эпоху сравнительно высокаго уровня правовой жизни, моменты эти становятся источниками новыхъ институтовъ и, такимъ образомъ, входятъ въ рядъ правообразующихъ началъ. ¹⁾]

Очевидно изъ всего сказаннаго, что съ точки зрѣнія только что приведенныхъ положеній сочиненія г. Ковалевскаго представляетъ нѣкоторые недостатки, на которыхъ мы и остановимся. Этими и исчерпывается задача нашихъ замѣтокъ, такъ какъ говорить о достоинствахъ книги проф. Ковалевскаго представляется весьма затруднительнымъ по обилію вопросовъ, затронутыхъ имъ въ обобщеніи томахъ сочиненія.

II.

Въ первой главѣ (I тома) г. Ковалевскій собираетъ всѣ данныя, какія представляетъ Кавказовѣденіе, о томъ, что эпохѣ патернитета у горцевъ предшествовала эпоха материнства. Что же касается собственно матриархата, или женовластія, то о послѣднемъ г. Ковалевскій говоритъ слѣдующее: «Если принять во вниманіе всю сумму вышеприведенныхъ данныхъ: распаденіе племени на экзогамическія, братскія группы, право каждаго изъ членовъ этихъ группъ на женщинъ, пріобрѣтенныхъ изъ чужихъ родовъ и братствъ, отсутствіе того ежечаснаго и тѣснаго общенія, какое въ наши дни носятъ отношенія супруговъ между собою и родителей къ дѣтямъ, воспитаніе подрастающихъ поколѣній вдалекѣ отъ той семьи, въ которой они родились, неоднократное пребываніе замужнихъ женщинъ по дѣльнымъ годамъ въ семьяхъ ихъ отцовъ и посѣщеніе ихъ мужьями не иначе, какъ уградкой и, по возможности, безъ свидѣтелей, наконецъ выдающуюся роль, какую въ средѣ горцевъ занимаютъ отношенія брата и сестры, дяди по матери и племянниковъ, то не вполне баснословными представляются намъ рассказы древнихъ писателей, и во главѣ ихъ Страбона, о жившихъ на Кавказѣ, къ востоку отъ черкесовъ, женщинахъ вонительницахъ или амазонкахъ» (стр. 23—24). Но тѣмъ не менѣе, «если мы зададимся вопросомъ, какое понятіе о матриархатѣ можно составить на основаніи данныхъ кавказской этнографіи, то мы принуждены будемъ сказать, что эти данныя не оправдываютъ собою ни ученія Бахофена о существованіи нѣкогда періода женовластія, ни ученія Спенсера (въ текстѣ г. Ковалевскаго опечатка: Спенофа) о ничѣмъ не сдерживаемомъ на первыхъ порахъ половомъ инстинктѣ. Въмѣсто того, чтобы принадлежать женщинамъ, власть въ материнскомъ родѣ всецѣло сосредоточивается въ рукахъ ея мужскихъ когнатовъ: дяди и брата» (стр. 26). Наука первобытнаго права, однако, не въ правѣ отсюда придти въ выводъ, что ученіе Бахофена о женовластіи неправильно. Для такого заключенія необходимо найти данныя въ томъ самомъ матеріалѣ, который легъ въ основу обобщенія Бахофена, а за нимъ Маргана, Макъ-Леннана, Леббока, Жиротелона, Поста, Вилькена и другихъ ученыхъ. Изъ цитированнаго выше мѣста отиѣтитъ, что проф. Ковалевскій въ ряду институтовъ, стоящихъ въ связи съ материнствомъ, ставитъ также «воспитаніе подрастающихъ поколѣній вдалекѣ отъ той семьи,

¹⁾ Всѣ эти вопросы съ необходимою подробностью рассмотрѣны нами въ имѣющемъ непродолжительномъ времени выйти изъ печати трудѣ нашемъ «Очерки первобытнаго права».

въ которой они родились». Это вскормленіе и воспитаніе дѣтей на сторонѣ ведетъ къ установленію молочнаго родства, родства между семьей воспитанника и семьей воспитателя или кормильца. Молочное родство или аталычество имѣетъ у горцевъ Кавказа чрезвычайное большое значеніе. Оно ведетъ къ воспрещенію браковъ между членами семьи аталыка и семьи воспитателя, къ обязательству кровомщенія членовъ этихъ семей взаимно другъ за друга, къ прекращенію кровомщенія путемъ установленія молочнаго родства между родомъ обидчика и мстителей. Аталычество ведетъ и къ особой формѣ усыновленія путемъ прикосновенія усновляемаго къ обнаженной груди женщины изъ рода, принимающаго усновляемаго въ свою среду. По кавказской поговоркѣ, отмѣченной г. Ковалевскимъ, молочное родство идетъ также далеко, какъ и кровь. Этотъ институтъ аталычества авторъ приводитъ въ связь съ институтомъ материнства. Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ г. Ковалевскій объ аталычествѣ говоритъ слѣдующее: «Спрошенные о причинахъ его (аталычества) возникновенія, горцы обыкновенно отвѣчаютъ: въ домѣ родителей ребенка легко избаловаться, но отдайте его въ чужія руки, и изъ него выйдетъ джигитъ—высшая похвала въ устахъ горца, означающая стонка-храбреца. Такое объясненіе, продолжаетъ авторъ, въ моихъ глазахъ ничего не объясняетъ. Очевидно и другимъ народамъ свойственно желаніе воспитать въ своихъ дѣтяхъ удалцовъ на всѣ руки, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они считали нужнымъ не воспитывать ихъ дома ²⁾). Только сопоставляя кавказское аталычество съ нѣкоторыми другими явленіями кавказской жизни и освѣщая послѣднія этнографическими аналогіями, можно доискаться, какъ я полагаю, дѣйствительнаго источника этого крайне любопытнаго обычая. Горцы Кавказа, и въ числѣ ихъ осетины, не только отдають постороннимъ лицамъ своихъ дѣтей на воспитаніе, но и не позволяютъ послѣднимъ открыто признавать себя ихъ потомствомъ. Нѣкоторые директора гимназій передавали мнѣ на этотъ счетъ въ высшей степени интересныя подробности. Думая доставить имъ удовольствіе, они приглашали подчасъ родителей присутствовать на раздачѣ награды дѣтямъ; и что же оказывалось? Приглашенные не только не высказывали имъ за то своей признательности, но, явившись на совѣтъ, часто обнаруживали признаки нетерпѣнія каждый разъ, когда въ ихъ присутствіи открыто называли того или другаго ребенка ихъ сыномъ. Въ присутствіи родителя сынъ, оказывая ему всяческое почтеніе, въ то же время ни разу не назоветъ его столь понятнымъ въ устахъ ребенка прозвищемъ батюшки,—такъ какъ этого не терпитъ обычай. Чтобы встрѣтиться съ однохарактерными явленіями въ другихъ странахъ, надо мысленно перенестись въ общество, въ горныхъ, при невыработанности индивидуальнаго брака, патернитетъ еще не установленъ, гдѣ ребенокъ состоитъ въ родствѣ съ одною матерью да родственниками послѣдней и нѣбѣдо вовсе не знаетъ отца». Г. Ковалевскій при этомъ указываетъ на данныя, приведенныя Жиро-Телономъ, относительно воспитанія дѣтей на сторонѣ у маорисовъ, причемъ видимой причиною обычая является желаніе устранить возможность пристрастнаго отношенія матери къ дѣтямъ особенно любимаго ею мужчины и установленія по отношенію къ нимъ полнаго равенства. Но при отрицаніи г. Ковалевскимъ женовластія и при исключительномъ значеніи въ эпоху материнства когнатческаго родства въ мужской линіи (дяди, брата), такое пристрастное отношеніе все равно не могло создать неравенства между дѣтьми, а если могло, то обстоятельства нисколько не измѣняются и въ эпоху патернитета, а потому институтъ аталычества въ одинаковой мѣрѣ могъ возникнуть и при господствѣ патернитета и при господствѣ материнства; иначе говоря, аталычество не состоитъ въ прямой зависимости отъ материнства. Что касается указаннаго проф. Ковалевскимъ поведенія родителей и дѣтей осетинскихъ, то

¹⁾ М. Ковалевскій, Современный обычай и древній законъ. М. 1886 г., т. I, стр. 282—284.

²⁾ Однако, факты показываютъ, что воспитаніе дѣтей внѣ дома извѣстно и другимъ народамъ, но родственники съ обитателями Кавказа, напр. киргизамъ, туркменамъ, маорисамъ. См. напр. Са хокъ асова, Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ. Варшава 1876, стр. 30 и друг.

оно въ одинаковой мѣрѣ съ вообще униженностью высказыванія нѣжныхъ чувствъ къ дѣтямъ и даже къ женѣ своей объясняется не тѣмъ, что, при господствѣ материнства, ни отецъ, ни сынъ не могутъ съ увѣренностью назвать другъ друга этими именами, а тѣмъ свойственнымъ первичной культурѣ явленіемъ, по которому позорнымъ для воинственнаго хищника считается обнаруженіе всякаго мягкаго и сердечнаго движенія любви, участія, жалости и т. п. какъ по отношенію къ ближнимъ, такъ по отношенію къ плѣннымъ. Жестокость, суровость, непреклонность—единственныя качества, которыя похвально обнаруживать члену примитивнаго общества. Поведеніе кавказцевъ на гимназическихъ совѣтахъ являетъ собою несомнѣнныя переживанія отъ болѣе глубокой эпохи суроваго хищничества.

Въ послѣднемъ своемъ трудѣ г. Ковалевскій говоритъ: «отношеніе, въ которомъ этотъ обычай (аталычество) стоитъ къ тѣмъ отдаленнымъ отъ насъ порядкамъ, при которыхъ родство по отцу еще неизвѣстно, и установленная самой природой связь между матерью-родительницей и происшедшимъ отъ нея ребенкомъ одна считается источникомъ семейнаго единенія, какъ нельзя лучше выступаетъ изъ сопоставленія кавказскаго аталычества съ однохарактерными явленіями въ бытѣ полинезійскихъ племенъ»¹⁾. Авторъ снова ссылается при этомъ на Жиро-Телона и затѣмъ говоритъ «обычай полинезійскихъ дикарей раскрываетъ предъ нами дѣйствительный источникъ аталычества. Дѣти потому поступаютъ у черкесовъ на воспитаніе къ постороннему лицу, желающему вступить по отношенію въ нимъ въ роль аталыка, что принадлежность ихъ тому или другому отцу является спорной, очевидно не по иной причинѣ, какъ по той, что всѣ члены одного братства одинаково могли быть мужьями ихъ матери. Только открытое признаніе ихъ тѣмъ или другимъ мужчиной обращало ихъ въ его дѣтей». Замѣтимъ, что еслибы таковъ былъ генезисъ аталычества, то ничто не мѣшало воспитателямъ удерживать у себя своихъ аталыковъ на всегда, чѣмъ увеличивалось бы количество членовъ группы воспитателя. Замѣтимъ также и то, что молочное родство противорѣчитъ теоріи Фюстель-де-Кюланжа о религіозномъ культѣ, какъ принципъ родовой организаци, ибо мы имѣемъ здѣсь случай, въ которомъ кормилицы пріобрѣтаютъ права въ данной группѣ, будучи членами другой группы и исповѣдую другой культъ. На это слѣдовало бы обратить весьма серьезное вниманіе. Если аталычество относится къ числу архаическихъ институтовъ первобытнаго права, или, какъ мы выразились выше, первоправа (п въ этомъ мы увѣрены), то это приводитъ къ весьма важному выводу. Аталычество, какъ мы видѣли, не только не подтверждаетъ, но прямо отрицаетъ теорію родового культа, какъ исходнаго момента въ дѣлѣ образованія примитивнаго права, теорію Фюстель-де-Кюланжа, къ которой генетически примыкаетъ ученіе г. Ковалевскаго. Отсюда слѣдуетъ, что культъ предковъ—явленіе позднѣйшее въ соціальной жизни народовъ, ибо такой институтъ, какъ аталычество, не только не можетъ быть объясненъ съ точки зрѣнія этого культа, но даже стоитъ съ нимъ въ прямомъ противорѣчій. Аталычество пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе интересъ для науки первобытнаго права, что не можетъ быть объяснено и явленіемъ материнства, какъ это было указано выше. Материнство связывается, хотя и косвенно съ принципами экономическими²⁾. Отсюда выводъ, что и экономическія начала не въ состояніи объяснить института аталычества. Это, впрочемъ, и само собой понятно, ибо, безъ особенныхъ и произвольныхъ натяжекъ, невозможно поставить аталычество въ связь съ трудовымъ началомъ.

Говоря о культурныхъ вліяніяхъ, какія оказывали на кавказское право различныя народности, проф. Ковалевскій въ главѣ о вліяніи армянскаго и грузинскаго права замѣчаетъ: не меньше совпаденія представляютъ армянскія, грузинскія и горскія (въ частности осетинскія) постановленія о молочномъ родствѣ и о связанныхъ съ нимъ брачныхъ запретахъ. Въ старые годы осетины и по ихъ примѣру татары-горцы

¹⁾ Ковалевскій. Законъ и обычай на Кавказѣ, т. I, стр. 16.

²⁾ См. напр. З и бера, Очерки первобытной экономической культуры, Москва 1883 г., стр. 291 и слѣд.

соблюдали эти запреты даже въ отдаленныхъ степеняхъ—обстоятельство наглядно выступающее въ ихъ поговоркѣ: «молоко идетъ также далеко, какъ и кровь». Въ настоящее время бракъ не дозволяется только между братьями и сестрами. О такомъ же родствѣ, какъ о препятствіи вступать въ бракъ, говоритъ п. статья 343 армянскихъ законовъ: «буде женихъ и невѣста—гласить эта статья—воспитаны будутъ одною кормилицею, то хотя бы между ними и не было родства, они не могутъ сочетаться бракомъ, ибо кормилица то-же для нихъ значить, что мать» ¹⁾. Замѣтимъ, что аталычество не различаетъ кормилицы отъ кормильца, отсюда по аналогіи: кормилицъ для нихъ значить то же, что отецъ. Говоря о вліяніи татаръ на горское право, г. Ковалевскій приводитъ снова аналогію права этихъ народностей въ отношеніи молочнаго родства ²⁾.

Откуда же взяли горцы институтъ аталычества? Изъ жизни армянъ, татаръ или кабардинцевъ? ³⁾ Всего вѣрнѣе, что институтъ этотъ самобытный, необходимый въ первоначальной жизни всякаго народа, стоящаго на уровнѣ арханческой культуры. Объ одновременномъ заимствованіи института горцами у разныхъ народностей не можетъ быть и рѣчи, а о чемъ либо подобномъ по сравненію кавказскаго права съ правомъ киргизовъ или маори'евъ, конечно, никто и не подумаетъ заговорить. Поэтому институтъ аталычества долженъ быть признанъ изстарадавниимъ институтомъ горскаго права. А если такъ, то взглядъ г. Ковалевскаго на значеніе родового культа предковъ оказывается не столь широко примѣнимымъ не только къ первобытному праву вообще, но и къ древнѣйшему кавказскому въ частности. Впрочемъ, изъ сказаннаго выше о религіозномъ культѣ означенное положеніе могло бы быть выведено и чисто дедуктивнымъ путемъ.

Гдѣ же, однако, въ какомъ исходномъ моментѣ лежитъ генезисъ института аталычества? Если это институтъ самобытный, примитивный, то корень его долженъ лежать въ самой примитивной культурѣ. Оно такъ и есть. Чтобы подтвердить сказанное, намъ остается привести только слѣдующія слова г. Леонтовича: «Обычай аталычества издревле практикуется у всѣхъ кавказскихъ горцевъ, главнымъ образомъ у князей и дворянъ, и обусловливается всей хищнической обстановкой боевой ихъ жизни. Рѣдко бывая по долгу у семейнаго очага, хищнику горцу было не до дѣтей: онъ сдавалъ ихъ постороннему аталыку, въ школѣ котораго усвоились питомцемъ всѣ суровыя черты и качества наѣздника горца» ⁴⁾. Оставить ребенка воспитываться дома—онъ останется въ женскихъ рукахъ и изъ него не выйдетъ джигитъ, что одно и нужно членамъ первобытнаго общества; не выйдетъ потому, что все способное къ хищничеству рѣдко сидитъ дома, а старики и женщины могутъ лишь своими разсказами нравственно закалить мальчика, физическаго же хищническаго воспитанія ему дать они не могутъ. Отсюда необходимость отдать его на сторону или убить. И то и другое практикуется первобытными народами. Отдать на сторону нужно опять-таки въ такую среду, которая выработала бы изъ мальчика—хищника, изъ дѣвочки—подругу хищника. Но вѣдь и все молодое поколѣніе на сторонѣ—также рѣдко бываетъ дома, отсюда необходимость искать воспитателей среди здороваго и взрослога населенія низшихъ слоевъ общества, даже среди рабовъ. Кавказское право всецѣло подтверждаетъ эту необходимость. Воспитателями, аталыками, эмчеками были по преимуществу члены низшихъ классовъ; для князей и старшинъ—первостепенные уздени, для послѣднихъ—уздени низшихъ степеней или чагары, крѣпостные ⁵⁾.

¹⁾ М. Ковалевскій, Законъ и обычай на Кавказѣ, т. I, стр. 161—162.

²⁾ Ibidem, стр. 215.

³⁾ Сравн. ibidem., стр. 254; Ковалевскаго, Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 283—284.

⁴⁾ Леонтовичъ, Адаты кавказскихъ горцевъ, Одесса 1883 г., т. I, стр. 363.

⁵⁾ Ibidem. т. II, стр. 252.

Конечно, всѣ затронутые нами вопросы требуютъ болѣе подробнаго объясненія; но такое требованіе можетъ быть предъявлено къ систематическому труду, а не къ бѣглымъ замѣткамъ, представляемымъ нами на судъ читателей. Заканчивая обзоръ I-й главы труда г. Ковалевскаго, скажемъ, что въ ней съ особенною тщательностью и убѣдительностью собраны данныя въ пользу установленія того положенія, что у горскихъ племенъ Кавказа материнство предшествовало развитію патернитета и агнатическаго родства и что въ самое стародавнее время у тѣхъ же племенъ господствовалъ форма брака по группамъ.

III.

Вторая глава I-го тома труда г. Ковалевскаго говоритъ объ общихъ чертахъ родоваго устройства Кавказа. Это устройство авторъ ставитъ въ связь съ религіозными представленіями и въ частности съ культомъ предковъ. Культу этому, какъ извѣстно, проф. Ковалевскій придаетъ значеніе не для одного только кавказскаго права. Мы указали уже выше на неправильность этого взгляда. Отметимъ только, что въ одной мѣстѣ (т. I, отдѣлъ I, глава II, стр. 45) г. Ковалевскій находитъ, что фундаментич., на которомъ развилось агнатное родство, является культъ предковъ, а въ другой (т. I, отд. II, гл. V, стр. 195) онъ считаетъ такимъ же фундаментомъ патернитетъ.

Обратимся къ рассмотрѣнію того, какъ проф. Ковалевскій развиваетъ свои взгляды на отмѣченную выше связь. Родовое устройство кавказцевъ, по мнѣнію автора, совпадаетъ во времени съ періодомъ полнѣйшаго развитія анимизма (терминъ Тейлора). По представленію горцевъ, умершіе продолжаютъ ту же жизнь за гробомъ. Повтому умершіе имѣютъ свои потребности, удовлетвореніе которыхъ лежатъ на живущихъ. Умершіе предки налагаютъ обязательство мести за смерть ихъ на живущее поколѣніе. Стоить не удовлетворить потребностямъ умершихъ и гнѣвъ ихъ скажетъ себя въ тѣхъ или иныхъ невыгодныхъ послѣдствіяхъ на судьбахъ живущаго потомства. Тогда явится нужда въ умилостивленіи предковъ. Одни изъ умершихъ предковъ являются доброжелательными для живущаго поколѣнія, другіе—зложелательными. Съ кѣмъ умершіи враждовали въ жизни, съ тѣмъ онъ будетъ враждовать и за гробомъ; отсюда партикуляризмъ культа предковъ. Необходимости постояннаго возобновленія поминальныхъ приношеній ведетъ къ необходимости постояннаго поддержанія огня, отсюда культъ очага, котла и цѣпи. При партикуляризмѣ культа, послѣдній становится единственнымъ центромъ, вокругъ котораго группируется живущее поколѣніе; отсюда же обособленность и исключительность каждой группы, сконцентрировавшейся вокругъ своихъ почитаемыхъ предковъ. Сказанное связующее вліяніе культа проявляетъ себя въ различныхъ правовыхъ институтахъ. Такъ родовая месть есть ничто иное, «какъ долгъ, какъ обязанность не только совѣстнаго, но и религіознаго характера» (стр. 34). Поэтому то черкесы, чеченцы и осетины убивали кровныхъ враговъ на самой могилѣ ихъ жертвъ. Въ ближайшее въ намъ время кабардники, черкесы в чеченцы отсѣкали у убійцы ухо и зарывали его въ могилу убитаго. Мстителю, исполнивъ свой священный долгъ, приходило на могилу убитаго предка и оновѣщавъ покойника о постигшей убійцу карѣ. Не отомстить считается позоромъ, и самая месть является прямою обязанностью членовъ рода. Самое примиреніе мстителей съ обидчикомъ отражаетъ въ себѣ религіозный характеръ института мести. Обычай самопожизненія, практикуемый при этомъ, приближается къ подобному же установленію древне-славянскаго права, именно къ институту наказания¹⁾. Такимъ же образомъ обхожденіе очага невольной у черкесовъ и ингушей составляетъ необходимую часть брачнаго ритуала. Тѣмъ же значеніемъ святости очага объясняется

¹⁾ Описаніе его см. у Ивана шева. О платѣ за убійство въ древне-русескомъ и друг. славянск. законодательствахъ сравнительно съ германскою вирою, Кіевъ 1840 г., стр. 35 и слѣд., у Щипилевскаго. союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ, Казань 1866 г., стр. 75 и слѣд.

что мести вытекаетъ изъ строя первичной хищнической культуры. Человѣкъ мститъ не изъ-за вѣдннн почившаго предка, а потому, почему ребенокъ бьетъ предметъ, о который онъ ударился, почему древнйй человекъ мститъ животному, причинившему ему вредъ. Самая обязательность кровомщенія вытекаетъ изъ того же хищничества, какъ выраженіе индивидуализма, существованіе котораго ошибочно отрицаетъ г. Ковалевскій вслѣдъ за почти единогласнымъ отрицаніемъ того же въ современной наукѣ принятнаго права. Понятіе доблести, связываемое со всякимъ вредомъ, наносимымъ членомъ другой группы, ведетъ къ почету, воздаваемому особенно ревностному мстителю. Этотъ почетъ ведетъ къ сознательному и бессознательному подражанію со стороны другихъ членовъ даннаго обществнн (Каръевъ: психическое взаимодействие). Устанавливается традиція въ дѣлѣ отпавленія кровомщенія, а переходъ традиціи въ обязанность уже самъ собою понятенъ. Религіозный культъ гораздо позже лишь прнхводитъ къ институту мести и только болѣе освѣщаетъ ее. Что касается института покаянн, то и послѣдннн, не смотря на свой рѣзко религіозный характеръ, далеко не гнѣдится въ первичной религіи, какъ весьма убѣдительно доказалъ въ недавнее время г. Павинскій ¹⁾). Наконецъ, основной доводъ г. Ковалевскаго о неупотребительности мести въ отношеніи сочленовъ одного и того же рода опровергается фактами. Постъ въ отношеніи первобытнаго права младенческихъ племенъ, Сергѣевичъ въ отношеніи древне-русскаго права и Леонтовичъ и Пфафъ въ отношеніи права кавказскихъ горцевъ приводятъ свѣдѣтельства совершенно обратнаго характера. Отсюда слѣдуетъ, что на позднѣйшихъ стадіяхъ развитія обществннности родство исключаетъ примѣненіе кровомщенія, но насколько не ослабляетъ примѣнимости его въ древнѣйшія времена. Подмѣченная Мэнномъ связь между лицами, наследующими умершему и мстящими за убитаго, связь между единеніемъ тотема, какъ учрежденія религіознаго (по Мэну и Спенсеру) и не примѣнимостью кровомщенія въ отношеніи лицъ, причисленныхъ къ одному тотему (ночену то въ русскомъ переводѣ Мэна Др. Законъ и обычай этотъ терминъ изуродовать тотемкинъ) есть связь случайная, не вытекающая изъ сущности понятія кровомщенія и связь гораздо чаще не встрѣчающаяся, чѣмъ имѣющая въ дѣйствительности мѣсто. Трудно говорить о религіозномъ значеніи мести, когда дикари нѣрѣдко мстятъ своему собственному божеству ²⁾).

Такимъ же образомъ и положеніе примитивнаго рабства не можетъ быть поставлено въ связь съ теоріей религіознаго культа. Возникновеніе его, какъ показалъ Спенсеръ, Зиберъ, Клемъ и друг. несомнѣнно лежитъ глубже, нежели возникновеніе самого культа. Первые рабы исключительно комплектовались изъ военнопленныхъ—стало быть источникъ ихъ возникновенія есть примитивное хищничество. Сохраненіе жизни военнопленнаго порождено несомнѣнно экономическими причинами; съ точки же зрѣннн культа предковъ сохраненіе жизни пленнаго необъяснимо; наоборотъ съ этой точки зрѣннн понятно было бы непремѣнное лишеніе жизни пленнаго, какъ поминальная и утилизируемая жертва предку. Позднѣйшее же различіе рабовъ изъ военнопленныхъ отъ рабовъ купленныхъ, кабалныхъ и еще болѣе отъ рабовъ рожденныхъ въ гниахъ уже не имѣетъ такого серьезнаго значенія для теоріи исключительнаго значенія религіознаго культа. Какъ явленіе весьма позднее, это различіе въ положеніи рабовъ не можетъ дать оправданія для причисленія культа предковъ къ числу первоначаль въ дѣлѣ образованія права.

Изъ изложеннаго само собою понятно уже, что всѣ выводы г. Ковалевскаго, построенные на тѣхъ же отмѣченныхъ нами основаніяхъ и изложенные въ дальнѣйшемъ теченіи его труда, являются то въ большей, то въ меньшей мѣрѣ ошибочными. Они въ большей мѣрѣ вѣрны, по скольку касаются институтовъ происхожденія болѣе позднато

¹⁾ См. Pawińskiego, O pojednaniu w zabojuście według dawnego prawa polskiego. Warszawa 1884 г., гл. V.

²⁾ См. напр. Peschel's Völkerkunde, Leipzig. 1873. с. 258—259; Спенсера Основанія соціологіи, изд. Тиблена 1876 г., стр. 338.

в болѣе ошибочны по скольку касаются институтовъ, имѣющихъ весь характеръ элементарныхъ правоотношеній. Не желая злоупотреблять терпѣніемъ читателя, мы не станемъ слѣдовать шагъ за шагомъ за этими выводами автора, съ насъ достаточно сказаннаго выше и сказаннаго въ общей формѣ.

Особенно интересными являются слѣдующія обобщенія г. Ковалевскаго: «Культъ общихъ предковъ является для рода тѣмъ связующимъ началомъ, какое большинство изслѣдователей родовыхъ отношеній тщетно искали въ фактѣ происхожденія отъ одного общаго начальника. Если принять во вниманіе, что большинство родовъ развилось изъ экзогамическихъ группъ, которымъ было извѣстно только родство по матери; если имѣть въ виду, что путемъ добровольнаго присоединенія (въ этомъ и только въ этомъ отношеніи содержится доля правды въ теоріи договорнаго возникновенія общества) къ сильному своей численностью роду другихъ болѣе слабыхъ родовъ (во II т. труда г. Ковалевскаго приведено много фактовъ этого рода), точно также какъ путемъ неоднократно повторяющихся случаевъ усыновленія членовъ чужихъ родовъ, чистота крови въ предѣлахъ рода становится фактически невозможной, то не мудрено будетъ придти къ заключенію, что нѣтъ основанія говорить о кавказскомъ родѣ, какъ о продуктѣ естественнаго размноженія семьи. Теорія рода, какъ результатъ постепеннаго развитія первичной, семейной ячейки, состоящей изъ мужа и жены, теорія, на несостоятельность которой указано было мною въ моемъ: «Первобытномъ правѣ», отнюдь не можетъ быть защищена на основаніи кавказскаго матерьяла. Правда, на Кавказѣ, въ особенности среди дворянскихъ семей, не разъ попадаются геологическія (вѣроятно генеалогическія) деревья; но кавказскія генеалогіи ничего не говорятъ намъ о первоначальномъ происхожденіи родовъ и совершенно могутъ быть оставлены въ сторонѣ при рѣшеніи этого вопроса. Гораздо больше значенія для его рѣшенія имѣютъ хотячяи среди горцевъ сказанія о «великанахъ» или «нартахъ». Сказанія эти рисуютъ намъ рядъ выдающихся личностей въ которымъ со всѣхъ сторонъ стекаются и родственники и чужеродцы, съ тѣмъ, чтобы подъ ихъ покровительствомъ совершать удачныя набѣги на сосѣдей. Такъ развивается дѣятельность этихъ первыхъ «собирателей если не земли, то людей». Со всѣхъ сторонъ стекаются къ нимъ безъ разбора родственники и чужеродцы, не только съ цѣлію совершать подъ ихъ начальствомъ случайныя набѣги на сосѣдей, но и для того, чтобы образовать изъ себя постоянныя союзы, охотно переходящіе отъ самозащиты къ нападенію. Осетнискія сказанія, записанныя Мидлеромъ, не разъ упоминаютъ о нартскихъ дружинахъ и рѣшеніяхъ, принимаемыхъ ими соборно на народныхъ сходкахъ или нхасяхъ. Ихъ набѣды (больцы) нерѣдко происходятъ подъ предводительствомъ какого нибудь выдающагося вождя, на котораго указываетъ не только возрастъ, но и сложившаяся о немъ молва». «Общее представленіе, какое выносятся о дѣятельности этихъ народныхъ героев въ дѣлѣ объединенія разрозненныхъ элементовъ общества, довольно близко къ тому, какое получаешь при изученіи порядка возникновенія родовъ Раджпуртовъ или клановъ Шотландіи. Вокругъ смѣлаго витязя собирается пестрая по своему составу меньшая дружина. Съ нею онъ производитъ свои набѣги, уводитъ у сосѣдей стада овецъ и табуны лошадей; похищаетъ издалика и вблизи дѣвушекъ чужихъ материнскихъ родовъ; съ нею же онъ пируетъ въ тѣ рѣдкіе промежутки времени, которые собранная имъ дружина проводитъ въ мирѣ и снокоиствіи. Ожиданіе ежечаснаго возмездія не позволяеть ему распускать своихъ товарищей, почему его дружина переходитъ постепенно въ постоянное сообщество, всегда готовое сняться съ мѣста и идти войною на общаго врага. Чѣмъ больше растетъ слава о его подвигахъ и доблести, тѣмъ большее число лицъ снѣшитъ стать подъ его начальство. Собравшаяся вокругъ него толпа не представляетъ собою ничего однороднаго; ее связываетъ воедино только общность опасностей и враговъ, общее довѣріе и нерѣдко привязанность къ руководителю или вождю». Рано или поздно вождь этотъ сходитъ со сцены; память о немъ долго еще живетъ въ живущемъ поколѣніи; о немъ складываются былины; онъ становится предметомъ почитанія. Отсюда недалеко съ одной стороны до культа, съ другой до фикціи, по которой слѣдующія поколѣнія считаютъ себя происходящими отъ одного общаго родоначальника—славнаго витязя, джигита (т. I, стр. 45—50). Описывая устрой-

ство Дагестана, г. Ковалевскій говоритъ, что теорія, рисующая родъ развѣтвленіемъ еди-наго ствола, представляемаго семьей родоначальника, стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ фактами. Многие роды не носятъ совершенно генетическихъ наименованій, многие принимаютъ тѣ или другія прозвища, смотря по характеру ихъ занятій или по мѣсту ихъ первоначальнаго поселенія. Въ тѣхъ аулахъ, которые ведутъ свое происхожденіе отъ опредѣленнаго родоначальника, послѣднимъ является какой-либо нѣтъ знаменитѣй-шихъ предковъ, лицо, прославившееся своею храбростью или другими качествами. Это въ народномъ смыслѣ «герой», въ родѣ героевъ, изображаемыхъ въ былинахъ, сагахъ, эпическихъ и полу-эпическихъ сказаніяхъ и проч. «Вокругъ выдающагося вождя груп-пируется большее или меньшее число не всегда родственныхъ между собою семей, ко-торыхъ на разстояніи немногихъ (скорѣе многихъ) поколѣній считаютъ себя его потом-ствомъ» (т. II, стр. 148—150).

Все приведенное г. Ковалевскимъ самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, что не въ культѣ, возникающемъ сравнительно поздно, («послѣ немногихъ поколѣній») и не въ экономическихъ принципахъ, каковыми нельзя считать мотивы группировки, указанные въ приведенныхъ цитатахъ («союзы защиты, охотно переходящія къ напа-денію», увозъ скота, табуновъ, женщинъ и проч.), нужно видѣть связующее начало пер-воначальнаго рода; что культъ предковъ и хозяйственныя стремленія (первообразъ эконо-мики) являются началами позднѣйшими, привходящими, — освящающими или измѣняю-щими существующія установленія сообразно своей особенной природѣ, что эти начала являются правосоздающими моментами лишь съ того времени, когда въ большей или меньшей мѣрѣ упрочился общественный мѣръ—одно изъ первыхъ условий для спокой-наго отправленія культа члн хозяйственныхъ стремленій. Въ частности въ отноше-ніи образованія общезитій мы видимъ, что культъ, какъ явленіе болѣе позднее, чѣмъ самое общезитіе, не можетъ быть признанъ тѣмъ ферментомъ, который собираетъ чле-новъ группы вокругъ одного центра. Къ совершенно инымъ заключеніямъ, однако, при-ходитъ проф. Ковалевскій. «Изъ сказаннаго слѣдуетъ, говоритъ онъ, что въ процесѣ возникновенія кавказскихъ родовыхъ группъ (собственно перехода материнскихъ обще-житій въ родовыя организаціи, сравн. т. II, стр. 148 и слѣд.) культъ предковъ при-званъ былъ играть далеко не послѣднюю роль. Въ немъ, а не въ совершенно произ-вольномъ представленіи о единствѣ происхожденія и крови слѣдуетъ видѣть то скрѣп-ляющее начало, благодаря которому случайно сошедшаяся группа лицъ, перешла въ по-стоянный союзъ круговой поруки, извѣстный намъ подъ названіемъ родового союза (т. I, стр. 51 и ссылка на Ковалевскаго «Первобытное право» ч. I, стр. 85) ¹⁾. Намъ кажется, однако, что выводъ этотъ вовсе не вытекаетъ изъ всего сказаннаго г. Ковалевскимъ и приведеннаго нами почти сплошь *in extenso*. На сколько это справед-ливо, предоставляемъ судить читателю.

Чуть ли не лучшимъ мѣстомъ изъ книги г. Ковалевскаго нужно считать изло-женіе имъ вопроса о характерѣ отношенія въ эпоху родового устройства человѣка къ землѣ. Этому вопросу и связаннымъ съ нимъ вопросамъ объ аграрномъ коммунизмѣ и семейно общинномъ устройствѣ г. Ковалевскій посвящаетъ нѣсколько весьма интересныхъ страницъ (стр. 52—68), къ которымъ мы и отсылаемъ любознательнаго читателя, пиѣя въ виду, что мы не приняли на себя задачи написать полный отчетъ о всѣхъ вопро-сахъ, разсматриваемыхъ проф. Ковалевскимъ. Сдѣлать болѣе значило бы написать такихъ же два объемистыхъ тома, что очевидно идетъ въ разрѣзъ съ задачей нашихъ замѣтокъ.

Не менѣе интереснымъ является вопросъ о примѣненіи самоуправства въ сферѣ имущественныхъ и личныхъ обидъ, — вопросъ, которому много страницъ посвящено во второмъ томѣ разбираемаго труда. Здѣсь мы скажемъ, что (обстоятельство прочно уста-новленное въ наукѣ) указанное самоуправство не стоитъ въ непрѣмѣнной связи съ ро-довымъ устройствомъ общезитій. И до него существовалъ тотъ же самосудъ, та-же мѣсть, то-же возмездіе и самовольное восстановленіе нарушенныхъ правъ.

¹⁾ Сравн. статью Каутскаго въ Сѣв. Вѣстн. 1891, № 10.

По вопросу о первобытномъ вѣщевомъ устройствѣ кавказскихъ горцевъ г. Ковалевскій утверждаетъ, что «кавказская этнографія нисколько не подтверждаетъ ходячаго ученія о томъ, что на раннихъ ступеняхъ общежитія судебная власть составляетъ атрибутъ всего собравшагося на сходку народа» (т. I, стр. 74). Эта этнографія выдвигаетъ на первый планъ институтъ посредничества, третейства въ дѣлѣ суда; откуда необходимость въ присяжничествѣ и поручительствѣ, какъ залогъ исполненія маслячатнаго рѣшенія. Скажемъ только, на что было указано нами выше, что если кавказская этнографія и не подтверждаетъ теоріи о древнѣйшемъ народоправствѣ, то это еще не значитъ, что она отрицаетъ эти теоріи. А если такъ, то вѣщевое устройство Кавказа приобрѣтаетъ лишь интересъ спеціальный, теряя характеръ матерьяла, пригоднаго для обобщеній въ дѣлѣ изложенія системы общаго первобытнаго права.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи перваго тома г. Ковалевскій даетъ полное научнаго интереса и значенія изслѣдованіе о тѣхъ культурныхъ вліяніяхъ, которые преобразовали адатное первоначальное право. Нѣкоторые изъ выводовъ, дѣлаемыхъ при этомъ г. Ковалевскимъ, вызываютъ возраженія, но мы этихъ возраженій не дѣлаемъ, потому что, по крайней мѣрѣ въ отношеніи аналогіи права, самъ авторъ сознаетъ, что всякое древнее право вообще и въ особенности право арійскихъ народностей запечатлѣно извѣстными характеромъ, который неизмѣнно повторяется законодательствами побычными народовъ, стоящихъ на одинаковой ступени развитія или принадлежащихъ къ общему племенному стволу. При этихъ условіяхъ, продолжаетъ г. Ковалевскій, трудно сказать съ опредѣленностью, что то или другое учрежденіе воспроизводитъ собою особенности правовыхъ воззрѣній того, а не иного народа, что оно непременно иранское по источнику, а не обще-арійское и даже обще-человѣческое. Въ томъ смыслѣ, что равно свойственно всѣмъ народамъ, переживающимъ родовую фазу общежитія (т. I, стр. 106). Укажемъ для примѣра на аналогію горскаго права съ Моисеевымъ правомъ древнихъ евреевъ въ примѣнности кровомщенія къ животному, причинившему вредъ. Здѣсь трудно говорить о культурномъ вліяніи и о заимствованіи, ибо, если оно даже и имѣло мѣсто, то виновность животныхъ за содѣянное ими зло—явленіе на столько распространенное и притомъ не рѣдко въ обычномъ правѣ такихъ народностей, которыя никогда ни прямо, ни косвенно не подвергались вліянію библейскаго права, что явленіе это должно быть признано за одно явлѣніе общечеловѣческихъ учрежденій въ томъ именно смыслѣ, какъ его понимаетъ г. Ковалевскій (т. I, стр. 155—157). Наиболѣе серьезное значеніе для современнаго кавказскаго права, имѣло вліяніе писаннаго арабскаго права посредствомъ шаріата. Въ этомъ отношеніи является чрезвычайно важною вся шестая глава перваго тома, которая раскрываетъ путемъ тонкаго анализа много случаевъ вліянія шаріата на адаты и измѣненія послѣдняго подъ вліяніемъ писаннаго Магометова права. Достойно при этомъ замѣчанія, что шаріатъ при всемъ громадномъ значеніи своемъ не былъ въ состояніи отбѣнить адата въ сферѣ уголовного права; выведъ этотъ имѣетъ громадное практическое значеніе и служитъ главнымъ содержаніемъ главы VIII, въ которой авторъ довольно основательно осуждаетъ покровительство адатному праву, несовѣстному съ чувствомъ справедливости и правомѣрности, отъ которыхъ не въ состояніи, да и не долженъ отрѣшиться современный судья.

IV.

Мы указали уже выше, что появившіяся въ 1888 г. въ Юр. Вѣстн. статьи г. Ковалевскаго: «Шавы» и «Годовое устройство Дагестана» вошли цѣликомъ во 2-ой томъ разбираемаго нами нынѣ сочиненія. Въ виду этого мы считаемъ возможнымъ не слѣдять шагъ за шагомъ за выводами автора, а останавливаться лишь на нѣкоторыхъ особенно важныхъ мѣстахъ. Однимъ изъ такихъ мѣстъ является объясненіе авторомъ причины широко практикуемаго Сванетами похищенія женщинъ. Г. Ковалевскій объясняетъ это недостаткомъ женщинъ у Сванетовъ, ближайшей причиной чего авторъ считаетъ долго державшіяся у Сванетовъ обычаи убивать новорожденныхъ дѣвочекъ, оставляя въ живыхъ однихъ только мальчиковъ. Хотя при этомъ г. Ковалевскій и не раз-

дѣляетъ всецѣло давно извѣстныхъ воззрѣній на этотъ предметъ Макъ-Ленана, исходящаго изъ «неспособности женщинъ служить ближайшей цѣли древнѣйшихъ сообществъ—вышней обороной», но тѣмъ не менѣе и самъ онъ приписываетъ указанный обычай чисто экономическому принципу: в р е м е н н о м у недостатку средствъ къ жизни. Скажемъ, что, хотя теорія Макъ-Ленана и не выдерживаетъ строгой критики, оставляя безъ вниманія съ одной стороны статистическій законъ большей естественной смертности среди мальчиковъ, что должно вести къ уравненію численности половъ, если дѣйствительно убивались только дѣвочки; съ другой цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о практикѣ убійствъ новорожденныхъ мальчиковъ (при особыхъ условіяхъ), на что указывали Мэнъ и Леббокъ¹⁾,—то воззрѣніе г. Ковалевскаго еще менѣе можетъ быть признано правильнымъ. Одно изъ главныхъ, основаній служащихъ къ подобному выводу, есть именно то, что «временный» недостатокъ средствъ къ жизни не въ состояніи повести къ «постоянному» обычаю. А обычай дѣтоубійства, какъ показываютъ факты, отличается характеромъ постоянства и широкой распространенности, дохода до огульнаго и слѣпаго истребленія парящагося поколѣнія, какъ это видно на примѣрѣ обычаевъ океанійскихъ племенъ. Самая экзогамія, какъ показалъ въ недавнее время голландскій ученый Вилькенъ, объясняется совершенно другими причинами, нисколько не сходными съ приведенными г. Ковалевскимъ.

Отмѣтимъ, что г. Ковалевскій примыкаетъ къ господствующей школѣ ученыхъ, отрицающихъ какое бы то ни было проявленіе индивидуализма въ примитивной жизни (см. напр. т. II, стр. 82 — 83 стр. 162). Господствующая школа утверждаетъ, что примитивное право не знало ни индивидуальнаго имущества, ни индивидуальнаго брака, ни индивидуальной семьи, ни индивидуальной вины, ни индивидуальной отвѣтственности. Субъектомъ правъ былъ только родъ, а не личность; личность сама по себѣ была нулемъ и лишь какъ членъ рода она пріобрѣтала извѣстное значеніе. Но какое? На это не даетъ отвѣта господствующая школа. Разъ членъ рода имѣетъ какое-либо, хотя самое минимальное значеніе, то послѣднее въ чемъ-нибудь должно проявиться. Иначе говоря, личность какъ личность является чѣмъ то пріуроченнымъ къ повелію права—это съ одной стороны; а имѣя значеніе (хотя бы самое минимальное—хотя послѣднее ограниченіе и не справедливо) она становится источникомъ образованія права—это съ другой. Въ связи съ только что указаннымъ—приведенный выше упрекъ г. Муромцева Посту въ односторонности пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Нужно, правда, сказать, что вопросъ о положеніи индивидуализма въ примитивномъ правѣ на столько вопросъ серьезный и коренной для всей системы первоправа, что требуетъ болѣе строгаго отношенія къ нему и болѣе подробнаго и всесторонняго обсужденія, чѣмъ конечно здѣсь не мѣсто.

То же отсутствіе индивидуализма г. Ковалевскій находитъ и въ первобытномъ уголовномъ правѣ, т. е. въ томъ правѣ, въ которомъ адаты наиболѣе сохранились въ горской жизни. Поэтому 4 и 5 главы 2-го тома труда г. Ковалевскаго пріобрѣтаютъ особенное значеніе для науки первобытнаго права. Не отмѣчая здѣсь тѣхъ недостатковъ въ изложеніи г. Ковалевскаго, которые вытекаютъ изъ основныхъ его воззрѣній на значеніе религіознаго культа, замѣтимъ, что указанное выше свое воззрѣніе на религіозное значеніе кровомщенія г. Ковалевскій повторяетъ здѣсь съ особенною подробностью (т. II, стр. 225—233 и др.). Отмѣтимъ еще слѣдующее. «Отсутствіе кровомщенія, говоритъ г. Ковалевскій, въ родственной средѣ составляетъ характерную особенность той стадіи общественнаго развитія которую привыкли обозначать терминомъ родовой. Находя подтвержденіе себѣ въ рядѣ давнихъ, источниковъ которыхъ служитъ какъ этнографія, такъ и древнѣйшая исторія права, это положеніе съ удобствомъ можетъ быть выведено и дедуктивнымъ путемъ изъ общихъ началъ родоваго устройства и древнѣйшаго представленія о преступленіи и возмездіи. На родовой стадіи общенія нѣтъ

¹⁾ Смотри также Ефимова, Очерки древне-римскаго родства и наследованія, Сиб. 1885 г., часть общаго; Ф. Каутскаго статью о возникнов. брачныхъ отнош. (Сѣв. Вѣстн. 1891 г. № 9.).

мѣста для индивидуализма, а потому самому и для личной отвѣтственности; мѣсто ея занимаетъ отвѣтственность кровныхъ союзовъ рода и семьи. Преступное дѣйствіе, каково бы ни было его содержаніе, является нарушеніемъ не индивидуальнаго, а коллективнаго интереса. Но родовое возмездіе мысленно лишь подъ условіемъ примыканія (примѣненія?) его къ членамъ чужаго рода. Родъ самому себѣ не можетъ быть мстителемъ. Иначе въ результатѣ получалась бы двойная потеря для рода: потеря члена, унесеннаго преступленіемъ, и потеря искупающей эту потерю жертвы» (т. II, стр. 264). Выше мы имѣли случай указать, что ни этнографія, ни древнѣйшая исторія права не подтверждаютъ вывода г. Ковалевскаго. Точно такимъ образомъ односторонность и неправильность обобщенія господствующей школы объ исключительно «роевомъ» (гр. Толстой; Карѣевъ: Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи, вып. I, Спб. 1890 г., гл. II, стр. 37—57) устройствѣ всѣхъ примитивныхъ правоотношеній уничтожаетъ правильность вышеприведенной дедукціи. Факты примѣнности кровомщенія въ предѣлахъ родственнаго союза такимъ образомъ уничтожаютъ правильность обобщенія: «роды и нераздѣльные семьи (задруги) одни являлись субъектами правъ»¹⁾.

Заканчивая нашу замѣтку о трудѣ г. Ковалевскаго, мы остановимся еще только на слѣдующемъ. Въ послѣдней главѣ втораго тома авторъ между прочимъ говоритъ: «въ нашемъ же (древне-русскомъ) древнѣйшемъ сводѣ объ убійствѣ и даже членовредительствѣ въ примѣненіи къ вору нѣтъ и по м и н у. Все чего онъ требуетъ это уплаты потерпѣвшему вознагражденія, такъ называемой «татыбы», а князю денежной пени, «продажи», которая только въ случаѣ конокрадства замѣняется выдачей виновнаго головой или, такъ называемымъ, «потокомъ» (и «разграбленіемъ?») (т. II, стр. 292).

Если мы обратимся къ указанному авторомъ древнѣйшему своду, Русской Правдѣ, то встрѣтимъ въ ней слѣдующее постановленіе: если убьютъ огнищанина при кражѣ, то убить его «въ пса мѣсто»²⁾. Въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригю, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229 г. говорится: «которые Роусинъ или Латинескыи имѣть татя, надъ тѣмъ ему своя вѣля, камъ его хочеть, тамъ дѣжеть»³⁾. «Коротко и ясно, говорятъ по поводу приведенной статьи г. Долопчевъ: неограниченіе подобнаго произвола нельзя придумать»⁴⁾. Намъ кажется, что приведенныя данныя въ достаточной мѣрѣ доказываютъ, что въ первобытномъ русскомъ правѣ собственнику было дано полное право убить вора. Неправильно также выраженіе г. Ковалевскаго о примѣнности потока вообще къ конокрадству. Разсматривая статьи Русской Правды, напр., приведенную 20 ст. Акад. списка, мы видимъ, что конокрадство не всегда влекло за собою потокъ. Отсюда необходимо различать, какой конь украденъ. Если это былъ конь боевой—не только имущество, но и неразлучный товарищъ, правая рука хищника-дружинника, то вора постигала самая страшная въ примитивное время кара—потокъ и разграбленіе, «страченье мыи и вываланье» (Литовск. Стат.), *aquae et ignis interdictio*. Если же это былъ обыкновенный рабочій конь изъ общинныхъ табуновъ, то тогда кража подводилась подъ понятіе вообще татискаго дѣла (аналогичн. съ древне-римскимъ понятіемъ о *furtum*).

При всѣхъ указанныхъ недостаткахъ книга г. Ковалевскаго представляетъ, однако, столько выдающихся и глубоко научныхъ достоинствъ, что мы увѣрены въ томъ, что

¹⁾ Съ необходимою по важности предмета подробностью вопросъ этотъ разсмотрѣтъ нами въ трудѣ: «Очерки первобытнаго права» и въ этомъ отношеніи мы съ особеннымъ интересомъ будемъ ждать выводовъ научной критики.

²⁾ Владимірскай-Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права, вып. II, Кіевъ 1886 г. изд. 3-е стр. 30, статья 20; Калачовъ Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія текста Русской Правды, ст. LXXXV; Гницбургъ. Текстъ Русской Правды съ краткимъ объяснительнымъ словаремъ, Спб. 1888 г., стр. 12.

³⁾ Владимірскай-Будановъ, *Idem*, стр. 107, статья 32.

⁴⁾ Долопчевъ, о правѣ необходимой обороны, Юр. Вѣстн., 1874 г., № 11—12, стр. 37.

будущая наука первобытнаго права будетъ широко черпать изъ этой книги данныя для своихъ построений. Что касается практическаго значенія книги, то оно еще выше, и въ этомъ отношеніи мы смѣло могли бы рекомендовать всѣмъ официальнымъ дѣтелямъ на Кавказѣ сдѣлать для себя трудъ г. Ковалевскаго настольною книгою.

Семенъ Гальперинъ.

Семья по воззрѣніямъ русскаго народа, выраженнымъ въ пословицахъ и другихъ произведеніяхъ народно-поэтическаго творчества. Историко-литературный очеркъ А. Желобовскаго, 16°. 63 стр. Воронежъ, 1892 (отд. отт. изъ «Фил. Зап.»), *Kobieta w pieśni ludowej. Napisała Kazimira Skrzyszowska. 12° 100 стр. Warszawa («Biblioteka Wisly», tom. VIII).*

Современный великоруссъ въ его свадебныхъ обычаяхъ и семейной жизни. I Веснина («Русская Мысль» 1891 г., сент. и окт.).

Старая истина, что характеръ народа выражается въ его пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ; но остается вопросомъ, въ какой мѣрѣ народная пѣсня можетъ служить матеріаломъ для описанія народнаго быта.

Посмотримъ на бытовую пѣсню, рисующую по преимуществу внутреннія стороны жизни народа,—въ частности на пѣсню любовную.

Прежде всего эта пѣсня—выраженіе личныхъ чувствъ поющего; въ ней изображается природа—какъ она кажется поющему; характеризуются отношенія между людьми—опять какъ они кажутся поющему въ данную минуту; однимъ словомъ, пѣсня прежде всего — поэтическое произведеніе чисто субъективное; вслѣдствіе чего она рисуетъ не столько дѣйствительную жизнь, сколько отношеніе къ ней пѣвца.

Далѣе въ большинствѣ случаевъ пѣсня складывается изъ двухъ основныхъ элементовъ: 1) изъ образа-символа, большею частью въ заглавіи пѣсни, и 2) изъ объясняющихъ этимъ образомъ бытовыхъ чертъ. Напримѣръ:

Рабина, рабинушка,
Рабина моя;
Чему ты, рабинушка,
Рано отцвѣла?—

Дзвѣчна, дзвѣчинушка,
Дзвѣчна моя,
Чему ты, дзвѣчинушка,
Засмудилася?
Шейнь, Бѣлор. п., стр. 240.

или

Не пора-ли вамъ, туманы,
Со снѣга моря долой?
Вамъ не время-ли, ребята,
Со гуляньяца домой?

или еще:

(Смирновъ, Пѣсни кр. Костр. г., стр. 76; тоже у Якушкина П. Собр. соч. стр. 632).

Не копавши криниченьки, водиці не пити;
Не сватавши дівчивовьки, зъ нею не жити.

(Чубинск. V, 311).

Вмѣстѣ съ ростомъ языка, съ движеніемъ жизни народнои, первоначальное значеніе образа-символа постепенно забывается, теряется; онъ можетъ исказиться до неузнаваемости и, потерявъ общій смыслъ, смѣшиваться съ другими; въ то же время самый бытъ, черты котораго отразились въ пѣснѣ, также измѣняется; жизнь вноситъ въ пѣсню новыя черты, которыя, однако, по свойственному пѣснѣ консерватизму, не

вытѣсняють старыхъ; получается странная смѣсь стараго и новаго, живущаго и отжившаго. Наконецъ, по потерѣ значенія образа-символа, изъ обрывковъ, изъ лоскутковъ старыхъ пѣсенъ лишь на основаніи единства въ нихъ размѣра и напѣва часто составляются новыя пѣсни.

«Наша пѣсня, говоритъ А. Н. Веселовскій, въ томъ періодѣ своего развитія, по крайней мѣрѣ въ какомъ мы теперь ее знаемъ и записываемъ, не представляетъ ничего законченнаго: пока она поется, она претворяется, постоянно измѣняясь, творясь на ново».

Отсюда ясно, почему, имѣя право пользоваться пѣсней для общей характеристики народа, мы не можемъ характеризовать на основаніи ея свидѣтельства отдѣльных моментовъ его жизни, напримѣръ, настоящаго времени, не изучивъ состава пѣсни и не выдѣливъ изъ нея древнихъ, уже отжившихъ чертъ.

Все вышесказанное можно примѣнить и къ пословицѣ. Пословицы—весь запасъ ихъ—сложились вѣками и характеризуютъ цѣлые ряды пережитыхъ народовъ эпохъ. Кроме того, по народному выраженію—«на пословицу, что на дурака, закона нѣтъ», одна пословица часто противорѣчитъ другой, смотря по тому, кѣмъ каждая изъ нихъ сложена, при какихъ условіяхъ и кѣмъ повторяется. Сравните, напримѣръ, общественныя пословицы, сложенные мужчинами о женщинахъ, съ сложенными наоборотъ, женщинами относительно мужчинъ. Понятно, рисовать цѣлыя картины быта и воззрѣній народа по пословицамъ разныхъ эпохъ является задачей менѣе всего научной. Трудъ, построенный на такихъ основаніяхъ, какъ пѣсня и пословица, не можетъ дать ничего опредѣленнаго.

Опытами подобныхъ картинъ быта по произведеніямъ народнаго творчества являются первые два изъ названныхъ выше сочиненій.

Уже судя по цвѣтистому заглавію книжки г. Желобовскаго можно догадываться о содержаніи ея: это, собственно говоря, взглядъ и нѣчто по поводу и на основаніи нѣсколькихъ сборниковъ пѣсенъ и пословицъ.

Въ краткомъ вступленіи авторъ объясняетъ, что побудило его предпринять работу. Онъ указываетъ на то, что пословицы во всемъ своемъ богатствѣ мало знакомы читающей публикѣ и что онъ желаетъ представить въ связи тѣ изъ нихъ, которыя касаются семейнаго быта русскаго народа. Въ первой главѣ, сказавъ объ отраженіи земледѣльческаго быта въ цѣломъ рядѣ пословицъ, онъ говоритъ о положеніи женщины въ семьѣ, какъ хозяйки и главы дома и вслѣдствіе односторонняго пользованія матеріаломъ—представляетъ семью и женщину, ея отношенія къ мужу въ идеальномъ свѣтѣ. Вторая глава посвящена выясненію взаимныхъ отношеній дѣтей и родителей, сначала по пословицамъ; далѣе авторъ обращается къ другимъ источникамъ: цитируетъ былины, «Повѣсть о Горѣ-Злосчастыя», знакомую ему по «Очеркамъ» Булаева, «Исторію» Соловьева (выписка въ три страницы). Вскользь авторъ здѣсь говоритъ еще о роли брата въ семьѣ и объ отношеніи его къ сестрѣ. Третья глава представляетъ описаніе хозяйства и домоправительства въ крестьянской семьѣ, главнымъ образомъ по Энгельгардту («Письма изъ деревни») съ «историческими» ссылками на «Слово о Полку Игоревѣ» и на «Судъ Любуши» (!). Въ ней авторъ касается очень интересныхъ сторонъ быта нашей крестьянской семьи: онъ говоритъ объ отношеніи главы дома къ взрослымъ сыновьямъ, о взаимныхъ отношеніяхъ братьевъ въ семьѣ, о несогласіи женщинъ въ домашней жизни, о раздѣлахъ—этомъ больномъ мѣстѣ въ бытѣ нашей деревни; но и здѣсь сужденія автора, на сколько они основаны на пословицахъ и пѣсняхъ, выхолятъ односторонними и рисуютъ не истинный бытъ, а идеальную картину. Авторъ въ этой главѣ говоритъ еще о положеніи вдовы, дѣвушки, о крестьянской свадьбѣ. Въ четвертой главѣ авторъ переходитъ къ описанію семейной жизни сословій, населяющихъ города, говоритъ о семьяхъ мѣщанскихъ, купеческихъ, служилыхъ людей пользуясь безъ разбора, безъ малѣйшей критики, тѣми памятниками древней письменности, какіе первые подвернулись ему подъ руку. Задача автора здѣсь—показать «какъ именно измѣнилась крестьянская семья въ другихъ сословіяхъ и что было причиною этого измѣненія». Смѣло рѣшая вопросъ, авторъ считаетъ главной причи-

ной—«отсутствіе участія жены въ трудахъ мужа». Сопоставляя данныя пѣсенъ и Демостроя, авторъ такъ характеризуетъ женщину въ городской и крестьянской жизни: «здѣсь—ничтожное, слабоумное существо, которое не только не можетъ дать совѣтъ, но сама нуждается въ постоянномъ наученіи и наставленіи; тамъ (въ крестьянствѣ)—товарищъ въ общей работѣ».

Авторъ заключаетъ свое изслѣдованіе пожеланіемъ, чтобы женщина твердо и неуклонно шла на пути къ независимости, и указаніемъ, что значеніе женщины въ обществѣ поднимется только благодаря трудамъ ея для благосостоянія семьи.

Въ общемъ работа г. Ж. имѣетъ видъ фельетона; литература вопроса, интересующаго автора, не указана; лишь кой-гдѣ случайныя ссылки на случайныя пособія.

Нѣсколько иной характеръ имѣетъ книжка г-жи Скинньской. Это трудъ болѣе самостоятельный. Въ небольшомъ вступленіи она заявляетъ, что образъ женщины изъ народа очень мало знакомъ публикѣ, и что поэтому она рѣшается «приподнять край завѣсы таинственнаго міра»—познакомить публику съ характерными чертами польской крестьянки. Авторъ не знаетъ лучшаго матеріала, чѣмъ пѣсня: «пѣсня, говоритъ она, есть зеркало жизни народа, и въ ней слѣдуетъ искать его идеаловъ».

Сначала г-жа С. дѣлаетъ общую характеристику польской деревенской женщины и дѣвушки; далѣе изображаются ея чувства, наполняющія сердце крестьянки. На первомъ планѣ стоятъ «любовь къ Богу, которая выражается въ безавѣтной вѣрѣ въ Его Провидѣніе». Второе мѣсто въ сердцѣ польской крестьянки занимаетъ любовь къ матери, къ отцу, братьямъ, другимъ родственникамъ и наконецъ уже, на послѣднемъ мѣстѣ—къ избраннику сердца. Послѣ этого авторъ изображаетъ замужнюю жизнь, положеніе жены въ семьѣ мужа и отношенія къ молодой ея новой родни. Эта часть въ книжкѣ г-жи С. страдаетъ нѣкоторой безсвязностью и неопредѣленностью.

Въ общемъ у автора въ изображеніи быта польской семьи изъ народа господствуетъ какое-то идиллически-мечтательное настроеніе, которое, въ соединеніи съ цвѣтистымъ и вычурнымъ порой языкомъ, на читателя производитъ странное впечатлѣніе. Передъ нимъ не обычная картина жизни крестьянина, а какая то идиллія во вкусѣ прошлаго вѣка. Напримѣръ, мы читаемъ слѣдующее: «дѣвушка искренне любитъ окружающую ее природу, знаетъ, что эта загородная подруга не выдастъ тайны и герпѣливо ее выслушаетъ. Она беретъ ее свидѣтельницей клятвъ любви, спрашиваетъ у нея совѣта при безпокойствѣ и имѣетъ въ ней посредника и повѣреннаго въ каждой эпохѣ своей жизни. Дѣвушка ведетъ съ нею долгія бесѣды, прекрасно понимая ея отвѣты, выслушанные въ шорохѣ листьевъ, въ шумѣ вѣтра или въ голосѣ животныхъ». Или: «о всѣхъ нуждахъ ребенка заботится мать; она въ домѣ—божество, отъ котораго все зависитъ и которому все молится».

Въ концѣ своей книжки (съ стр. 92) авторъ пересказываетъ нѣсколько народныхъ балладъ, записанныхъ ею въ Люблинскомъ уѣздѣ; первая изъ нихъ, судя по пересказу, —имѣетъ сюжетъ сходный съ сюжетомъ Шекспировскаго «Лира»; затѣмъ изложены пѣсни на слѣдующія темы; братъ, узнавъ о преступленіи сестры, совершенномъ ею въ его отсутствіе, убиваетъ ее; братъ ищетъ соблазнителью сестры; любовникъ уговариваетъ дѣвушку отравить ея брата, который ивѣщаетъ ихъ связи; по совершеніи этого преступленія преступницу, обличаетъ пѣсенка птицы; дѣвушка убиваетъ незаконнаго ребенка; злая мачиха, —пѣсни. отчасти извѣстныя уже изъ напечатанныхъ у Кольберга ¹⁾ и друг. Во всѣхъ этихъ балладахъ такъ или иначе характеризуется женщина. Но конечно, они не могутъ служить ни для характеристики крестьянина Люблинскаго уѣзда, ни вообще польской крестьянки: это пѣсни на такъ называемыя странствующія темы, пѣсни общія всѣмъ славянскимъ, а отчасти и не-славянскимъ народамъ западной Европы. Было бы лучше, если-бы авторъ ввпечаталъ цѣлкомъ эти баллады, но крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ варианты, отступающіе отъ текстовъ, изданныхъ Кольбергомъ и другими со-

¹⁾ Сравни. наприм. Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. t. III, c. II, str. 208 et seq.

бирателями, такъ какъ пересказъ дуетъ слишкомъ мало: для изучающаго пѣсню важна и ея форма, вообще не одво содержаніе.

Пѣсни, приводимыя въ текстѣ г-жей Скиннъской и записанныя ею самою, принадлежатъ исключительно къ новообразованиямъ; это болѣею частью 4-хъ строчныя пѣсенки лирическаго содержанія. Иногда въ первыхъ двухъ стихахъ ихъ мы находимъ образъ или осколокъ его:

Ach, fala, fala
Na morzu powstała:
Bodaj ja była
Kochania nie znała;
или: Niema ni i bedzie
W sadzie słodkiej wiśni;
Niema kochaneczka,
Co do mojej myśli.

Подобныя пѣсенки родственны съ Малорусскими талалайками и коломыйками ¹⁾ и великорусскими припѣвочками, или собирушками и вертушками (Череповецкій у. Новг. губ.). Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенокъ напечатаны у г-жи С. только въ выдержкахъ. Кой-гдѣ находимъ въ языкѣ ихъ малорусскія черты (стр. 14, 18, 55). Но вообще онѣ передѣланы на литературный польскій, и мѣстныя особенности, напр. замѣна шп-лящихъ свистащими, — сглажены.

Понятно, трудъ г-жи Скиннъской, какъ научное сочиненіе, не выдерживаетъ самой снисходительной критики, но какъ книжка для легкаго чтенія полезенъ и читается не безъ интереса.

Статья г. Весина, будучи прямой противоположностью двумъ выше названнымъ книжкамъ, представляетъ серьезную и довольно обстоятельную разработку вопроса, интересовавшаго ея автора. Это попытка набросать общую картину свадебныхъ обычаевъ и семейной жизни Великорусса на основаніи матеріаловъ ближайшаго къ намъ времени, «такъ какъ труды Сахарова, Терещенка и Этнографическаго сборника 50-хъ годовъ значительно устарѣли» и, — добавимъ, мы — заключають въ себѣ кое-что сомнительное, ибо собиратели иногда бывали жертвами своего пристрастія къ старинѣ ²⁾. Здѣсь мы находимъ сводъ многочисленныхъ данныхъ, разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ, мѣстнымъ календарямъ и памятнымъ книжкамъ, пользованіе которыми не для всякаго легко.

Въ первой главѣ авторъ сообщаетъ рядъ свѣдѣній о брачномъ обрядѣ Великорусса, затрагиваетъ вопросъ о значеніи и роли кладки и приданаго, говоритъ о положеніи женщины въ семьѣ, не по пѣснямъ и пословицамъ, а на основаніи болѣе важныхъ источниковъ.

Вторая глава посвящена описанію свадьбы уходомъ или уводомъ: здѣсь авторъ не безъосновательно полемизируетъ съ О. Пешелемъ, утверждающимъ, что похищеніе дѣвушки отошло уже далеко въ область преданій и удерживается только какъ родъ свадебной игры, являясь какъ бы «шуткой». Г. Весинъ со своей стороны приводитъ доказательства противнаго и заключаетъ, что у насъ «умыканіе» не шутка, а серьезное явленіе, вызываемое складомъ и условіями жизни (окт., стр. 43).

Въ дополненіе къ примѣрамъ, приведеннымъ авторомъ, мы позволяемъ себѣ указать слѣдующій заимствованный нами изъ соч. Кривошапкина: «Енисейскій округъ и его жизнь». Старуха мать, переселившаяся изъ Тобольской губерніи, никакъ не могла примѣниться къ новымъ и непривычнымъ для нея обычаямъ Енисейскаго округа и рассказывала Кривошапкину: «здѣсь у васъ Енисейскій народъ — какой-то безстыжій; лѣ-

¹⁾ См. А. Потебня, Прим. 4 къ XXXVII т. «Зап. Ак. Наукъ», стр. 108.

²⁾ О Терещенкѣ см. «Вѣстн. Евр.» 1872 г., июнь, стр. 586 (статья Костомарова).

зуть всё со сватаньёмъ сперва! Отдай, вишь, ишь дѣвку-то сама я; да не своими ли то рученьками? Стыдъ-то ли, не стыдъ былъ мнѣ: обругаю, бывало, сватовъ, да и выганю». (стр. 49).

Такимъ образомъ ея дочь-дѣвушка дождалась 4-го десятка лѣтъ, пока наконецъ одинъ казакъ съ лини́н не догадался, чего хочется старухѣ, и не похитилъ дѣвушки. Когда Кривошапки́нъ выразилъ свое недоумѣніе, что это значить—старуха ему отвѣтила: «Да какъ это можно, батюшка, по вашему, по енисейскому, выдавать дѣвку, лишь-бы сватья или свать пришелъ? Да вѣдь дѣвка то наша родимая: что же мы себя срамить станемъ, али дѣвку срамить? Что мы голодомъ что ли ужъ сидимъ, когда дѣвку добромъ своими руками, въ чужи люди отдадимъ; али дѣвку осрамить захочемъ — ступай, молъ, вонъ, ты намъ негодна? Нѣтъ, ужъ такъ у васъ, батюшка, не водится» (стр. 48).

Третья глава труда г. Весина посвящена описанію семейной жизни крестьянина Великорусса; авторъ касается роли большаковъ въ семьяхъ, говоритъ о снохачествѣ, объ имущественномъ положеніи женщины въ крестьянствѣ и о раздѣлахъ. Не претендуя на окончательное рѣшеніе вопросовъ, онъ старается всесторонне изслѣдовать дѣло.

Многочисленные указанія на литературу предмета увеличиваютъ цѣнность названной работы.

Вл. Петичъ.

ОТДѢЛЪ V.

С М Ъ С Ъ.

Бытовые черты русинки Холмскаго края по пѣснямъ.

Холмянка отъ природы одарена дородствомъ, здоровьемъ, красотою лица и души, „повзѣй живою и ясною“; природный умъ ея, развитой опытами практической жизни, приобрѣлъ замѣчательную подвижность: она, какъ говорится, вскипеть умомъ, и уже сообразила выгоду или невыгоду извѣстнаго дѣла или предпріятія, покупки, продажи. Если къ этому прибавить еще характеръ самостоятельный и дѣятельный, то будетъ понятно, почему весь домашній бытъ семьи сосредоточенъ въ ея рукахъ.

Бытовая жизнь ея дѣлится на три главныя эпохи: дѣтство, собственно дѣвичество и замужество.

Родилось дитя, „справилъ“ отецъ крестины, и затѣмъ уже, по обыкновенію, цѣлые дни не видитъ ребенка, предоставивъ его заботамъ и уходу матери; на ночь однако онъ дѣлается нянькой и выручаетъ жену, давая ей два-три часа забыться сномъ. Такимъ образомъ, съ самаго появленія своего на свѣтъ Божій, ребенокъ не разлученъ съ матерью какъ дома, такъ и внѣ его. Не только лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, младенецъ совершаетъ путешествія на поля и дуга вѣстѣ съ матерью въ какой нибудь корзинкѣ, перекинутой черезъ плечо ея, но и въ ненастную осень, и зимою въ трескучій морозъ, и раннею весною, если явится крайность, мать тащитъ ребенка куда попало, у своей груди материнской... Но у материнской груди и въ дурную погоду сытно и тепло ему; лѣтомъ же не то: лежа гдѣ-нибудь въ тѣни сноповъ, кучкой разставленныхъ для защиты отъ палящихъ лучей солнца или отъ дождя и вѣтра, онъ накричится до хрипоты, пока мать, увлекшаяся вдали работой, вспомнить о своемъ дитяти и успокоитъ его исхудалой грудью своей... Съ первыхъ, иногда, недѣль жизни младенецъ уже знакомится съ дугами,—полемъ, солнечнымъ зноемъ, съ дождемъ и вѣтромъ, даже съ голодомъ и другими неудобствами, рѣдко остающимися безъ вліянія на жизнь молодую....

Но вотъ нашей дѣвчкѣ (будетъ звать её „Марысей“), по милости Божіей, минулъ годокъ, другой и третій на исходѣ. Ее отняли отъ материнской груди; Марыся заплакала, потосковала недѣлю — другую и, какъ всегда водится, успокоилась. Мать купила ей крохотную мясочку, ложечку, калачикъ, дала щепотку соли, копѣечку, — и это означаетъ, что ребенокъ „пишовъ вже на свій хлѣбъ“, т. е. онъ безъ посторонней помощи можетъ ѣсть и пить, что ему ни подадутъ; при этомъ религіозная родительница начинаетъ учить его „Богу молиться“, или дѣлать на себѣ знаменіе креста-утромъ, вечеромъ, передъ и послѣ ѣды.

Потѣшно и пріятно смотрѣть, какъ Марыся, пытаясь сама „амъ“, больше разольетъ.

чѣмъ съѣсть, какъ она бѣгаетъ за матерью, куда бы та ни повернулась, выражая свои ощущенія и желанія то досаднымъ крикомъ, когда ея не понимаютъ или не хотятъ исполнить дѣтскаго каприза, то вѣжливымъ, какъ шелестъ молодыхъ весеннихъ листочковъ, лепетомъ еще неразвившихся словъ... Въ числѣ первыхъ рѣчей малютки—Молитва Господня, которую она заучиваетъ со словъ матери. Часто и на всю жизнь остаются въ молитвѣ невыговариваемыя слова, затверженные въ дѣтскомъ возрастѣ... Кромя этой новой обязанности, мать наблюдаетъ, чтобъ ея Марыся съ чего нибудь высокаго... летать не вздумала учиться, не попала-бы въ колодець, подъ лошадей...

Проходить благополучно еще годикъ. Мать, меньше прежняго обращая на нее вниманіе, вся сосредоточилась уже на новомъ ребенкѣ, котораго Богъ послалъ ей недавно на руки... Марыся видитъ это и, по примѣру матери, сама уже гдѣ нибудь въ уголкѣ качаетъ свое „дытѣ“, созданное изъ старыхъ „запасокъ и хустокъ“, поеть надъ нимъ пѣсню, перенятая у матери.

Но прошла и эта пора. Марыся выросла; ей уже 8-ой годъ; она играетъ и молить въ хатѣ, веселитъ и улаживаетъ своимъ щебетаньемъ трудъ матери. Рѣвушка стала и трудолюбива, и послушна: хату подмететъ, посуду помоетъ... и разобьетъ венарокомъ курочекъ покормитъ и т. п.; а заплачетъ въ люлькѣ меньшей братецъ или сестрица—бѣжить и изо всѣхъ силъ качаетъ „плаксуна“, горлана на всю хату колыбельную пѣсню:

„Ходивъ китъ по сляи,
Носивъ сонъ въ кущели,
Чужихъ дітокъ обуджевъ,
Нашого Иванця приспялевъ“.

Закачавъ дитя, Марыся возьметъ клочекъ льну, навяжетъ его на палочку или на свободную „пресны“, возьметъ веретено и старается выводить витки, какъ и ея мать. Мать радуется, глядя на свою милую дочку, на свою подрастающую помощницу. И Марыся рада: еще, еще-бы годокъ, и она будетъ большая, станетъ „взаправду“ пряхъ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и Марыся сдѣлалась уже „дивкой“, невѣстой, хорошей труженицей въ полѣ и дома, и за себя и за свою мать. На нее ужъ и хлопцы засматриваются. Дѣвушка замѣчаетъ въ себѣ новыя чувства, она боится ихъ, не зная, какъ и откуда они взялись, хочетъ разобраться въ нихъ, найти ихъ причину. Вотъ какъ изображаетъ это пѣсня „дывоцкая“.

„Стоитъ ляпка надъ водою,
Тая похилилася,—
Чи ти мині такій милий,
Чи я вдивилася?“

И когда она удостовѣряется въ томъ, что „не вдывилася“, что чувство ея не призракъ, а дѣйствительность, — сильная, молодая любовь, — спрашиваетъ виновника своей сердечной тревоги:

„Чи въ любистку ти купався,
Що ти мнѣ сподобався?“
— „Нѣ въ любистку, тілько въ мяги,
Коли люблю, хочу взяти“.

отвѣчаетъ похититель сердца дѣвушки.

Не долго, обыкновенно, продолжается такое состояніе влюбленныхъ. Еще нешиого времени, и къ ней являются сваты отъ избранника ея сердца, на предложеніе конкъ—выйдеть-ли замужъ за такого-то,—она отвѣчаетъ по формѣ: „якъ батько, якъ мати, то й я“.

Сваты, приновляя къ такому случаю разныя церемоніи и рѣчи, выпиваютъ $\frac{1}{2}$ ведра „горилки“ въ одну ночь, и дѣло сдѣлано: добились согласія родителей, какъ они ни являлись сначала, что Марыся еще молода, что-де и имъ нужна работница, но

въ концѣ согласились: не вѣкъ-же ей сидѣть съ отцомъ — матерью; пускай идетъ съ Богомъ, когда добрые люди нашьлись, не гордять ихъ домогъ. И вотъ Марыся черезъ недѣлю или двѣ выходитъ замужъ.

Весьма незначительная впрочемъ часть браковъ заключается по любви; большая часть молодыхъ людей женятся безъ сердечныхъ увлеченій, хладнокровно, и въ силу этого дѣвушка выходитъ замужъ въ 3-е или 4-ое село хотя и не по любви, но и не съ отвращеніемъ иногда за такого человѣка, котораго раньше и во снѣ не видала. Женихъ, а чаще всего его родители черезъ услужливыхъ свахъ проникли лакомый кусочекъ и послали сватовъ; родители невесты то-же дѣлаютъ отъ себя, и если все съ обѣихъ сторонъ „обстоятъ благополучно“, ударили по рукамъ, и дѣвушка послѣ обычнаго: „якъ батько, якъ маты, то й я“, — проливая горькія слезы, какъ на страсть идетъ въ чужое село „межи чужан люде“, гдѣ не только свекоръ и свекровь, въ домъ конхъ она вступаетъ, чужды ей, но чуждъ ей по сердцу и ея мужъ, ея будущій другъ—товарищъ. При выборѣ невесты, главнымъ образомъ, обращается вниманіе на ея здоровье, домовитость и личныя качества: хозяйственную разбитную голову, трудолюбіе и спорную работу въ рукахъ, бережливость, а главное, — „добрую долю“. Все это въ большей цѣнѣ у крестьянъ, чѣмъ богатое приданое невесты, на которое такъ падки женихи классовъ „благородныхъ“, готовые и на чурбанѣ жениться изъ-за денегъ и связей. На слова дѣвушки, кичащейся своимъ приданымъ:

...„Въ мене батько богачъ,
Штири воли на оборі,
Ще'ѣ на шні дукачъ“,

Хлопецъ, не тронутый этимъ, отвѣчаетъ:

— „О чертъ тебе забери,
Съ твоимъ батькомъ — богачемъ,
Твои воли поздыхають,
Ты дурная ¹⁾ зъ дукачемъ“...—

Отсюда видно, что безприданница-крестьянка въ дѣвкахъ не засидится подобно безприданницамъ „барышнямъ“: съ плачемъ, — да пойдетъ замужъ. Однако по свадебнымъ слезамъ невесты не слѣдуетъ заключать о неудачѣ подобныхъ браковъ. Обильныя слезы необходимы въ извѣстные моменты свадьбы: не прилично для молодой, если ихъ взять не-откуда. Въ силу этого убѣжденія или обычая, какъ угодно, нѣтъ такой дѣвушки, которая-бы не проливала горькихъ слезъ на своей свадьбѣ; даже самая счастливая и та должна ревѣтъ; если же нная и не на шутку воетъ, идя къ нелюбимому человѣку, то на этотъ случай остается ей въ утѣшеніе извѣстная житейская пословица: „поживешь—полюбишь“. „Стерпится—слюбится“. Выпадаетъ, конечно, не безъ шиповъ, но всетаки несчастныхъ браковъ, въ тѣсномъ смыслѣ, гораздо меньше, безусловно меньше въ средѣ крестьянъ, чѣмъ въ интеллигентномъ обществѣ, гдѣ иной разъ женихъ и невеста, до брака безумно влюбленные другъ въ друга, клянутся на чешъ свѣтъ стоять въ постоянствѣ чувства, признають небо въ свидѣтели ихъ вѣчной любви, что, однако, черезъ два-три года, а иногда и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака не мѣшаетъ имъ „не мѣшать другъ другу“... Война съ свекровью, свекромъ, со старшими золовками часто готовится вмѣсто первыхъ лѣтъ супружескаго счастья горькую чашу терпѣнія и невзгодъ, сильно отзываящихся на сердцѣ молодой; но противъ этихъ невзгодъ ничего не въ силахъ подѣлать мужъ бѣдной женщины, цѣлкомъ зависящій отъ своихъ родителей. Вотъ какъ сложилась объ этомъ горѣ-злосчастьѣ пѣсня народная:

¹⁾ Глупая.

„Пустижь мене, милый,
До броду по воду
До броду по воду
Понидати роду“.
— „Не пушу я тебе
До броду по воду,
Бо ти скажешь роду
Свою невидугу“.—
„Якъ будуть питати—
Нэ буду казати,
Зальюся слезами,
Тай выйду зъ хаты,
А мати за мною:

— „Чого плачешь, доцю.
Хиба-же я знала,
Кого ти кохала?“—
„Щобъ я була звала,
Що мнѣ доля злая.—
Булабъ утонула,
Якъ вода прибула;
Щобъ я була знала,
Що мнѣ доля така,
Булабъ іла, пила,
Косоньку чесала
До волоса сивого“...
т. е. „посивила дівкою“.

Очевидно, молодой женщи́нѣ „до живаго допекла“ непривѣтливая родня мужа: „лютой свекорь, лихая свекровь, золовки-лиходѣйки“, если она жалбеть о своей кость „дівочкой“. Большой частью, однако, молодые вѣвѣстки умѣють постоять за себя, настраивая при этомъ для протеста и своего мужа, какъ поетъ пѣсня:

„Чи я тобі ні казала,
На норозі ставши:
Нэ идь, нэ идь на хурманку,
Нехай иде старшій“.

На зло, вѣроятно, молодой невѣсткѣ мужемъ ея, какъ самымъ младшимъ въ семьѣ „всн дыры затыкали“, обрекая ея тоскѣ и скукѣ одиночества...

Дѣвушка, зная родной обычай своей земли выдавать замужъ и женить, не сприсясь, большей частью, сердца молодыхъ людей, постоянно должна быть въ тревогѣ за свободу своихъ чувствъ и за себя вплоть до замужества, пока не рѣшится ея судьба такъ или иначе. Эта-то боязнь и сердечное томленіе дѣвушки такъ выражается въ пѣснѣ:

„Ой ти, дівчино заручена,
Чого такъ ходишь засмучена?“
— „Охъ, якъ же мене смутний ні бути!—
Кого я люблю—трудно забути“...

„Ой ты, дівчино, мислями блуднишь:
Сама ти знаешь, кого ти любишь.
— „Охъ, знаю, знаю, кого кохаю,
Тилько ні знаю, съ кимъ жити маю“...

И дѣйствительно сбываются эти опасенія. Родители изъ своихъ личныхъ расчетовъ и видовъ оторвали дѣвушку отъ любимаго человѣка, а жениха отъ любимой невѣсты, и сковали ихъ вмѣстѣ за руки неразрывными узами брака православнаго... Но тѣло сковать—то сковали (чего въ жизни не случается!..), а сердца молодыхъ людей такъ и отталкиваютъ другъ друга, какъ два однородныя электричества. Кому хорошо въ такомъ положеніи, а тѣмъ болѣе молодой женщи́нѣ, волной прибитой къ чужому, нелюдному берегу!... Что ей дѣлать? Только и отрады, когда мгновѣніями пронесется передъ нею лѣтѣніями неотрапимой прелестью надежды ея юныя мечты о любимомъ человѣкѣ... А за этими свѣтлыми мгновѣніями опять насушилась преждевременная осень ея жизни съ ненастной погодой и холодомъ въ сердцѣ...

Вотъ какъ изображаетъ пѣсня безвыходное положеніе и горькую долю такой женщины безъ надежды на счастье, на которое она надѣялась и имѣла право:

„Чи я въ ліси ні калина була?
Чи я въ ліси ні червона була?
Взяли мене поломали
Та въ пучечки повязали, —
Така доля моя, така доля моя!
Чи я въ батька ні дітина була?
Чи я въ батька ні хороша була? —
Взяли мене, замужъ дали

И свѣтъ мнѣ завязали, —
Така доля моя, така доля моя!
Чи то така Божа воля?
Чи нещастива моя доля?
Чи такни кумы брали?—
Счастья—долі мнѣ не дали!
Ой пидужь я утоплюся,
На білз камень розабьюся!“..

Впрочемъ въ большинствѣ случаевъ женщина переноситъ свою долю съ рѣдкимъ стоицизмомъ; она живетъ съ нею, какъ раненый воинъ съ засѣвшей въ ногѣ пулею вражеской, не думаетъ о своихъ страданіяхъ, но исполняетъ обязанности жизни, что и спасаетъ ее отъ того, чтобы «утопиться, или о бѣль камень разбиться».

Бракъ—великій переворотъ въ жизни женщины.

Крестьянка считаетъ, не мудрствуя лукаво, замужество святымъ закономъ, даннымъ ей природою, которому она должна безропотно подчиняться, чтобы выполнить цѣль своего земнаго бытія: «якъ смерти не минешь, такъ того не минешь». Однако законъ этотъ, вмѣстѣ съ тяжестью и непреложностью, даетъ ей отраду земной жизни, почетъ и уваженіе между людьми, возвышаетъ ее въ глазахъ всѣхъ—и старухъ и молодыхъ; освобождая отъ опеки родителей, даетъ ей волю и самостоятельность дѣйствій, какъ женѣ, хозяйкѣ того, большею частью, незначительнаго хозяйства, которое сообща основываютъ теперь ея собственныя и мужнины руки; онъ, наконецъ, даетъ ей власть и надъ... мужемъ! «Благая часть», которую женщинойъ даетъ замужество, между прочимъ, изображается въ пѣснѣ о томъ, какъ «дѣвка брала лень дрибвенькій» и въ слезной задушевной бесѣдѣ съ матерью—землею жаловалась на свою долю сиротскую, умоляла разступиться и взять ее къ себѣ, въ свои нѣдра, въ могилу ея матери, такъ какъ обездоленная на «біломъ свѣтѣ» жизнь сироты слишкомъ тяжела для ея «самотной¹⁾» головоньки; но земля въ отвѣтъ на эти мольбы прожолвила:

«Чимъ зо світа тебе брати,
Лішиі тобі пару дати».

Оставшись прежней труженицей-работницей замужняя женщина, какъ хозяйка, превосходить во многихъ случаяхъ мужа: она лучше его хозяйство бережетъ, хорошій совѣтъ подастъ, какъ и что дѣлать; сообразить, выгодна или нѣтъ извѣстная продажа или покупка и т. п. Въ этомъ отношеніи вліяніе ея на мужа такъ велико, что онъ не продастъ, не купитъ, не заключитъ ни съ кѣмъ какого бы то ни было условія, пока не посоветуется съ женою, хотя-бы дѣло клонилось видимо въ его пользу; а потому, куда бы онъ ни шелъ или ни ѣхалъ, не разлучна съ нимъ и его жена.

Какъ мать—хозяинка весьма хороша. Она ухаживаетъ за своимъ ребенкомъ съ полнымъ самоотверженіемъ; по цѣлымъ ночамъ свѣтится тусклый огонечекъ въ ея хатѣ, и вы замѣтите въ окошечко, какъ она копается, поправляетъ въ люлькѣ, укладываетъ ребенка, чмокаетъ ему, тысячи нѣжныхъ словъ и названій какъ изъ рукава сыплеть на маленькое созданище, кормитъ его грудью по-нѣсколько разъ въ ночь, заставляя качать, однако, мужа, если онъ дома. Съ утра, лишь пропоетъ пѣтухъ, и свѣтъ чуть-чуть забрезжитъ въ окнахъ, какъ лѣтомъ напримѣръ,—она уже на ногахъ, не только исполняетъ свои обязанности по домашнему хозяйству, но и отправляется вмѣстѣ со всѣми въ поле, захвативъ съ собою ребенка, какъ и другіе, ведетъ свой «загннъ», а между тѣмъ такъ и подпекаетъ ее, чтобы оторваться на минуту къ дитяти. Въ обѣденную пору всѣ жнецы отдыхаютъ, а ей работа: надо, какъ слѣдуетъ, дига осмотрѣть, покормить, пеленки помыть,—отдохнуть-то и некогда. Вообще, сама она какъ нибудь пробивается, лишь бы дитяти ея хорошо было.

Не менѣе почтенны качества хохлянки какъ жены. Понимая свое значеніе въ семьѣ, она не исполняетъ капризовъ мужа, подобно великорусской своей сестрѣ, когда онъ пьяный, придя домой, отдаетъ разныя сумасбродныя приказанія; не трясется, не трепещетъ передъ пьянымъ самодуромъ; напротивъ, еще и поколотитъ мужа, если онъ не въ добрый часъ вздумаетъ дурачиться, и послѣ всю вину свалитъ на него же. Вотъ какъ объ этомъ поетъ пѣсня:

Вида жинка мужика,
Пшла позивати:

Присудили мужику
Жинку препрошати.

¹⁾ Одинокой.

«Простижъ мені, моя мила,
Що ти мене била;
Куплю тобі гарниць меду,
Коновоньку пива».

—«Не купи ми гарця меду,
Коновоньки пива,—
Купи ліпій вагаєньку,
Щобъ я тебе била».

Строго относясь къ слабостямъ мужа, жена не даетъ ему воли, когда онъ слишкомъ часто станеть въ корчму заглядывать, лѣниться; какъ начальникъ подчиненному не даетъ забывать службы, такъ и она не даетъ забывать мужу о домѣ, о хозяйствѣ, а главное,—о себѣ: «а до дому, а до дѣтей, а до работы!» гонитъ его; а сама между тѣмъ нерѣдко позволяетъ себѣ вольности въ родѣ слѣдующей, выраженной въ пѣснѣ:

«Горе мужикъ, горе,
На шляхъ поглядае;
Жинка его иде зъ міста
Гошкн витинае.
«Ой мужу-жъ мий, мужу,
Килько ты нагоравъ?»

—«Симъ загни до полудня,
Бося тебе боявъ.
Жинко-жъ моя, жинко,
Килько-жъ ты пропила?»—
«Симъ таяры до полудня,
Осьмого згубила».

Терпѣливо мужъ переноситъ деспотизмъ своего «владыки въ юбкѣ», рѣдко подымаетъ противъ него оружіе; но если и случится такой грѣхъ, то жена въ большинствѣ случаевъ сумѣеть ему дать приличный отпоръ, а въ ссорахъ преимущество всегда на ея сторонѣ; она выранитъ мужа на чемъ свѣтъ стоитъ: «ты сякий, ты такий, твий батько бувъ такий и дідъ и всень ридъ вашъ тавий»; дома его иной разъ и въ грошъ не ставитъ, но передъ людьми относится къ нему даже лучше, чѣмъ онъ того стоитъ: «що наша пичъ спекла, то и будемо їсти,» — ничего не подѣлаешь: «нехай вороги не радуются».

Самостоятельность и даже произволь жены въ отношеніи мужа выражаетъ слѣдующая пѣсня:

Сіавъ мужикъ гречку,
Жинка каже: «макъ».
—«Нехай сякъ, нехай такъ
Нехай буде зъ гречки макъ».
Сіавъ мужикъ жито,
Жинка каже: «гречка».

—«Не кажи ми ні словечка,
Нехай буде гречка».
Злапавъ мужикъ рибу,
Жинка каже: «ракъ»
—«Нехай сякъ, нехай такъ,
Нехай буде зъ рыбы ракъ».

Великорусской жей (?) не сошло бы съ рукъ такое своеволие и самодурство. (?) При всемъ томъ, холмянка горой стоитъ за мужа, когда ему случается поспорить или подраться съ «сосѣдомъ-ворогомъ». Она выбѣгаетъ на крикъ ссорящихся, вооруженная «кощубой или ожухомъ», а порою только однимъ своимъ остренькимъ язычкомъ, да подыметъ дѣтей, чтобъ плакали и кричали пошире: «ратуйте, хто въ Бога віруе, тата забьють!» и такого надѣлаеть переполоху, что обѣ враждебныя стороны предпочитаютъ перенести ссору или драку до болѣе удобнаго случая или совѣмъ прекратить ее.

Отличаясь постоянствомъ и глубиною чувства, она, разъ кого нибудь полюбиши, на всю жизнь полюбила, и выйдя замужъ остается преданной своему мужу ровно и одинаково «до могилы»; въ болѣзни ухаживаетъ за нимъ какъ за ребенкомъ: сама ѣсть не будетъ, только бы доставить что нибудь лучшее больному мужу; въ несчастіи—утѣшаетъ и его и себя надеждой, что Господь Богъ «переминитъ»; что же касается вѣрности супружеской, то идеаль жевскаго цѣломудрія стоитъ на недосыгаемой высотѣ. Вотъ двѣ пѣсни, изображающія—одна постоянство чувства любящей дѣвушки, которой взмѣнили, а другая—твердое, ничѣмъ непоколебимое сознаніе долга замужней женщины.

1) Тамъ у лозі, при дорозі
Теринь розцвітає;
Сідить голубъ на дубочку
Голубка летає.
«Скажи мені, голубоньку,
Тай щирюю правду:

Чи ти мене вірне любишь,
Чи на яку зраду?
—«А я тебе вірне люблю,
Такъ якъ свою душу:
Черезъ лихи вороженькп
Покидати мушу».

И когда въ отвѣтъ на это дѣвушка убѣждаетъ своего «голубка» не слушать «ворогивъ», не покидать её, потому что разлука эта будетъ для нея слишкомъ тяжела, она не перенесетъ этой тяжести, невѣрный возлюбленный предлагаетъ слѣдующее средство:

—«Есть у мене таке зилые
Близько перелазу,
Якъ дамъ тобі напитися—
Забудешь одразу».
Покинута отвѣчаєт:
«Буду пити, буду пити

И крапли ні впушу,
Тоди хйба тя забуду.
Якъ оченьки зблющу;
Буду пити, буду пити
И крапли ні вроню,
Тоди хйба тя забуду,

Якъ рученьки згорну»...

Бывають, впрочемъ, дѣвушки и мстительны «дівки злыя, чаривниця»; онѣ такъ прямо и сживають со свѣта своихъ измѣнниковъ. На упрекъ своей матери:

Нащо ти «суко»,
Грицюня струила,—Дівка-чаривниця
отвѣчаєт:

Жаль вваги не має:
Нехъ-ся Грицюнѣ
Ве двухъ не кохає;
Нехай не буде а ни ий, не мні,

«Ой мати, мати.

Нехай наісцься сыреи земли».

Такъ какъ по преимуществу въ Холмскомъ краѣ женщины—«бѣлоницы, съ русою косою и сивими очыма», а чернобровыя и черноглазныя не во вкусъ мѣстности, то почему-то имъ приписывается злость и чародѣйская сила: «котра дівчына чернобрывая, той чаривниця справедливая».

2) А вотъ и пѣсня, изображающая цѣломудріе замужней женщины:

«...Коли я на тебе гляну,
То ажъ во мні сердце вяне,
Якъ ти станешъ щебетати,
Я въ ночи ні могу спати».
—«Коли тобі сердце вяне—
Глянь на жинку—перестане;
Якъ въ ночи ні можешъ спати,
Иди діти колисати».

«Ты, Гандзюню, не чурайся;
И на Божу волю здайся;
Не уважай ні на кого,
Пригорнись до сердца моего».
—«Чи ты здуривъ, чоловіче?!
Я своего мужа маю,
Я му въ перкви присягала
И присяги не ломаю».

Овдовѣвъ, даже самая молодая женщина предпочитаетъ оставаться вѣрной памяти своего покойнаго мужа, чѣмъ вновь выходить замужъ, какъ объ этомъ поетъ слѣдующая пѣсня:

«...Вилетівъ орелъ зъ пидъ черной
хмары,
Голуба вибивъ зъ милей пары;
Голубка плаче, жалобно гуде,
Що вже зъ миленькимъ жити не
буде»,
Налетіла стая голубей сватать
вдовушку:
«Голубко красна, на що дуфаєшь,

Чи на ту вроду, що красну маєшь?»
«Щожъ мені съ того, що врода красна,
Колижъ бо моя доля несчастна».—
«Голубко красна, не вернешъ его
(мужа),
Маєшь насъ тысячь—бери одного».
«—Щобъ васъ тутъ було тысячи
штири,—
Такого не буде, якъ бувъ мий милій».

Внѣбрачное сожителство въ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно сплошь да рядомъ проявляется въ интеллигентномъ слоѣ общества, у крестьянъ, напротивъ, составляетъ явленіе аномальное, преслѣдуемое особливо женщинами, что свидѣтельствуешь о той высокой нравственности, которою славится холмянка. Извѣстна открытая въ одномъ селѣ попытка этого рода. Преступниковъ потащили къ священнику и присудили ихъ стоять во время обѣдни въ «бабенцю» (притворѣ); входящіе и выходящіе изъ церкви обязаны были плевать въ лицо: мужчины «ему», а женщины «ей». Отличились, конечно, женщины немножечко строго... не по евангельски даже...

Духовная особенность холмянки—религіозность и набожность. Молитва и любовь къ Богу, вѣра, надежда весьма развиты; исполненіе заповѣдей по отношенію къ «святымъ днямъ», къ бѣднымъ, соблюденіе установленныхъ Церковью постовъ не ослабляется ни на іоту.

«Возставъ отъ сна», первымъ ея дѣломъ—крестное знаменіе и молитва: «да-весь Боже, нычъ переночоваты, дай-же и день святой передиювати; нехай буде воля Твоя святая». Умывшись, она читаетъ утреннія молитвы, большею частью стоя на колѣняхъ, лицомъ къ образамъ, а затѣмъ уже, между дѣломъ, произноситъ массу разныхъ другихъ молитвъ. Безъ молитвы хозяйка куска хлѣба въ ротъ не возьметъ, не проглотитъ капли пищи, если случится пробовать ее во время варки: «якъ можно, щобы вперше о ідніи думаты, нычъ о Богу». Вечеромъ спать не ляжетъ, пока не помолится и не испроситъ у Бога благословенія: «давесь, Боже, день передиювати, дай же ще и ничку переночовати счастливе». Привязанность поэтому къ церкви, какъ духовной матери, весьма сильна. Въ каждомъ приходѣ есть «братство церковное», радующее о благолѣніи храма и религіозномъ соревнованіи прихожанъ. Братство это составляется изъ мужчинъ «братчиковъ», и женщинъ—«сестриць»; часто число сестриць превышаетъ число братчиковъ.—Такія же религіозныя чувства каждая мать вселяетъ и въ своихъ дѣтей; а такъ какъ по большей части дѣти теперь «письменны», то она и дома заставляеть ихъ читать св. евангеліе, молитвы. Въ церквахъ какъ мальчики такъ и дѣвочки поютъ хоромъ «службу Божию».

Съ религіозностью женщинъ тѣсно связана набожность холмского народа вообще. Въ благополучіи онъ не забываетъ своимъ счастьемъ, такъ какъ—«все въ рукахъ Божьихъ»: «ляжешь спаты богатымъ, а встанышь убогимъ» (нищимъ). Исходя изъ этого воззрѣнія, даже самые счастливые обыкновенно молятся: «дякую Тебѣ, Боже, св. отецъ Мыкола, за Ваши дары прынайсвятейшыи, дайте счастливе спожитковаты». Точно также въ болѣзняхъ, во всякомъ горѣ-злосчастьи, «быдн», Богъ—первое утѣшеніе упованіе и вся надежда, а особенно—«Божая Маты»: «о Пресватійшая Божая Маты Холмская, перемини-жь Ты тую недолю!» молится народъ.—Извѣстна пѣсня Пресв. Богородицѣ: «Пречистая Дево-Маты русскаго краю».

Начало и конецъ всякаго дѣла сопровождаются молитвой: «Господы допоможи въ часъ добрый зачаты» и «Богу святому дяковаты за роботу, за все». Вообще, всѣ перемены въ жизни, всѣ земныя веселья, радости, напр. свадьбы, родины и др. начинаются молитвеннымъ обращеніемъ къ Божеству. Такъ напр., дѣвушка, выходя замужъ, проситъ у Бога въ пѣснѣ: ...«дай-же, Боже, жениха ведля мен мысли»... А въ самый разгаръ «веселя, пыатыки и танцю», въ самый разгаръ, такъ сказать земного довольства жизнью и счастья, когда забываются всѣ жптейскія невзгоды и попеченія,—слова пѣсни:

«Дай-же, Боже, въ добрый часъ,
«Якъ у въ людей такъ и въ васъ.
Въ счастливую годину
Розвесѣлитъ родину»,—

покрываютъ и звукъ скрипокъ, и гудѣніе бубна, и шумныя ликованія пирующихъ. Способностью веселить «родину» отличаются женщины, а потому и набожность всего народа, который веселится во имя, такъ сказать, Бога, воспѣвая подобныя пѣсни,—нужно приписать опять таки влиянію женщинъ.

Наряду съ духовными свойствами въ холмянкѣ вы находите избытокъ душевно-нравственныхъ силъ. Всѣ невзгоды, всѣ бѣды, которыя приходится ей испытывать на вѣку, съ помощью Божіей она переноситъ безъ ропота, съ полной готовностью принять и дурное и доброе, съ покорностью воли Божіей, въ противоположность интеллигентной женщинѣ, которая въ подобныхъ превратностяхъ жизни представляетъ намъ примѣръ абсолютной несостоятельности своего существа: ропотъ, плачь, истерики, упадокъ силъ и духа, и въ заключеніе полное отчаяніе—заурядныя явленія въ ея пустой жизни... Тамъ вы не услышите словъ: «давъ Бигъ зле, дасть и добре: на всенъке Кго св. воля»...

Всѣмъ извѣстны *) пѣсни южно-русскаго народа, а особенно пѣсни женскія, отличающіяся силой поэтической, живыми образами. Многія изъ нихъ составляютъ общее достояніе цѣлаго народа и поются на всемъ протяженіи окраины, а другія, не менѣе богатая, принадлежатъ извѣстной мѣстности, въ томъ числѣ и Холмской Руси.

Отсюда слѣдуетъ, что русинка Холмскаго края обладаетъ не меньшей силой поэтическаго творчества, какъ и ея родная сестра южанка, въ чемъ убѣждаютъ насъ нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше пѣсень.

По части «знахарства», т. е. собиранія лѣкарственныхъ травъ, «зілля», для врачеванія больного люда она не сдѣлала большихъ успѣховъ, тѣмъ не менѣе многіе недуги излѣчиваются мѣстными средствами безъ помощи «ученой медицины». Колдовство, или «чарованье» также не нашло для себя въ краѣ богатой почвы, благодаря просвѣщенію и религіозности. Между знахарками, или, по мѣстному названію, «бабками» весьма часто встрѣчаются искусныя бабки «повивальныя».

Отношенія къ холмянкѣ мужа и семьи. Большею частью, весьма мягки, съ отѣнкомъ любви и уваженія, какъ къ другу—покровителю; они выражаются болше дѣломъ, чѣмъ словами: мужъ, жалѣя слабыя подчасъ силы своей главной половины, на которую обязанности жены, матери и хозяйки возлагаютъ массу заботъ и работы,—по возможности облегчаетъ ея труды, подставляя, гдѣ нужно, свои выносливыя плечи. Также поступаютъ и всѣ дѣти. Значеніе и власть матери семейства весьма ярко характеризуются слѣдующими фактами. Она, во первыхъ, княжитъ и радить домогъ, и всѣ чады и домочадцы съ отцомъ во главѣ состоятъ подъ ея началомъ; во вторыхъ, весь скарбъ домашній находится въ «скрыннѣ», ключъ отъ которой у нея при «торочці», въ третьихъ, сельчане, говоря про чьихъ нибудь дѣтей, отличающихся молодечествомъ въ работѣ или многочисленностью, не называютъ: «Шмаровозовы дочки, сынновья Козолупа», а говорятъ: «Шмаровозинны дочки пшеницю вижали, Бозолупинны сини уже лугъ стялп»; или: «Тапаланщцон Гандзи чоловікъ пишовъ увже сіяти», а не просто: «вонъ сѣять пошелъ Скакунецъ»; «Ковтуниха знову шесть моргивъ земли купила»,—а не Ковтунъ.

Укажемъ на ту роль, которую приобрѣла холмянка во внѣшней жизни своего общества, внѣ своего дома, внѣ своей семьи.

Мы говорили уже, что мужъ внѣ дома ничего не сдѣлаетъ безъ согласія своей жены. Слѣдовательно, эта жена появляется во всѣхъ сдѣлкахъ съ людьми посторонними—торговцами, покупателями, ремесленниками, т. е. съ тѣмъ обществомъ, съ которымъ крестьянинъ имѣетъ самыя частыя сношенія, а это само уже опредѣляетъ характеръ дѣятельности и авторитетъ ея въ обществѣ, внѣ дома. Далѣе, ни одна пирушка не затѣется безъ женской инициативы. И на этихъ пирушкахъ (свадьба, крестины, поминки, новоселье) женщина занимаетъ первое мѣсто, она—душа всѣхъ затѣй, обычаевъ, обрядовъ.

Но этимъ не исчерпывается общественная жизнь и дѣятельность женщины. Она не только добилась уваженія къ себѣ на «веселомъ пиру» и въ разныхъ сношеніяхъ съ обществомъ въ интересахъ хозяйства, но и проникаетъ «въ канцелярію гмины»,

*) Приведенныя мною пѣсни записаны прямо со словъ крестьянокъ. Я не помню, заключаются ли какія нибудь изъ нихъ въ этихъ сборникахъ или нѣтъ.

въ дѣло общественнаго самоуправленія, т. е. добилаь того, чего не могутъ добиться такъ называемыя «передовыя женщины» со всей своей эмансипированной идеей «женской равноправности». Такъ на гминныхъ сходахъ нерѣдко вмѣсто мужа появляется его жена, — представительница своей усадьбы, подающая голосъ «рго aut contra»; и голосъ ея составляетъ такую же единицу, какъ и другіе.

Между прочимъ, извѣстенъ слѣдующій примѣръ.

Въ одномъ селѣ (не далеко отъ Холма) сотскимъ выбранъ мужичекъ такъ себѣ. Говоря правду, выборъ сдѣланъ неудачно, но выручила своего мужа изъ бѣды его «достойная супруга». Она посѣщаетъ гминное управленіе, дѣлаетъ доклады, получаетъ приказанія, сообразно съ которыми потомъ и распоряжается во весь селѣ, точно у себя дома. Распоряженія эти, встрѣченныя, быть можетъ, вначалѣ и смѣлохъ, исполняются аккуратно, потому что «сотская» шутить не любитъ и послушниковъ представляетъ войту для оштрафованія. И надо отдать полную справедливость «сотской»: съ тѣхъ поръ какъ она взяла бразды правленія въ свои руки, въ селѣ водворился болѣе порядокъ и дисциплина, чѣмъ былъ при смѣнившемся сотскомъ — мужичкѣ.

Судейскія камеры также видятъ въ стѣнахъ своихъ женщинъ. Подавая частныя иски и отвѣчая на нихъ за себя и за мужа, участвуя при случаѣ и въ дѣлѣ, касающемся всей «громады», женщины смѣло своихъ мужей вступаютъ въ пренія съ судьейю и лавниками, не хуже иного «брехунца-адуката», какъ называютъ онѣ представителя защиты, — соглашаются или не соглашаются, смотря по обстоятельствамъ, — съ рѣшеніями суда. Извѣстны въ краѣ недоразумѣнія между помѣщиками и громадами по надѣлу сервитутовъ (лѣсъ, выгонъ). Женщины наравнѣ съ мужчинами принимали участіе во всѣхъ дѣлахъ и безпорядкахъ по этому поводу...

К. Яроцкій.

Въ Императорское Русское Географическое Общество.

(Отдѣленіе этнографіи).

Прибывши на дняхъ изъ путешествія по Китаю, я слѣшу сообщить о себѣ слѣдующее.

За время съ 30 октября 1890 г. по 3 мая 1892 г. я совершилъ 4 поѣздки: 1) 30 октября 1890 г. — 23 февраля 1891 г. я употребилъ на приведеніе въ порядокъ тѣхъ этнографическихъ матеріаловъ, которые значатся на страницѣ 62, въ «отчетѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1890 г.», подъ №№ 27, 29 и 31; 24 февраля 1891 г. — 12 мая 1891 г. я посвятилъ изслѣдованію нарѣчій Сартовъ и Киргизовъ Русскихъ и Китайскихъ, живущихъ въ восточной части Семирѣченской области (укрѣпленіе Бахты); 2) 13 мая 1891 г. — 7 ноября 1891 г. я посвятилъ изслѣдованію нарѣчій Дзунгарскихъ Киргизовъ и Китайскихъ Сартовъ, живущихъ въ г. Чугучакѣ; 3) 8 ноября 1891 г. — 7 марта 1892 года я посвятилъ изслѣдованію нарѣчій Хамійскихъ Сартовъ, подданныхъ цинь-вана Хамійскаго (князя первой степени); 4) 8 марта 1892 г. — 3 мая 1892 года я посвятилъ изслѣдованію нарѣчій Турфанскихъ Сартовъ, непосредственно подчиненныхъ тину Турфанскаго приставства, и нарѣчій Логучѣнскихъ Сартовъ, подданныхъ цинь-вана Логучѣнскаго (князя второй степени). Эти 4 поѣздки въ сравненіи съ поѣздками предъидущихъ 1888—1889 гг. были весьма плодотворны, какъ по изслѣдованію неизвѣстныхъ доселѣ тюркскихъ нарѣчій провинціи Гань-су-синь-цзянь, такъ и по изслѣдованію быта тюркскихъ племенъ этой провинціи. Кромѣ этого собранія памятниковъ народнаго творчества тюркскихъ племенъ, обитающихъ въ Дзунгаріи и Гань-су-синь-цзянь, я занимался также составленіемъ коллекціи денежныхъ знаковъ: бумаж-

ныхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ, обращающихся въ указанныхъ 2 областяхъ и Илн. Откладывая представленіе собранныхъ мною матеріаловъ до болѣе благоприятнаго времени, нѣмъ перечислить въ этомъ письмѣ только тѣ пути, какими я ѣхалъ до Хами и обратно до Кульджи, и тѣ результаты своихъ изслѣдованій, къ которымъ я пришелъ за 18 мѣсяцевъ путешествія по Китаю. Всѣ 4 поѣздки я совершилъ на 2 русскихъ телѣгахъ, на 4 коняхъ и съ 2 слугами, кромѣ ямщиковъ, временно нанимавшихся, и провожатыхъ солдатъ, назначавшихся ко мнѣ Китайскими властями. Съ 30 октября 1890 г. по 23 февраля 1891 года я занимался въ укрѣпленіи Бахты Семирѣч. обл. приведеніемъ въ порядокъ прежнихъ работъ, съ 24 февраля 1891 года по 12 мая того-же года я жилъ въ томъ же укрѣпленіи Бахты, а 13 мая переселился въ г. Чугучакъ, гдѣ я прожилъ вплоть до 7 ноября, ожидая изъ Пекина охранной грамоты, вмѣсто которой я получилъ только билетъ за подписью нашего консула въ Кульджѣ В. М. Успенскаго и Илійско-Тарбагатайскаго дао-тая Ина. Ожидая Пекинскую грамоту, я занялся въ Чугучакѣ изученіемъ Киргизскаго и Сартскаго нарѣчій. 8 ноября 91 г. я покинулъ г. Чугучакъ и черезъ гг. Дурбульджинъ, Куръ-Кара-Усу, Манасъ, Урумчи, Гученъ и хребетъ Тянь-шань (переваль Гоу-ченъ-дабанъ) проѣхалъ въ г. Хами, гдѣ прожилъ вплоть до 7 марта 92 г. Въ г. Хами и на сѣв.-вост. отъ него я изучалъ Сартскія нарѣчія. 8 марта 1892 г. я по Нань-лу, южному Императорскому тракту, отправился въ г. Турфанъ черезъ г. Пичанъ. Въ Турфанѣ я встрѣтилъ какъ Турфанскихъ, такъ и Логученскихъ Сартовъ, нарѣчія которыхъ я и изслѣдовалъ. Покинувши Турфанъ, я направился въ обратный путь въ Россію черезъ г. Кульджу, куда и прибылъ 3 мая с. г. Охранная Пекинская бумага вручена мнѣ Китацами въ г. Турфанѣ только 20 марта с. г., когда я уже былъ на обратномъ пути въ Россію. Дневникъ путешествія въ Тарбагатайскій, Хамійскій и Турфанскій округа, со включеніемъ въ него всѣхъ памятниковъ народнаго творчества, переданныхъ на рус. яз. въ точномъ переводѣ, со включеніемъ описаній коллекцій денежи. знаковъ и съ приложеніемъ фотографическихъ снимковъ типовъ и рисунковъ предметовъ домашняго обихода, требуетъ для приведенія въ порядокъ времени не менѣе года, вслѣдствіе чего всѣ мои обширныя собранія будутъ представлены Отдѣленію, по приведеніи въ порядокъ, черезъ 3—4 мѣсяца (часть I). Собрано мною:

1) Сказокъ: Хамійскихъ Сартовъ 38, Логученскихъ С, 71, Турфанскихъ С. 8, Кашгарскихъ С. 1, Аксуйскихъ С. 2. Всѣхъ сказокъ собрано 120.

2) Разсказовъ: Киргизскихъ 4, Хамійскихъ 46, Логученскихъ 34, Кашгарскихъ 2, Аксуйскихъ 1 и Турфанскихъ 3. Разказы эти повѣствуютъ о нижеслѣдующихъ предметахъ: объ излѣченіи бѣшенства и сумасшествія (Кирг.); о дняхъ, когда можно брить голову; о дняхъ, когда можно ходить въ баню; о вечеркахъ; о двяхъ, когда можно переселяться изъ дома въ домъ; когда можно кроить одежду и обувь; о Хамійскомъ цинь-ванѣ и его предкахъ; когда можно надѣвать новое платье; въ какіе дни можно стирать бѣлье; значеніе 12 лѣтъ Китайскаго счисленія для человѣка, животныхъ и растений; причина и послѣдствіе затмѣнія солнца и луны; въ какіе дни можно отправляться въ дорогу; причина и значеніе землетрясенія; значеніе звона въ ушахъ; въ какіе дни можно стричь ногти и волосы; причина и значеніе грома и молніи, о дѣятельности русскихъ купцовъ Тюстина и Соболева въ Хами; 8 эпизодовъ изъ Дунганской войны въ Хами; о податяхъ и повинностяхъ поданныхъ цинь-вана Хамійскаго; о болѣзняхъ мужскихъ и женскихъ; о могилахъ Хамійскихъ святыхъ; о борьбѣ Исуса Христа съ антихристомъ на страшномъ судѣ; о Сартскихъ чиновиникахъ въ Хами; объ одеждѣ вана и его чиновиниковъ (всѣ эти разказы записаны со словъ Хамійскихъ Сартовъ); объ Якубъ—бекѣ Кашгарскомъ и его сыновьяхъ; объ освопрививаніи; о святомъ Сейдѣ—Ваккабѣ; о Турфанскихъ у св. юношахъ; о Логученскомъ цзюнь-ванѣ; о покореніи Вост. Туркестана Якубъ—бекомъ и о побѣдахъ Якубъ—беки надъ Хань-ходжа-Рашидинонь, Исхакъ-ходжа и Айдинъ-ходжа; объ остроуміи ежа; о Дунганской войнѣ въ Кашгаріи; о болѣзняхъ мужскихъ и женскихъ; о фруктахъ Логученскихъ; о Китайскихъ пыткахъ; о животныхъ Логученскихъ; о проституткахъ Ло-

гучѣнскихъ и ихъ болѣзняхъ; о мѣдныхъ монетахъ; объ одеждѣ Турфанскихъ и Логучѣнскихъ Сартовъ; о Лобъ-норскихъ обитателяхъ; о Китайскихъ тюрьмахъ; о башмакахъ, оставляемыхъ начальникомъ города на память при переѣздѣ въ другое мѣсто службы; о встрѣчѣ царской бумаги чиновниками; о пантерѣ; о Сартахъ, какъ солдатахъ; о промыслахъ Лобъ-норскихъ обитателей; о Китайцахъ, какъ солдатахъ; о пищѣ Китайской и Сартской; о Логучѣнскомъ ванѣ и его семьѣ; о поборахъ Китайцевъ (эти рассказы записаны со словъ Логучѣнскихъ Сартовъ); объ Якубъ-бекѣ и его правосудіи (Кашгар.); о Мамутъ-ханѣ, совратителѣ Якубъ-бека (Аксу); о саранчѣ; объ Якубъ-бекѣ и его войнахъ съ Дунганами (Турфан.). Всѣхъ рассказовъ записано 90.

3) Пѣсенъ веселія (четверостишія). Киргиз. 44, Аксу. 5, Маргелан. 4, Турфан. 83, Хамійскихъ 235, Кашгар. 20, Логучѣн. 72 и Байскихъ 74. Изъ этого рода пѣсенъ замѣчательны слѣдующія пѣсни: о порчѣ правовъ (Турф.); о Соломонѣ (Турф.); пѣсни, распѣваемые на вечеринкахъ (Хами); о плѣшивыхъ (Хами); о герояхъ Дунганской войны (Хами); о Мамутъ-ханѣ (Хами); пѣсни свадебныя (Хами); пѣсни о непощающихъ мечети; о паршивыхъ (Хами); пѣсни, распѣваемые въ Рамазанъ (Кашг.); объ Якубъ-бекѣ (Логучѣн.); объ Іисусѣ Христѣ и дѣвѣ Маріи (Турфан.); о Дунган. войскѣ (Бай). Всѣхъ четверостишія записано 537.

4) Пѣсенъ скорби (четверостишія): Киргиз. 133, Самарканд. Сартовъ 3, Турфан. 17. Изъ этого рода пѣсенъ особенно замѣчательны причитанія по покойникѣ (Кирг.) и пѣсни о саранчѣ (Турф.). Всего 153.

5) Толкованій словъ: Хамійскихъ Сартовъ 809 и Логучѣнскихъ 107. Всего записано 916 толкованій.

6) Обычаевъ: Киргиз. 1, Хамійскихъ 107, Логучѣнскихъ 63. Особенно замѣчательно слѣдующее: погребеніе умершихъ (Кирг.); изгнаніе духовъ изъ бѣсноватаго (Хами); свадебныя обряды (Хами); погребеніе умершихъ у богатыхъ и бѣдныхъ (Хами); стихи, распѣваемые въ Рамазанъ (Хами, Логучѣн.); стихи, распѣваемые въ Баратъ (Хами, Логучѣн.); лѣченіе простуды каленымъ желѣзомъ (Хами); обыденныя занятія Хамійцевъ; нареченіе имени младенцу (Логучѣн.); обрѣзаніе (Лочуч.); стихи въ день Нового Года (Логуч.); свадьба (Логуч.); вечеринки и званые обѣды (Логуч.); стихи въ праздникъ Сафаръ (Логуч.); исцѣленіе бѣсноватыхъ (Логуч.); хорошіе дни, когда можно выѣхать въ дорогу (Логуч.); празднество по случаю выпаденія перваго снѣга (Логуч., Хами); свадьба у жителей селенія Кара-тѣбѣ (Хами); поздравленія по случаю брака (Хами). Всего записано 171 обычай.

7) Біографіи: Хамійскихъ Сартовъ 1, Турфан. 1 и Кирг. 2. Всего записано 4 біографіи.

8) Пословицъ: Киргиз. 390, Хамійскихъ 121 и Логучѣн. 126. Всего записано 637 пословицъ.

9) Вѣрованій, повѣрій: Кирг. 11, Хамійскихъ 18, Турфан. 13 и Логучѣн. 27. Всего записано 69 повѣрій.

10) Выпрашиваніе подааній нищимъ и яродивыши: Логучѣн. 1, Хамійскихъ 10 и Турфан. 52. Всего 63 четверостишія.

11) Загадокъ: Логучѣн. 11 и Хамійскихъ 27. Всего загадокъ записано 38.

12) Описаній путей, селеній и городовъ. Логучѣн. 5 статей.

13) Клятвъ: Логуч. 6

14) Благословеній: Байскихъ 1 и Логуч. 2. Всего 3 статьи.

15) Проклятій: Логуч. 1 и Хамійскихъ 2. Всего 3 статьи.

16) Гаданій (по бараньей лопаткѣ, на горошинахъ и по Корану): Логуч. 34.

17) Прибаутокъ и прозвищъ: Хамійск. 1 и Логучѣн. 8. Всего 9 статей.

18) Изреченій древнихъ мудрецовъ: Хамійскихъ Сартовъ 186 статей. Изъ этихъ изреченій особенно замѣчательны тѣ, которыя повѣствуютъ о злой женѣ, неразумныхъ дѣлахъ, жизни праведниковъ на 7 слояхъ неба и жизни грѣшниковъ подъ 7 слоями земли. Изреченія эти часто излагаются въ формѣ діалоговъ.

19) Собственныя имена мужскія и женскія: Хамійскихъ Сартовъ 2, Пичаискихъ 2. Всего 4 статьи именъ.

20) Объявленій на Сартскихъ нарѣчіяхъ: Логучѣн. 6 (отъ чиновниковъ Китайскихъ) и 1 (отъ врача Китайскаго).

21) Выписокъ изъ медицинскихъ книгъ на Сартскихъ и нарѣчіяхъ: Логучѣн. 6 статей.

Изъ коллекцій, мною составленныхъ, я могу указать на слѣдующія:

1) Коллекцію фотографій типовъ Къчинцевъ, Сагайцевъ, Бельтировъ, Карагасовъ, Киргизовъ, Сартовъ, Китайцевъ и Манжуровъ; 2) коллекцію рисунковъ на одеждѣ, обуви и др. предметахъ домашняго обихода обитателей Хамійскаго оазиса; 3) коллекцію облигацій, выпущенныхъ частными фирмами и правительственными учрежденіями Тарбагатая, Куръ-Кара-Усу, Урумчи и Хами; 4) коллекцію Китайскихъ серебряныхъ гривенниковъ, чеканенныхъ въ Хотанѣ, Яркендѣ, Янги-гисарѣ, Кашгарѣ и Аксу; 5) коллекцію мѣдныхъ монетъ (желтыхъ и красныхъ), вращающихся въ гг. В. Туркестана, Или, Тарбагатая и Синь-цзяни. Подробное описаніе этихъ 5 коллекцій будетъ включено въ дневникъ путешествія по Китаю. Фотографическіе снимки приобретены у Д. Ө. Долинна въ г. Миусинскѣ, Ф. Д. Бачанскаго въ г. Нижнеудинскѣ и И. Ф. Толшина въ г. Семипалатинскѣ. Рисунки воспроизведены частью мною самимъ и частью мѣстными художниками Хами и Логучѣна. Облигаціи и монеты Китайскія прочитаны мнѣ въ Хами, Турфанѣ и Урумчи самими Китайцами. Кромя этихъ снимковъ имѣются у меня и снимки съ Китайскихъ надписей на камняхъ, прочитанные также Китайцами; содержаніе надписей также будетъ включено въ точномъ русскомъ переводѣ въ дневникъ путешествія, какъ и самыя тексты памятниковъ народнаго творчества изслѣдованныхъ мною племенъ С. З. Китая. Тексты написаны арабскою транскрипціею и точною русскою, принятою въ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ. Грамматическія особенности изслѣдованныхъ мною 4 тюркскихъ нарѣчій С. З. Китая, стихосложеніе въ этихъ нарѣчіяхъ и фонетика изслѣдованы мною со всѣми мельчайшими подробностями.

Размѣръ стиховъ у Къчинцевъ, Сагайцевъ, Бельтировъ, Карагасовъ и Уринхайцевъ совершенно одинаковъ съ размѣромъ стиховъ Хамійскихъ, Турфанскихъ, Логучѣнскихъ, Байскихъ, Аксуйскихъ и Кашгарскихъ Сартовъ и съ размѣромъ Киргизскихъ причитаній по покойникѣ, именно: каждое полустихіе куплета состоитъ изъ двойнаго ямба (— | — |), переходящаго по отсѣченіи перваго слога въ амфиакръ и по отсѣченіи послѣдняго въ амфибрахій. Приемлютъ обыкновенно первая, вторая и четвертая строка четверостишія, или только вторая и четвертая. Изъ печатныхъ книгъ въ Турфанѣ, Пичанѣ и Хами я встрѣтилъ только Коранъ на араб. яз. и нѣсколько религіознаго содержанія книжекъ на нарѣчій Казанскихъ Татаръ. Эти книжки завозятся черезъ Війскъ, а Коранъ—черезъ Семипалатинскъ и Чугучакъ. Народная литература заключается въ рукописныхъ книгахъ на мѣстномъ языкѣ, устныхъ разсказахъ и рукописныхъ переводахъ съ Арабскаго яз. (объ адѣ и раѣ), Персидскаго (о томъ-же и гаданіи, затѣмъ сказки) и Китайскаго (сказки и разказы). Въ нарѣчій Киргизовъ Дзунгаріи я встрѣтилъ Китайскихъ словъ очень мало, въ нарѣчіяхъ Турфанскихъ, Логучѣнскихъ, Байскихъ и Кашгарскихъ Сартовъ китайскихъ словъ нѣсколько больше, а у Хамійскихъ Сартовъ китайскихъ словъ масса, монгольскихъ-же немного; арабскія и персидскія слова встрѣчаются во всѣхъ этихъ нарѣчіяхъ одинаково, попадаются даже русскія слова, вошедшія съ предметами торговли, какъ напр. сѣринка, подносъ и др.

Катановъ.

„ЖИВАЯ СТАРИНА“,

періодическое изданіе Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества третій годъ свой начнетъ съ конца Января 1893 г. и будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками отъ 7—8 до 9—10 листовъ прежняго формата въ большую 8-ку.

Подписная цѣна за четыре выпуска въ годъ: въ С.-Петербургѣ (съ доставкою)—5 р., въ другіе города Имперіи—5 р. 50 к. и за границу—6 р.

Подписка принимается въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ, въ редакціи „Живой Старины“ (СПБ. у Чернышева моста) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ НА ГАЗЕТУ

ФЕЛЬДШЕРЪ,

ПОСВЯЩЕННУЮ ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ МЕДИЦИНЫ, ГИГИЕНЫ И ВОПРОСАМЪ
ФЕЛЬДШЕРСКАГО БЫТА.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Газета «ФЕЛЬДШЕРЪ» выходитъ въ С.-Петербургѣ, *два раза въ мѣсяцъ*, въ объемѣ 1—1½ листа, по слѣдующей программѣ:

I. Самостоятельныя и переводныя статьи медицинскаго содержанія въ доступномъ пониманіи фельдшеровъ изложеніи: о сущности, предупрежденіи и лѣченіи болѣзней, объ уходѣ за больными и о помощи въ несчастныхъ случаяхъ.

II. Общедоступныя статьи по общей и частной гигиенѣ и о простѣйшихъ способахъ распознаванія фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ.

III. Статьи и корреспонденціи объ образованіи, бытовыхъ условіяхъ и дѣятельности фельдшеровъ.

IV. Мелкія извѣстія, рефераты и рецензіи книгъ, въ предѣлахъ программы журнала.

V. Отвѣты редакціи и объявленія.

Въ 1893 году газета «ФЕЛЬДШЕРЪ» будетъ выходить въ тѣ-же сроки, подъ той-же редакціею, при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ и по той-же программѣ, какъ и въ прошедшіе годы.

Подписная цѣна за годъ съ пересылкою ТРИ руб. Допускается рассрочка по третью года. Можно требовать присылки газеты съ наложеннымъ платежемъ, но за послѣдній нужно платить 20 к. особо.

Съ требованіями обращаться на имя редактора-издателя газеты «ФЕЛЬДШЕРЪ»: С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 4-я линія, 9.

Редакція проситъ не ссылаться на старый адресъ, но присылать новый, четко написанный, или-же подлинный старый адресъ.

Редакторъ-издатель Б. А. Оиць.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ПОЖАРНЫЙ
ВѢСТНИКЪ ПОЖАРНАГО ДѢЛА ВЪ РОССІИ.

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры съ 1-го марта 1892 г. два раза въ мѣсяць, книжками до трехъ печатныхъ листовъ, въ иллюстрированной обложкѣ и представляетъ собою первое въ Россіи изданіе, посвященное пожарному дѣлу, задавшееся цѣлью знакомить публику съ современнымъ состояніемъ и техникою пожарнаго дѣла, новѣйшими усовершенствованіями и улучшеніями въ немъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ и Америкѣ. Благодаря своей обширной программѣ «ПОЖАРНЫЙ» поставилъ себѣ задачей удовлетворять запросамъ и требованіямъ, предъявляемымъ какъ со стороны городскихъ самоуправленій и земствъ, такъ и городскихъ частныхъ и вольныхъ пожарныхъ командъ—въ особенности послѣднихъ, возникновеніе которыхъ въ различныхъ мѣстахъ нашего отечества нельзя не отмѣтить, какъ отрядный и достойный подражанія фактъ.

Для болѣе успѣшнаго осуществленія поставленной журналомъ задачи, Редакція «ПОЖАРНАГО» позволяетъ себѣ обратиться съ просьбой къ лицамъ и учрежденіямъ, близко стоящимъ къ пожарному дѣлу, къ городскимъ управленіямъ, земскимъ губернскимъ и уѣзднымъ управамъ, страховымъ обществамъ и ихъ провинціальнымъ агентамъ, пожарнымъ обществамъ и командамъ не отказать доставленіемъ свѣдѣній о настоящемъ состояніи и организациіи пожарнаго дѣла въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, а также селахъ и деревняхъ, и о тѣхъ усовершенствованіяхъ, какія вводятся и введены въ томъ или другомъ городѣ въ отношеніи огнегасительныхъ и предохранительныхъ отъ пожаровъ средствъ. Редакція проситъ формой изложенія—будетъ ли то статья или корреспонденція—не стѣсняться. Пусть каждый скажетъ свое слово. Литературную разработку матеріаловъ редакція принимаетъ на себя.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Оффиціальныя постановленія и распоряженія; 2) Свѣдѣнія о состояніи пожарнаго дѣла въ Россіи и за границей; 3) Важнѣйшія открытія и усовершенствованія въ пожарномъ дѣлѣ; 4) Хроника; 5) Корреспонденціи; 6) Фельетонъ; 7) По Россіи; 8) Биографіи дѣятелей по пожарному дѣлу; 9) Библиографія; 10) Статистика; 11) Вопросы и отвѣты; 12) Объявленія.

Всего выйдеть за 10 мѣсяцевъ съ 1-го марта 1892 г. по 1-е января 1893 г. двадцать книжекъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкою: За 12 мѣсяцевъ 6 р.; за 6 мѣсяцевъ 3 р.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

На одинъ разъ: цѣлая страница — 40 руб.; $\frac{1}{2}$ страницы — 25 руб. $\frac{1}{4}$ страницы — 15 руб.; помѣщеніе объявленій болѣе одного раза—по соглашенію съ конторою (Шпалерная 18).

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ журнала:

С.-Петербургъ. Шпалерная, д. 18.

Телефонъ № 1230.

Содержаніе 4-хъ вышедшихъ въ свѣтъ номеровъ «ПОЖАРНАГО».

Въ 1, 2, 3 и 4 №№ «Пожарнаго» помѣщены слѣдующіе очерки и статьи 1) По поводу Одесскихъ пожаровъ. 2) Фрегатъ въ огнѣ. А. Чернаго. 3) Біографія: А. П. Паскина, С.-Петербургскаго брантъ-маюра, и Кн. А. Д. Львова, владѣльца пожарной команды въ Стрѣльнѣ. 4) Два слова о пожарномъ дѣлѣ, гр. А. Д. Шереметева. 5) Железнодорожные пожарные поѣзда. 6) Пожары въ селеніяхъ. Н. Стѣссарева, 7) Пожарное дѣло въ провинціи. Г. А. 8) Новые Московскіе ряды въ противопожарномъ отношеніи. 9) Пожарное дѣло въ земствахъ. В. Гулевича. 10) Французы о европейскихъ пожарныхъ командахъ. 11) Пожарное дѣло въ нашихъ провинціальныхъ городахъ. А. Меца. 12) Пожары въ театрахъ и противопожарныя мѣры, принятія въ Мюнхенскихъ театрахъ. 13) Пожары въ Японіи. 14) Паровые пожарные насосы, ихъ появленіе и дальнѣйшія усовершенствованія. Инж. Г. Дица.

Редакція открыта для объясненій и личныхъ переговоровъ по Вторникамъ и Четвергамъ, утромъ отъ 10—12 час.

Статьи, посылаемыя для напечатанія въ иллюстрированномъ журналѣ «ПОЖАРНЫЙ», должны быть за полною подписью ихъ авторовъ и съ указаніемъ ихъ мѣстожительства. (По желанію авторовъ, статьи могутъ быть напечатаны и безъ подписей: подъ инициалами ихъ имени и фамиліи или подъ псевдонимами). Принятія для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію. Анонимныя статьи, письма и заявленія Редакція оставляетъ безъ вниманія.

Статьи — безъ указанія желаемаго за нихъ авторомъ вознагражденія — считаются бесплатными. Возвращеніе статей по почтѣ Редакція принимаетъ на себя только въ томъ случаѣ, когда на ихъ пересылку будетъ прислано соответствующее число почтовыхъ марокъ.

Мелкія статьи и замѣтки, не напечатанныя почему-либо въ «Пожарномъ», не возвращаются.

Издатель-Редакторъ Гр. А. Д. Шереметевъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

НА ТРЕХЪ-МѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ «ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ» имѣетъ цѣлью — знакомить русскую читающую публику съ произведеніями міровыхъ гениевъ всѣхъ временъ и народовъ и, кромѣ того, научнымъ образомъ разрабатывать историко-литературные вопросы. Преслѣдуя указанную цѣль, редакція журнала «Пантеонъ Литературы», за 5 лѣтъ его существованія, напечатала слѣдующія произведенія отечественныхъ и иностранныхъ писателей:

1) Поэмы Оссіана, въ переводѣ Е. В. Балабановой; 2) Тристрамъ Шенди, соч. Лоренса Стерна; 3) Калевала, въ пер. Л. П. Бѣльскаго (удост. преміей Академіи Наукъ); 4) Пѣснь о Нибелунгахъ, въ пер. М. И. Кудряшева (удост. преміей Академіи Наукъ); 5) Теофрастъ, Характеристика; 6) Лукіанъ, Сочиненія; 7) Дж. Леопарди, Разговоры; 8) Георгъ Бравдесъ, Новыя вѣнія: Вафронъ и его произведенія; 9) Славяно-

Романскія повѣсти, ст. А. Н. Веселовскаго; 10) К. Н. Батюшковъ, какъ поэтъ, ст. Л. Н. Майкова; 11) Поля Бурже, Очерки современной психологін; 12) Бомарше, Трилогия, съ характеристикой А. Н. Веселовскаго; 13) Медея, Еврепиды, трагедія; 14) Сюлли-Прюдомъ, Геркулесъ, поэма; 15) Педагогическія теоріи эпохи возрожденія, ст. И. И. Стороженко; 16) Баянъ, Сборникъ произведеній современныхъ славянскихъ поэтовъ, въ пер. Уманова-Каплуновскаго; 17) Очеркъ исторіи книги, публ. лекціи А. И. Кирпичникова. 18) Бл. Паскаль, Мысли; 19) Критическіе опыты Вал. Н. Майкова; 20) А. К. Шеллеръ (Михайловъ), ст. Ор. Ф. Миллера; 21) Бьернстеръ-Бьернсонъ, комедія; 22) М. Гюйо, Современная эстетика; 23) Литературная исторія Донъ-Жуана, соч. Е. Г. Брауна; 24) Радости жизни, соч. Дж. Леббока, съ предисловіемъ автора къ русскому изданію; 25) Ж. Ж. Руссо, сочиненія; 26) Ленау, Фаустъ, поэма; 27) Монтанъ, Опыты; 28) Монтескье, Персидскія письма; 29) Сочиненія В. П. Боткина; 30) Стихотворенія Р. Гюго, А. Мюссе, Леконтъ де-Лиль, К. Делавинъ, Петрарки (сонеты), Лонгфелло, Тоннисона, Мильтона, Шелли и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ:

За годъ	6 руб.
» полгода	3 »
» границу за годъ	8 »

Редакція и главная контора, въ С.-Петербургѣ, Николаевская, 16.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЕМЕЙНАЯ БИБЛИОТЕКА

(4-й годъ изданія).

Журналъ «СЕМЕЙНАЯ БИБЛИОТЕКА», издаваемый редакціею «Пантеона Литературы», имѣеть цѣлью дать самой небогатой семьѣ возможность за ничтожную плату составить себѣ библіотеку изъ произведеній избранныхъ писателей. Каждая книжка содержитъ въ себѣ, по возможности, законченное произведеніе.

Въ вышедшихъ книгахъ между прочимъ помѣщены: Г. П. Данилевскаго, Потемкинъ на Дунаѣ, истор. ром.; Ф. М. Толстого, Болъзани воли, ром.; К. П. Батюшкова, Стихи; С. С. Смирновой, Огонекъ, романъ; Е. Сальяновой, Законный исходъ, повѣсть; М. А. Филиппова, историч. рассказы; Вас. Нарѣжнаго, Два Ивана, пов.; И. И. Козлова, полное собр. стихотвореній съ біографіей; Искандера, Кто виноватъ? ром.; Шатобриана, Атака и Мученики христіанства; Шамиссо, Чудесная исторія; М. Н. Бутковскаго, Народныя сказки (въ стихахъ); Виктора Гюго, Послѣдній день приговореннаго къ смерти, Шпіонъ и 93-й годъ; А. Марлинскаго, Амалатъ Бекъ; Габихта; Сила предразсудка, истор. романъ гр. Л. Н. Толстаго, Смерть Ивана Ильича; полное собраніе стих. А. В. Кольцова съ біографіей и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за годъ 2 руб., за полгода 1 руб.; за границу за годъ 4 руб.

XXV ОТКРЫТА ПОДПИСКА XXV
г. изд. на 1898 годъ г. изд.

на иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

съ приложеніемъ „Педагогическаго Листка“

ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ.

Въ 1898 году «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» вступаетъ въ 25-й годъ своего существованія.

«ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» одобрено Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по Учрежденіямъ Императрицы Маріи, Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній включено въ каталогъ книгъ для чтенія воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ, 1891 г. допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Съ 1892 года «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» издается подъ новой редакціей. Редакція ставитъ себѣ задачей придерживаться программы лучшей поры существованія журнала «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ».

Въ совѣщаніяхъ редакціи принимаютъ близкое участіе А. Н. Острогорскій и В. П. Острогорскій.

При журналѣ «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» издается «Педагогическій листокъ», выходящій четыре раза въ годъ отдѣльными книжками отъ 3 до 5 печатныхъ листовъ. Большая часть статей «Педагогическаго листка» будетъ посвящена домашнему воспитанію, элементарному обученію и разработкѣ вопросовъ о чтеніи дѣтей.

Съ 1893 года въ «Педагогическомъ листкѣ» будетъ издаваться періодическій указатель вновь выходящихъ дѣтскихъ и учебныхъ книгъ; въ указателѣ будутъ помѣщаться краткое описаніе и разборъ по возможности всѣхъ вновь выходящихъ книгъ для дѣтей и юношества, учебниковъ, руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

Кромѣ того, въ концѣ года въ «Педагогическомъ листкѣ» будетъ помѣщаться рекомендательный каталогъ книгъ для дѣтей и юношества, какъ вышедшихъ въ теченіе года, такъ и ранѣе изданныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . .	5 Р.	Съ доставкою въ СПБ. и пересылкою во всѣ гг. Россіи.	6 Р.	За границу	8 Р.
--------------------------------------	-------------	--	-------------	--------------------	-------------

На полгода—3 руб.; на четверть года—1 руб. 50 коп.; на девять мѣсяцевъ—4 руб. 50 коп.

Допускается разсрочка по третямъ и полугодіямъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Разъѣзжая ул., д. № 3, кв. 12, въ отдѣленіяхъ конторы: книжныхъ магазинахъ Карбасникова, Фену и К^о (Невскій пр., № 40), а также во всѣхъ другихъ столичныхъ книжныхъ магазинахъ, а въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печковской.

Издатель *Я. В. Борисовъ.*

Редакторъ *П. В. Голяховскій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1893 годъ

НА

Дѣтскій Иллюстрированный Журналъ

„ИГРУШЕЧКА“

XIV ГОДЪ

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

Подъ редакціей *А. Н. Трюблевой-Толмачевой.*

Журналъ «ИГРУШЕЧКА» допущенъ Учебнымъ Комитетомъ въ Святѣйшемъ Синодѣ къ приобрѣтенію въ бібліотеки мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія бібліотеки младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и Комитетомъ Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

«ИГРУШЕЧКА», вступая въ четырнадцатый годъ изданія будетъ выходить по прежней программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ и сотрудницъ. Цѣль изданія — посредствомъ многостороннихъ знаній вліять на развитіе сердечной теплоты, религіознаго и эстетическаго чувства и любви ко всему видимому міру, пробуждать сознаніе нравственнаго долга, необходимости труда, важности самодѣятельности.

Въ «ИГРУШЕЧКѢ» помѣщаются статьи научнаго содержанія изъ жизни и природы, статьи по исторіи, повѣсти и рассказы оригинальные и переводные, путешествія, стихотворенія, сказки и описанія ремеслъ. Статьи иллюстрируются соответственными рисунками.

Въ журналѣ кромѣ вышеупомянутыхъ статей помѣщаются рассказы на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ подстрочнымъ русскимъ переводомъ.

Независимо отъ рисунковъ въ текстѣ, чтобы способствовать развитію въ дѣтяхъ чувства изящнаго, въ журналѣ помѣщаются на отдѣльныхъ листахъ, подъ названіемъ «КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ИГРУШЕЧКИ», снимки съ картинъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Редакція журнала «ИГРУШЕЧКА», стремясь постоянно улучшать и расширять свой журналъ, рѣшила съ будущаго 1893 года давать 2 раза въ годъ бесплатное приложение, которое будетъ состоять изъ двухъ небольшихъ томиковъ, заключающихъ каждый цѣльное сочиненіе по различнымъ отдѣламъ знаній и беллетристики оригинальной и переводной. Каждая книжечка будетъ иллюстрирована многими рисунками. Кромѣ двухъ премій, чтобы знакомить маленькихъ читателей съ русской исторіей, съ наиболее выдающимися событіями и дѣятелями, редакція даетъ рядъ снимковъ съ памятниковъ, воздвигнутыхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи для увѣковѣченія наиболее крупныхъ событій русской исторіи и главныхъ подвиговъ на поприщѣ гражданскомъ, военномъ и благотворительномъ, а также снимки съ памятниковъ быта.

При журналѣ «ИГРУШЕЧКА» существуетъ особый отдѣлъ

„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“

ГОДЪ V.

Статьи этого отдѣла печатаются крупнымъ шрифтомъ, со многими картинками.

Задача отдѣла «ДЛЯ МАЛЮТОКЪ» дать дѣтямъ занимательное чтеніе въ то время, когда они начинаютъ скучать, играя въ игрушки.

Журналъ «И Г Р У Ш Е Ч К А» выходитъ ежемѣсячно книжками въ 3 печатныхъ листа, съ отдѣломъ «ДЛЯ МАЛЮТОКЪ» въ 4 листа и болѣе.

Въ журналѣ принимали и будутъ принимать участіе слѣдующіе литераторы и ученые:

О. Алексѣева, М. Н. Альбовъ, Е. Анненкова, Н. М. Астыревъ, С. Атава, К. С. Баранцевичъ, А. Бахтіаровъ, Ин. Бѣлоусовъ, М. Васильевъ, В. Л. Величко, А. Владимірова (Европеусъ), И. И. Горбуновъ-Мосадовъ, Е. Дницъ, С. Д. Дрожжикъ, Ив. Епифановъ, В. П. Желиховская, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, М. Иванова, В. Э. Иверсень, Н. Н. Каразинъ, Д. Н. Кайгородовъ (профессоръ), М. Колоколова, А. А. Коринфскій, О. Кошелева, С. И. Лаврентьева, Вл. Ладыженскій, В. П. Лебедевъ, Н. С. Лѣсковъ, К. Луквашевичъ, М. Львова, В. А. Маркова, Л. Медвѣдевъ, А. К. Михайловъ (Шеллеръ), Д. Л. Михайловскій, В. И. Немировичъ-Данченко, В. Огарковъ, В. П. Острогорскій, А. Н. Плещеевъ, М. И. Пыляевъ, А. Сахарова, Н. И. Северинъ, А. Н. Селивановъ, Е. Симонова, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, А. Тургенева, А. И. Фаресовъ, В. Фаусекъ, О. Чюмина, Л. Шелгунова, Н. Шубинскій, I. I. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій), А. М. Оедоровъ, И. И. Феоктистовъ и многіе другіе.

Изъ художниковъ въ журналѣ принимаютъ участіе, И. Е. Рѣпинъ, Н. Н. Каразинъ, Н. А. Кошелевъ, баронъ М. П. Клодтъ, Е. М. Бѣмъ, Д. К. Дядченко, М. Михайловъ и многіе другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Журналъ «ИГРУШЕЧКА» за 12 книгъ
съ двумя даровыми преміями
съ дост. и перес. на годъ. . . 3 р.
За границу на годъ 5 »

Съ отдѣломъ «Для малютокъ»
на годъ 5 р.
За границу на годъ. 7 »

Отдѣльной подписки „ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“ нѣтъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Сергіевская ул., д. № 26,

куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ исключительно обращаться съ своими требованіями.

Желающіе имѣть 1887, 1890, 1891 и 1892 гг. «ИГРУШЕЧКИ» благоволятъ адресоваться въ редакцію журнала, которая беретъ пересылку на свой счетъ.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ. въ 1893 году.

Въ 1893 году «ИЗВѢСТІЯ» Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (въ первыхъ числахъ: января, марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Въ содержаніе каждой книжки входятъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азійи и Сибири);
- 3) Матеріалы археологическія, историческія и этнографическія, относящіяся къ Восточной Россіи; мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія изроднаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочтанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльныя вопросы редакціи;
- 6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ первыхъ книжкахъ «ИЗВѢСТІИ» за 1893 г. будутъ напечатаны, между прочимъ, слѣдующіе статьи: «Данныя о городахъ Волжской Булгаріи» П. А. Пономарева; «Матеріалы для характеристики бронзовой эпохи въ Волжско-Камскомъ краѣ» его же; «Древнія мѣдныя орудія въ Каз. губ.» А. А. Штукенберга; «Древности Бюстромской губ.» его же; «Тяглыя земли на Вяткѣ въ XVII вѣкѣ» А. А. Спичина; «Формы жилищъ и селеній у народовъ В. Россіи» (сводъ извѣстій путешественниковъ и этнографовъ, въ составленіи котораго примутъ участіе К. И. Воронцовъ, Н. Я. Кириловъ, А. К. Кулагинъ, В. Н. Пинегинъ, П. В. Траубенбергъ); «Мордва. Историко-этнографическій очеркъ» И. Н. Смирнова (отдѣлъ этнографическій); «Черемисы Арбанской волости» Н. Троицкой; «Замѣтки о мордвѣ Нижегородской губерніи» А. Д. Смирнова; «Остатки языческихъ вѣрованій и обрядовъ у зырянъ» А. В. Красова; «Кара-Якубовская волость Белеб. у. Уф. губ.» И. А. Износкова и др.

Въ видѣ приложенія къ «Извѣстіямъ» будутъ печататься двѣ серіи изданій:

- 1) Матеріалы для этнографіи Поволжья. I. «Черемисско-русскій словарь» В. П. Троицкаго; II. «Мордовско-русскій словарь» М. Е. Евсевьева.
- 2) Археологическая бібліотека «Извѣстій». I. Мѣдныя вѣкы въ Европѣ. М. Мухъ. Перев. съ нѣмецкаго.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 руб.) въ два срока: три руб. при подпискѣ и два руб. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе бесплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи.

Члены Редакціоннаго Комитета: И. Смирновъ и А. Соколовъ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

на 1893 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученныя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнѣю коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко въ Казанскому Университету, обзорнія преподаванія, распределенія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученныя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ **Ө. Мищенко.**